

Александр Миронов

**С В Я З У Ю Щ А Я
С М Ы С Л А
С У Т Ь**

Статьи, очерки и заметки для вдумчивого читателя

**Санкт-Петербург
ГЕЛИКОН
ПЛЮС
2006**

Автор выражает признательность за вольную и невольную помощь, оказанную ему при создании книги:

*Гриневицкому Николаю Константиновичу
Каратыгину Андрею Валерьевичу
Киришину Дмитрию Николаевичу
Кучеровскому Александру Константиновичу
Миронову Николаю Поликарповичу
Мироновой Ольге Николаевне
Петрову Михаилу Кирилловичу
Раевскому Евгению Павловичу
Савкину Игорю Александровичу
Ткаченко Алексею Константиновичу
Хилько Владимиру Васильевичу
Юнацкевичу Петру Ивановичу*

и

*коллективу, а также активу читателей библиотеки-филиала № 3
Кировского района Санкт-Петербурга*

Миронов А. Н.

М64 *Связующая смысла суть. — СПб.: Геликон Плюс, 2006. — 240 с.
ISBN 5-93682-370-9*

В настоящей книге читатель найдет, то, что уже, вероятно, давно безотчетно и безуспешно искал, а именно: он найдет как вопросы, которые по ряду причин затруднялся сам перед собой поставить, так и соответствующие им ответы. Кроме того, он впервые в собственной жизни обнаружит нечто действительно новое и даже совсем для себя неожиданное, а главное — самое важное в жизни каждого человека, причем найдет это весьма странно или найдет его в уже знакомом. Но о чем же таком особо существенном пишет автор предлагаемой книги? Он излагает ряд базовых смыслов жизни и как чего-то целого, так и вполне частного, а также сообщает своему читателю твердые ориентиры для жизни, позволяющие вооружиться ему непреклонной верой в конечное торжество правды и добра.

ISBN 5-93682-370-9

УДК 800:27.247

ББК 81 + 86.37

© А. Н. Миронов, 2006

© Геликон Плюс, 2006

*Господи, помоги, помоги же, наконец, моему неверию! —
Изволь, чадо мое, помогу, но только сначала познай
окружающие и пронизывающие тебя смыслы...*

*Исконный смысл каждого слова и смысл изначально
обозначаемого им же явления материального мира
всегда один и тот же.*

Предисловие

Настоящая книга продолжает собой начатую автором ранее серию «Смысловедение», которая родилась в 2005 году в книгах «Прямая речь Иисуса Христа: смысло-логический анализ» (СПб.: Алетейя) и «Конституция Российской Федерации 1993 года: смысло-логический анализ» (СПб.: Роза мира). В данном случае вниманию читателя предлагается сборник статей, очерков и заметок, посвященных как различным вопросам организации социальной жизни, так и наиболее актуальным проблемам ее содержания. Сами статьи, очерки и заметки были написаны в 2004–2006 годах.

В книге автор показывает, как за покровом якобы совсем очевидного и вполне привычного возможно обнаружить и понять сокровенное и насущное. Другими словами, читатель приглашается в мир самых удивительных открытий и прозрений. Кроме всего прочего, аналогичные представленным в предлагаемой книге очерки уже самих читателей вполне смогут в дальнейшем, по мнению автора, составить общее для всех русских людей своего рода новое «культурное поле» как благо всех людей, думающих и говорящих по-русски. Иное или нескончаемое и, в конце концов, грустное «хождение» в известных дебрях «смысловой вкусовщины» неизбежно угробит само русское начало, превратив россиян окончательно в скучный и угасающий в исторической перспективе отряд «рыночных потребителей».

Автор

Философия подлинной власти как философия выгоды или правды?

**(или некоторые соображения по поводу
главного российского дефицита — дефицита умения думать)**

*Богатым можешь ты не быть,
но думать грамотно — обязан.*

Сначала некоторые и совершенно необходимые пояснения к заголовку настоящей статьи. Автор, как говорится, волею собственной судьбы некоторое время тому назад (в 1999 году) выработал своего рода принцип «Сущностного восприятия слова» или буквального восприятия значения слова, который в отличие, скажем, от известного контекстного основывается на том, что практически любое употребляемое нами слово имеет свое особенное и неотъемлемое значение, или свой особенный смысл. Сам принцип был подробно представлен автором статьи в двух книгах с аналогичным принципу названием. Настоящий принцип вполне реализуется путем нахождения такого значения, которое охватывает собою по смыслу как уже все известные, так и еще пока неизвестные — будущие контекстные (частные) значения взятого в рассмотрение нами слова. Подобный взгляд на слово (всю речь) вполне позволяет его носителю сохранять смысловую устойчивость в любой ситуации. Другое дело, что решение названной задачи имеет известные пределы и трудности, а порой представляет собой своего рода практику «научного искусства». С этой точки зрения употребленное в заголовке статьи слово «философия» само по себе уже предполагает состояние сознания, характеризующееся бескорыстным стремлением к истине и благу и охваченное при этом уверенностью в наступлении счастливого будущего. Ранее в книге второй о «Сущностном восприятии слова» (СПб.: Алетейя, 2004) автор статьи уже сформулировал тезис, что «философия» в жизни человека есть невещественная основа его бытия, определяющая собою все подробности его же судьбы. Противное же представление о сем предмете было им охарактеризовано лишь как указание на неумение думать. Кроме того, слово «благо», входящее в сформулированное определение слова «философия», предполагает, в свою очередь, некое состояние «ладности». Последнее, конечно же, не имеет в себе исключения или, скажем, некоего предпочтения. Но тогда слово «благо» заметно отличается своим значением, например, от слов «выгода» и даже «польза», которые вполне допускают локальное предпочтение и соответственно некий общий ущерб или известную убыль. Впрочем, скажем, польза от чего-либо для здоровья человека возможна и вне очевидного урона окружающему его миру. Другими словами, если кто-то «потянул на себя общее одеяло», то он, создав для себя выгодную и даже внешне полезную ситуацию, нанес тем самым всем остальным некий ущерб, причем последний, и прежде всего в нравственном отношении, так или иначе коснулся и самого «стянувшего одеяло». Но к чему, собственно, сии рассуждения? А они как раз к тому, что речь в статье пойдет на самом деле об особенностях человеческого мировоззрения и в первую очередь мировоззрения «власть предержащих». Но сначала немного о самом понятии «власть». По мнению автора статьи, с сущностной точки зрения власть — это лишь проявление возможности к совершению чего-либо. Теперь подумаем над тем, а что такое власть государственная? Тем более — над тем, а что такое подлинная государственная власть? Представляется, что подлинная

государственная власть есть власть, способная на самом деле отвечать собою за государство как за нечто целое. Другими словами, государственная власть лишь тогда подлинна, когда ее действия ею же самой ясно и полностью осознаются как действия, гарантированно дающие результат, вполне позволяющий иметь совокупный продукт государственного управления как продукт абсолютно насыщенный для бытия и развития всего народа как целого, давшего жизнь и самому государству.

Сегодня в России, да пожалуй, и в мире в целом, господствует стремление к выгоде или, скажем, пользе. Но если в мире картина такова, что в нем доминируют так или иначе производители материальных ценностей и услуг (и было бы странным иное), то не в пример сему правительство нашей страны состоит главным образом из людей, которые духом своим сродни советским фарцовщикам и спекулянтам. К великому сожалению, президент России В. В. Путин заметно «не выпадает» из названного ряда и его никак не спасают слова, что людям надо всегда говорить правду. Ведь подобное рассуждение, строго говоря, напоминает детское поведение, а не поведение зрелого и вполне ответственного человека. Другими словами, «у кого что болит, тот о том и говорит». Видимо, президенту В. В. Путину с некоторых пор стыдно за самого себя стало либо он таким образом лишь пытается поддерживать собственную популярность. Судя по ряду иных признаков, последнее наиболее вероятно. Означенные же выше «деловые люди», как, наверное, многие из нас еще помнят по советским временам, отличались редким умением на дефиците каких-либо товаров или услуг создавать собственное денежное или материальное преуспевание. Другими словами, нынешняя эпоха в России — это эпоха господства ловких посредников (перекупщиков) — менял. Но кто-то, вероятно, спросит автора, что даже если он и прав, то как такое вообще стало возможным?

Еще в дореволюционной (царской) России, особенно наглядно в последний ее период, в части бывшего тогда передового материального производства заметно выделялся иностранный капитал или, говоря современным языком, выделялись иностранные бизнесмены и банкиры. В подтверждение сказанного выше здесь вполне можно заняться долгим перечислением известных иностранных марок либо имен, звучавших в то время, а также перечислением крупных производственных заказов царского правительства, размещавшихся тогда у иностранного производителя за счет иностранных же кредитов. Однако важным представляется иное: уже тогда рыночная (капиталистическая) Россия представляла собой нечто схожее с тем, что мы имеем сегодня, а именно: Россия уже тогда, строго говоря, не имела стратегического суверенитета. Конечно, ура-патриоты не согласятся с автором статьи и начнут скорее всего доказывать иное, что Великая Россия была вполне самостоятельна (самодержавна), но только вот сначала в мировую войну, а затем еще и в революцию с кровавой Гражданской войной зачем-то «въехала». Спору нет, Россия велика, по крайней мере территориально даже и поныне. Но ее совокупная культурно-технологическая отсталость или неразвитость как тогда, так и сегодня все еще вполне очевидны любому незаинтересованному и внимательному наблюдателю. Да, можно это не признавать или, наоборот, признав сие, посыпать голову пеплом. Но автора статьи заботит иное: как такое вообще стало возможным или какова все-таки подлинная причина сего? Разбирая всевозможные точки зрения на поставленный вопрос, автор статьи вынужден был признать их частную и общую несостоятельность. Говоря яснее, он не смог согласиться ни с природно-климатическими, ни с историческими причинами указанного положения. Почему? В каждой из бытующих и поныне точек зрения отсутствует нечто основное, без чего все они как по одиночке, так и скопом не дают убедительного объяснения сложившегося на протяжении веков положения русских дел. Да и вправду сказать, неужели специфика среды обитания русского человека и специфика истории его жизни настолько невосприимчивы, что иного результата и быть не могло? С одной стороны, оно как раз и так, но с другой — что-то не позволяет признать сие абсолютным или правдою. Но что же тогда может быть искомым, о чем бы до сих пор еще не говорилось? По мнению автора настоящей статьи, вероятно, следует предположить самое последнее, скажем, что искомое сокрыто в самой наклонности

русских к малограмотному рассуждению или в самой мыслительной особенности русских людей. Да, проблема грамотного мышления в России никогда не становилась приоритетом общественного бытия, так как исстари у нас повелось считать, что уж думать-то правильно всяк может, если, конечно, у него ум имеется, ведь последний вполне сам за себя похлопотать сможет. Другими словами, грамотно думать, по мнению современных учителей, — это как дышать воздухом — никак не проблема. Да и Библия опять же говорит: «по плодам (делам. — Авт.) их узнаете их», а значит, полного доверия к слову, то бишь к мысли, и не надобно вовсе. Но последнее поучение и само по себе своим смыслом также попадает в им же обозначенный смысловой круг, а значит, и доверия к нему, строго говоря, также не должно быть. Вот ведь какое дело получается. А вы говорите, что самому думанию не научишь! Не договаривает Библия, и, скорее всего, не договаривает намеренно. Вот что получается. А ответственным за сие назначен Иисус Христос, то бишь Богочеловек, и все тут. Впрочем, мы несколько отвлеклись от главного — от искомой культуры мышления. К сожалению, нет ее сегодня в России как, впрочем, немного бывало и ранее. Это первое. Второе же состоит в том, что «злоба дня» для нашей Родины сосредоточена на самом деле в требовании, что первостепенной или главной задачей российской государственной жизни должна стать политика становления в России означенной выше **культуры мышления**. Причем автор считает необходимым подчеркнуть тот момент, что сама по себе культура мышления имеет прежде всего и главным образом умозрительный характер или она неподготовленному наблюдателю мало очевидна. Почему автор статьи так настойчив и что он, собственно говоря, способен предложить общественному вниманию в подтверждение сформулированного им выше требования? Например, следующее: сущностное, или смысло-логическое восприятие речи (и устной, и письменно-печатной) как основополагающий принцип подлинной культуры мышления. Основным методом реализации означенного выше принципа является метод смысло-логического анализа (синтеза) речи. Но сначала некоторые и необходимые соображения о сути самой подлинной государственной власти. Представляется, что подлинно самостоятельное государственное правление в своей основе, во-первых, обладает адекватным мировосприятием, выражающимся как в способности, так и в потребности к достоверному стратегическому прогнозированию и к соответствующему планированию; во-вторых, пониманием собственной ответственности перед управляемым народом за поддержание в нем самостоятельного мышления как основополагающего качества как отдельной личности, так и всего народа в целом; в-третьих, умением и потребностью оперативного реагирования на собственные промахи и ошибки.

Существо же предлагаемого автором метода состоит в том, что во всякой анализируемой речи всегда, как уже было замечено ранее, объективно присутствует «свой» (особенный) смысл, а, значит, пониманию его, как ни странно, приходится всем учиться. Причем иногда может казаться, что достаточно лишь договориться о содержании говоримого, и «никаких проблем». Но так бывает далеко не всегда и далеко не в простых случаях, а если и бывает в простых, то только как соблазн или как ловушка для наивных и недалёковидных. Последняя, становясь дурной привычкой, уже как условный рефлекс вдруг начинает вызывать в непростых, и прежде всего в строго умозрительных ситуациях, сначала плохо различаемые, а затем и вообще непонятно откуда берущиеся проблемы. Например, проблема терроризма. Последняя есть ярчайший пример, с одной стороны, глупости, с другой — подлости. Почему? Да потому, что насилие, в том числе и террористическое, всегда вызывается неким предшествующим образом поведения самой будущей жертвы. Другими словами, если нас вдруг терроризируют, то это будет означать только то, что в недалеком прошлом мы посчитали возможным пренебречь насущными интересами будущих террористов. Как правило, подобное ротозейство происходит как будто бы по глупости. Но это так, если воспринимать ситуацию поверхностно. На самом деле ряд политических сил или соответствующих руководителей, пользуясь общей праздной неосведомленностью, сознательно в целях личного обогащения и порой даже систематически закладывают своего рода смету будущих террористических актов.

Возможно, кто-то возразит, что автор статьи сгущает краски, так как терроризм во многом есть стихия, а значит, его трудно загодя планировать, тем более им сознательно управлять. Да, если речь вести о созидательном управлении, то последнее замечание действительно будет справедливо, но если говорить о стратегии разрушительного воздействия, то ситуация становится уже совсем иной, а именно: с помощью подготовки условий для будущих конфликтов, во-первых, возможно гарантированно сохранять собственное господствующее в обществе положение; во-вторых, получать в свое полное распоряжение все большие и большие общественные ресурсы; в-третьих, «списывать» на террористов издержки собственного фактически преступного поведения. Почему последнее в принципе возможно? Оно возможно потому, что как бы «разнесено во времени и в пространстве», а значит, юридически неподсудно. Но вернемся вновь к сути предложения автора статьи.

Основной трудностью предлагаемого метода является определение сущностного (фундаментального) значения анализируемых нами слов или неотъемлемого от самих слов, органически присущего им значения, а также аналогичного значения предложений или всей исследуемой речевой информации. Для решения названной задачи по большей части возможно применение обычных толковых словарей русского языка и словарей иностранных слов в русском языке. В некоторых случаях необходимо производить смысло-логические обобщения имеющихся словарных значений для получения искомых фундаментальных. Как раз последние и позволяют, что называется, «прозревать» в отношении подлинного или объективного смысла всей анализируемой информации, а значит, позволяют «овладевать» и подлинным содержанием всего рассматриваемого речевого материала. Кроме того, найденные фундаментальные значения слов исследуемой речи позволяют получать достоверный прогноз как самой возможности воплощения предлагаемого в ней в будущем, так дают и однозначное понимание ее наиболее вероятного результата. Таким образом, предлагаемый подход к восприятию речи по способности преодоления внешних преград вполне можно уподобить своего рода рентгеновскому или, скажем, ультразвуковому исследованию, с одной стороны, с другой — взятию и исследованию отдельных проб из состава, выделенного для изучения.

Таким образом, СМЫСЛО-ЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ позволяет:

1. Определять цели, которые объективно преследуют авторы речевой информации.
2. Определять подлинное качество самих заявленных целей.
3. Достоверно прогнозировать результат, который может быть получен в случае реализации анализируемых предложений и даже саму возможность их реализации на практике.
4. Выбатывать навык понимания объективного значения собственной мысли и соответственно речи, позволяющий сохранять в сказанном либо написанном (напечатанном) завершённое значение в любом контексте, а значит, позволяющий всегда быть успешным на практике.

В качестве исходных методологических положений предлагаемого подхода к восприятию речевой информации автор использовал следующее:

1. Речевой материал по определению имеет независимый от человека характер («слово не воробей: вылетит — не поймаешь» или «что написано пером, то не вырубишь и топором»), то есть сама речь является автономным и независимым свидетелем или документом.
2. Логическая особенность речи как единого целого, состоящего из отдельных элементов, сохраняется без каких-либо изменений. В данном случае имеется в виду степень смысловой сочетаемости отдельных слов и отдельных предложений между собой. То есть внутри исследуемого речевого материала всегда можно обнаружить смысловую сочетаемость слов (предложений) либо ее отсутствие.

3. Неадекватное восприятие идеи либо ошибочный замысел не может быть основой для точного (совпадающего на практике с желаемым) дела, и, наоборот, адекватное восприятие любой идеи обязательно является предпосылкой для точного дела. Последнее всегда присутствует в крайнем случае в уме исполнителя, берущегося за выполнение неверного или неполного письменного плана. Другими словами, точность всегда предполагает исчерпывающую полноту замысла, из которой она сама и возникает.

4. За добровольным изложением чего-либо (например, проекта, описания какого-либо явления либо события) автору «спрятаться» практически невозможно. Этому обязательно препятствует сама преследуемая им цель, следы которой неизбежно будут отображенно присутствовать в любом излагаемом им речевом материале. Обнаружить последнюю позволяет вновь сочетаемость смыслов слов внутри предложений, а также смысловая сочетаемость предложений внутри самой речи (самого текста) как единого целого. Здесь же учитывается порядок изложения как отдельных слов, так и предложений в целом. С помощью последнего определяется система мировоззренческих ценностей или мировоззренческие приоритеты.

Кроме того, например, любое нравственное, а значит, и гражданское учение излагается с помощью слов, если хотите, «умозрительного» ряда, которые в отличие от слов «наименовательного» или «наглядно-чувственного» ряда, строго говоря, не допускают своей замены без существенного смыслового изменения в конце концов всего текста в целом. Например, вполне легко можно переименовать название обозреваемой нами улицы города, но переименовать, скажем, умозрительное понятие «справедливости» без заметной потери его же собственного смысла уже никак не удастся. В качестве дополнительной проверки высказанного выше вполне можно предложить всем желающим сформулировать самостоятельно (без словаря) ясно и конкретно значения таких слов как: смысл, истина, правда, любовь, справедливость, радость, счастье, мировоззрение, терроризм, прагматизм, либерализм, знание, идея, национализм, восприятие, понимание, гармония, ответственность, мудрость, нежность, прогресс, развитие, серьезность, строгость, жестокость, организация, управление, контроль, проверка, удача, символ, прием, способ, метод, методология, пресечение, предупреждение, профилактика, логика, координация, согласование, проблема, демагогия, демократия, свобода, святой, священный, дискредитация, герой, стихия, хаос, граница, причина, душа, сознание, предмет. Представляется, что сей ряд «умозрительных» слов вполне можно продолжать и продолжать. Вероятно, что полученный результат скорее всего будет носить очень условный и приблизительный характер, а, значит, сама практикуемая замена подобных слов будет во многом безответственна. Вопрос: почему так? Или почему у таких распространенных слов так неясен, вероятно, все-таки им присущий смысл и почему до сих пор не поставлена и не решена задача определения последнего? Исчерпывающий ответ будет скорее всего состоять в том, что соответствующий вопрос и соответствующая задача до сих пор попросту не ставился и не решалась, а на практике все сводилось и сводится до сих пор к использованию лишь частных или контекстных проявлений искомых смыслов. Другими словами, применение конвенциональных (договорных) либо контекстных значений никак не снимает вопрос о подлинных смыслах слов названного выше «умозрительного» ряда. Более того, уклонение от уяснения подлинного смысла употребляемых слов, значения которых всегда как бы разнесены во времени и в пространстве, сплошь и рядом замещается на практике эмоциональным внушением якобы уже имеющегося понимания их подлинных значений. Другими словами, по умолчанию считается, что культурой мышления обладает любой психически здоровый человек, тогда как на практике многочисленные конфликтные ситуации свидетельствуют как раз об обратном. В качестве примера использования предлагаемого подхода рассмотрим словосочетание «Единая Россия». При привычном или стереотипном восприятии, кстати, привитом публике так называемой канонической наукой, никаких особых трудностей и вовсе не наблюдается. Вместе с тем часть имеющегося общественного мнения выражает

явное недоверие данному политическому объединению. Казалось бы: что тут такого, скажем, прискорбного можно предположить? А давайте посмотрим на сие с позиции предлагаемого подхода восприятия речи. В толковом словаре русского языка слово «единая» представлено следующими значениями: то же, что одна; одна, общая; только одна, единственная. В свою очередь словарный анализ доминирующего в перечисленном ряду значений слова «одна», охватывающего собою по смыслу все остальные (даже смысл слова «общая» вполне поглощается смыслом слова «одна», так как первый никак не преодолевает границы последнего), дает уже следующие значения: числовое название; отдельно, без других, в одиночестве; в значении только...; та же самая; первая в ряду сходных явлений; как противопоставление чему-нибудь; как выделение или привлечение внимания. В результате осуществленного смыслового обобщения перечисленного выше мы вполне можем назвать «отделенность», «неповторимость», «первенство», «выделение и противоположение» как исчерпывающие смысловые составляющие искомого слова «единая». Но тогда на основе последнего взятого в кавычки словосочетания, вполне поглощающего собою по смыслу остальные, мы вправе будем допустить следующую расшифровку исследуемого словосочетания: «Единая Россия» — это «Выделяющаяся и противоположающаяся Россия». Впрочем, последнее вполне можно несколько видоизменить, например, так: «Выделяющаяся и противоположающаяся Россия» — это «Уязвленная Россия». Почему последнее справедливо? Да потому, что существо уязвленности как раз и проявляется через самовыделение и самопротивоположение или проявляется как результат действия чего-либо крайне неприятного и поражающего собою целое. Таким образом, мы можем внешне банальное вдруг увидеть совсем с неожиданной для себя стороны или можем мысленно увидеть обозреваемое извне как бы изнутри него самого и независимо от его на то желания.

Заключая краткое описание предлагаемой методологии, автор статьи считает необходимым еще раз отметить, что произвол в сочленении слов в предложении, а предложений в речи (тексте) вполне возможен, но и смысло-логический анализ любого этого подхода не менее возможен. Иными словами, произвольная речь — это точная мера развития ее носителя, она же — вполне объективное свидетельство его устремлений, а также их качества.

Но вернемся к заголовку статьи. В нем речь идет о двух возможных направлениях движения России в будущее. Первое: это в интересах наследников фарцовщиков, перекупщиков и прочих менял всех мастей и оттенков и их зарубежных хозяев в целом жалкое и бесперспективное подражание «задам» так называемого развитого мирового сообщества; второе же состоит в том, чтобы подлинное развитие граждан стало главной потребностью государства российского. Последнее как неустанное стяжание насущной правды человеческого бытия всем государством Российским на основе организации становления и поддержания подлинной культуры мышления или познания подлинного смысла родной речи всеми гражданами страны вместо нынешнего яростного насаждения повсеместно стремления к лично-корпоративной выгоде либо пользе и станет искомым и главное — радостным для всех смыслом. Что изберет Россия? Автор настоящей статьи твердо полагает, что так или иначе, рано или поздно она изберет непременно второе.

14 декабря 2004 года
Санкт-Петербург

О технологии конфликтного разномыслия как цели снятия критической составляющей восприятия

(или о том, как нас исстари вводят в соблазн)

Настоящее размышление есть, прежде всего, плод написания книги «Прямая речь Иисуса Христа: смысло-логический анализ» (СПб.: Алетейя, 2005). За исходную основу в названной работе был взят Синодальный перевод Нового Завета 1876 года.

Сравнивая высказывания Иисуса Христа, приведенные четырьмя известными евангелистами в прямой речи, автор неожиданно для себя обнаружил весьма странные разночтения. В частности, знаменитая Нагорная проповедь, или Проповедь на равнине, как основополагающая нравоучительная речь Иисуса Христа от Матфея оказалась заметно отличающейся от аналогичной в изложении Луки. Причем само названное отличие носит, с одной стороны, систематический характер, с другой — весьма неприметный. Иначе говоря, малозаметное различие в деталях и составило суть странного феномена.

В предлагаемом исследовании используем метод сопоставительного смысло-логического анализа. Саму работу построим на том факте, что Матфей был все-таки реальным учеником Христа, тогда как в отношении Луки таких твердых данных не имеется, а значит, мы вправе будем воспринимать рассказ последнего как рассказ, основанный прежде всего и главным образом на чьем-то пересказе. Но начнем все-таки разбор упомянутой проповеди.

В самом первом изречении («блаженны нищие духом, ибо ваше есть царствие Божие» у Луки и «блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное» у Матфея) привлекает внимание искусственно вставленное по сравнению с вариантом Матфея словосочетание «ваше есть», заменяющее собою слово «их». В момент самой проповеди перед Иисусом собраны далеко не праведники, а значит, выражение «ваше есть царствие Божие» применено навряд ли уместно. Далее. У Матфея, в отличие от Луки, вместо «царствие Божие» употреблено выражение «царство небесное». Кто-то возразит: ну и что тут особенного? А то, что тот же Лука утверждает в дальнейшем, что «царствие Божие внутри вас есть», тогда как «царство небесное», вероятно, несколько иначе представимо, чем «царствие Божие», так как слово «небесное» все-таки своим смыслом связано со словом «небо», а значит, имеет несколько иное по отношению к человеку, живущему все-таки на земле, положение. Другими словами, можно, конечно, считать слова «небо» и «Бог» тождественными по смыслу, но не надо при этом только думать, что это в дальнейшем не отразится самым печальным образом в виде соответствующей привычки и на другом, например, на том, что мы начнем так или иначе называть явления и вещи не их именами и порождать как в себе, так и в других по одному и тому же поводу названное в заголовке **конфликтное разномыслие**.

Слова Луки «Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь» есть скорее всего подмена следующих слов Матфея: «Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся». Вновь мы видим своего рода игру «на понижение». Если Матфей пишет о тех, кого, вероятно, еще и нет перед Иисусом Христом в момент Его проповеди, то Иисус от Луки уже обращается явно к присутствующим и говорит сокращенно, умалчивая о сути — о «правде». В результате эффект сокрытия «правды» и превращение важного в банальное налицо. Вот так с помощью частичного умалчивания и совершается обман.

Далее из числа приметного внимание привлекают следующие слова от Луки: «Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших; благотворите ненавидящим вас; Благословляйте проклинающих вас, и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Посмотрим, что по этому поводу пишет Матфей. У него мы находим: «Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злу. Но кто ударит тебя в **правую** щеку твою, обрати к нему и другую; И кто захочет судиться с тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего, и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Как мы видим, в целом разница налицо. Теперь определимся по детально. Во-первых, Лука изымает слово «гонящих». Во-вторых, Лука зачем-то изъясляет слово «правую». Вероятно, он решил заменить имеющийся у Матфея смысл похожим, но

другим, например, сменил с «примите удар за правду и будьте готовы к нанесению другого» на «если вас бьют, то не препятствуйте продолжению этого». В-третьих, Лука ввел странный призыв: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Внешне мило, а по сути? Лукавство, да и только. Почему, спросите? Да потому, что сие опять есть завуалированное «око за око, и зуб за зуб». Да, именно так! Другими словами, если мы начнем своим поведением, как говорится, взыскивать с людей добро, например, добровольно жертвуя им что-либо (скажем, выражая им наше радушиное отношение), и рассчитывать при этом на ответную аналогичную реакцию, то мы незаметно для самих себя попадем в ловушку **невольню** и якобы законно взыскивающего в свою пользу. Другими словами, в сей привлекательной формуле ловко в обход человеческого сознания протаскивается «старая песня». А механизм самой уловки таков: вместо акцента на плохое (ненавистное) воздаяние за плохое предшествующее действие вводится по принципу дополнения хорошее воздаяние за предшествующее хорошее действие, и наоборот. Посему этот совет Луки можно вполне отнести к весьма подлой (вымогающей добро и даже любовь) рекомендации, на практике приводящей к взаимному страху, как минимум, недополучения желаемого добра и милости. Не говорил сего Христос, так как это чистое бесовство, привнесенное в Евангелие через Луку власть предержащими, всегда стремящихся к противопоставлению людей друг другу через установление между ними принципа обязательств, но не любви. Последняя в свою очередь как раз и освобождает людей от давления принципа обязательств, так как сама любовь в нем попросту не нуждается. Она учит подлинно человеческому бытию собственным примером, а также поддерживает в других желание учиться ему, с одной стороны, **снисхождением**, с другой — **твердостью и настойчивостью**. Впрочем, справедливости ради следует также заметить и то, что и у Матфея имеется косвенное подтверждение сказанного выше, в частности, такие слова: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки». Но, как говорится, все бы ничего, да только мы то с вами не совершенны, а значит, обречены совершать ошибки «из благих намерений». А поэтому, неожиданно пожиная нежелательное, мы, конечно же, будем недоумевать, огорчаться и приходить неизбежно к мысли об отмщении за «чинимую» нам неблагодарность. Поэтому-то Моисей как раз и учил тому, что «око за око, и зуб за зуб». Но это и был Ветхий Завет, в этом и была его суть. Из последнего примера дополнительно усматривается еще и то, что и Матфей также был не свободен в своем писании от давления власти предержащих. Наконец, Святой Лука опускает весьма важное в созидательном отношении высказывание, имеющееся у Матфея: «И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». Почему? Да потому, что Луке чуждо страдание как созидание, но зато он приветствует чужое страдание как результат некоего настигшего возмездия либо как попросту безысходное, а значит, и вредное, ведущее лишь к унынию состояние. И как бы в подтверждение сказанного выше Лука заменяет текст Матфея «И кто захочет судиться с тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» высказыванием «и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку». Если первое высказывание вполне назидательно, то второе — уже вполне развратительно, так как любой уголовник скажет такому учителю мудрости: «кореш, “пудри” и дальше мозги “овца”» — тебе причтется». Теперь, Лука заменяет еще слова Матфея «Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» своим текстом: «Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад». Самым последним словам, наверное, бы рукоплескали все российские реформаторы, причем, они навряд ли опускаются до таких деталей. Но этого от них и не требуется: влияние сего текста в силу его авторитетности как своего рода всемирной конституции на общественное бытие происходит как бы автоматически или происходит само собою. Или сия как бы бессрочная «конституция» как раз и обеспечивает идеологически наглость и бесстыдство всех власть предержащих. А что: так Бог говорит!

Переходим к следующему назиданию от Луки: «может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму? Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись,

будет всякий, как учитель его». Аналогичного поучения в Нагорной проповеди от Матфея не имеется и вовсе. Впрочем, Матфей все же воспроизводит нечто похожее от имени Иисуса в другом месте своего повествования: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего. Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома называли вельзевулом, не тем ли более домашних его?» Как мы видим, Лука вновь «пережизняет» сказанное Матфеем, в частности, если первая вводная часть рассматриваемого текста и вообще кажется недостойной внимания в силу ее абсолютной очевидности, то уже вторая есть проповедь сектантства. Почему вдруг это так? Да потому, что в ней сокрыт дух изоляционизма, так как подобное представление истинного снимает даже самую возможность какого-либо развития. Другими словами, если, скажем, Адам для своих детей был учителем, то они должны были, даже **усовершенствовавшись**, остаться на его уровне развития? Чем примечателен сей пример? А тем, что в нем хорошо различим своего рода механизм интеллектуального мошенничества, используемый Лукой: сначала в качестве прикрытия (тумана) запускается абсолютно банальный тезис или непротиворечивая мысль, а затем уже под снятую критичность восприятия читателя протаскивается, как говорится, хохма или банальное лукавство, рядящееся под нечто глубокомысленное. В результате этого смыслового маневра впоследствии появляются так называемые христиане, например Свидетели Иеговы, которые, ссылаясь на абсолютный авторитет Священного Писания, начинают склонять легковверных в пользу себя любимых как последних учителей веры.

Далее Лука пишет: «Что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как можешь сказать брату твоему: брат! дай я выну сучек из глаза твоего, когда сам не видишь бревна в твоем глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего». Аналогично у Матфея читаем: «И что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: дай, я выну сучек из глаза твоего; а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего». Любопытно, что последнее изречение у двух сравниваемых авторов с сущностной точки зрения вдруг представлено практически идентично. Что можно здесь сказать? А то, например, что данные высказывания сутью своей связаны с высказыванием «не судите...» И то правда, ведь как говорят в армии: носки не уставного цвета, а туда же — надумал жаловаться и даже дерзить! А если всерьез, то так до запрета инако (не такого как у начальства) мысля — рукой подать. Почему это так? Да потому, что без авторитетных заслуг, а лучше — властных полномочий, как говорится, и рот будет лучше «не открывать», ведь иначе тут же некие услужливые доброхоты укажут на присущие «оратору» недостатки, а значит, получается действительно «не судите, да не судимы будете». Вот так и работают **жрецы** или посвященные в методологию мышления с целью присвоения чужого через внешнее представление сего как получения заслуженного или вполне своего. Впрочем, если имеются те, которые готовы обманываться, то почему бы и не пойти им, родимым, «навстречу». С другой стороны, следует регулярно и обильно засеивать «дурь», дабы готовых обманываться всегда было в достатке.

Следующее поучение от Луки: «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый. Ибо всякое дерево познается по плоду своему; потому что не собирают смокв с терновника, и не снимают винограда с кустарника. Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе; а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое: ибо от избытка сердца говорят уста его». В свою очередь Матфей дает такое: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. **По плодам их узнаете их.** Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые; а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают, и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их».

Как мы видим, разница в представленных вариантах, с одной стороны, налицо, с другой — все сводится к очевидному и к эмоциональной спекуляции. Другими словами, видимость истины прикрывает призыв «не ищи причины явлений, суди о них лишь по качеству производимых ими следствий».

Завершая сей небольшой экскурс в евангельские разночтения, можно твердо констатировать, что проблема подлинника или его отсутствия, как говорится, налицо. Да, трудно возразить тому, что евангелисты имели право на творческую особенность внутри своей работы, но принять как вполне корректные малозаметные изменения самой сути Нагорной проповеди, допущенные евангелистом Лукой в изложенной им Проповеди на равнине, оказалось весьма и весьма затруднительно. Это первое наблюдение. Вторым же «камнем преткновения» оказались обнаруженные факты и полного отрицания ранее провозглашенных от имени Иисуса Христа установок, с одной стороны, у разных евангелистов, с другой — у одних и тех же. Другими словами, автором названной в начале статьи книги был выявлен своего рода двойной стандарт в поведении Иисуса Христа в библейском изложении. В качестве примера названного выше укажем лишь на два высказывания Спасителя: «Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7:1–2), «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Ин. 7: 24). Как мы видим, Иисус у Матфея и у Иоанна провозглашает совершенно несхожий между собой взгляд на «краеугольный» принцип поведения человека.

Обдумывая обнаруженное, автор книги неожиданно для самого себя пришел к догадке о существовании в человеческой речи своего рода эффекта «смыслового проскальзывания». Но что же это такое? Допуская в свое сознание противоречивые суждения на один и тот же предмет и допуская их как суждения одинаково правомерные, человек незаметно для себя и, главное, неизбежно начинает своего рода «скольжение» по смыслам отдельных слов, предложений и даже целых текстов. Последнее начинает вводить воспринимающее сознание в своего рода зону смысловой неопределенности, но вводит его в нее как в зону самой что ни на есть полной смысловой определенности. Иначе говоря, **возникающая иллюзия понимания вдруг начинает восприниматься как само понимание.** В результате в сознании по причине того, что оно, как и любая другая природная система, всегда стремится в положение устойчивости и начинает происходить своего рода «смысловой сдвиг», приводящий его к превратному восприятию им вполне очевидного. Сама же устойчивость сформированного заблуждения успешно поддерживается с помощью акта «эмоционального рассеивания» или акта чувственного переживания, якобы правильно воспринятого. В результате перечисленного выше и достигается названная в заголовке настоящей статьи цель снятия **критической составляющей восприятия.** Последнее же приводит к тому, что вполне простое начинает вдруг казаться сложным, и, наоборот, сложное — представляться простым и банальным. Другими словами, соблазн комфортности самого восприятия в зависимости от ситуации начинает буквально обволакивать сознание своего рода туманом, приятными грезами и придуманными страхами. В результате этого сознание оказывается вполне подготовленным для манипуляции. Иначе говоря, вполне разумное начало, свойственное человеку, в состоянии очевидно неразумного восприятия им действительности становится легкой добычей авторов рассматриваемой технологии конфликтного разномыслия.

Для иллюстрации изложенных выше общих рассуждений рассмотрим некоторые характерные примеры, в частности, такие: «процесс укрепления рубля», «формирование Стабилизационного фонда России». При внешнем обозрении последних двух словосочетаний у «продвинутого» читателя скорее всего и возникнет названный выше эффект «смыслового проскальзывания». Почему? Где доказательства? Извольте. Но сначала выскажем некоторые недоуменные вопросы со стороны, как говорится, мало «продвинутых». Что есть такое «укрепление» рубля? Если речь идет, скажем, о покупательной способности рубля, то зачем говорится об увеличении его «крепости»? А вот зачем: это говорится затем, чтобы внушить мысль о том, чего на самом деле и нет. Другими словами, если курс

рубля, например, по отношению к североамериканскому доллару изменился в сторону его увеличения, то это еще никак не будет свидетельством в пользу роста его же покупательной способности. Почему? Да потому, что обесцениванию подвержены абсолютно все наличные денежные инструменты как скопом, так и по одиночке. Посему словосочетание «процесс укрепления рубля» есть словосочетание искусственно сфабрикованное и сфабрикованное как раз для введения вполне конкретного сознания в зону смысловой неопределенности, но введения как в зону определенности.

В результате в сознании нашего конкретного обывателя и происходит известный «смысловой сдвиг», который вполне успешно фиксируется через акт «эмоционального рассеивания» или через акт чувственного переживания якобы правильно им воспринятого. И, наконец, своего рода сухой осадок или долговременная и вредная привычка самого сознания как привычка ухода от критического восприятия ему сообщаемого или торжество уже известного принципа снятия критической составляющей восприятия. Последнее или само «снятие» еще возможно уподобить долговременному гипнозу, являющемуся инструментом тщательно скрываемой агрессии.

Попробуем проиллюстрировать сие на втором уже ранее выделенном тезисе: «формирование Стабилизационного фонда России». По причине роста мировых цен на нефтяное сырье нынешнее правительство России сверх спланированного им бюджета получило так называемые «лишние» или «незаработанные» деньги. Но чтобы скрыть собственное нежелание тратить оные на весьма трудоемкое развитие страны, правительство «истовых любителей денег» объявило о формировании известного фонда якобы для будущих поколений россиян. При этом сами «продвинутые» экономисты из российского правительства называли сие «грамотное» изъятие доходов «формированием Стабилизационного фонда». Но давайте подумаем над значением слова «стабилизация». В словаре Иностранных слов в русском языке (М.: ЮНВЕС, 1996) слово стабилизировать означает: приводить в устойчивое положение; закреплять на определенном уровне. Но тогда получается, что правительство России периода президентства В. В. Путина ставит перед собой задачу закрепления наличного положения России? А каково современное положение России? Ответ: по большей части, сырьевое. Странно. Но это так, если воспринимать сие изнутри России, а ежели воспринимать оное снаружи, то тогда все становится ясным и понятным. И действительно, а зачем развитие в России ее какого-то особого национального производства, когда уже вполне сложилось иное, скажем, западноевропейское? Поэтому-то «формирование Стабилизационного фонда России» и есть вполне эффективное средство удержания ее родимой в определенных ей же рамках международного разделения труда. А что же такое есть правительство России в данном случае? Правильно — тщательно скрываемая колониальная администрация. Причем о последнем факте могут не знать как сами члены правительства, так и даже президент России В. В. Путин. Ведь ими как скопом, так и по одиночке вполне могут управлять разработчики известных словесных клише как раз и направленных к снятию у них же критической составляющей восприятия. А то, что во главе России ныне находятся очень бойкие, но столь же невежественные люди, есть упрек ей самой. Другими словами, соблазненная и обманутая страна не вправе рассчитывать на иное. Иначе говоря, колониальный характер правления в России есть весьма наглядный пример господства в ней рассматриваемой технологии конфликтного разномыслия.

30 апреля 2005 года
Санкт-Петербург

Уроки смысловедения

**Конституция
Российской Федерации 1993 года
как механизм расчеловечивания России**

(выдержки из книги А. Миронова
«Конституция Российской Федерации 1993 года:
смысло-логический анализ».
СПб.: Роза мира, 2005, и комментарий)

«...все то, что носит название „декабристов“,
„реформаторов“, — словом, принадлежит
к „бытоулучшительной партии“, —
есть истинное антихристианство...»

Из пророчеств Святого Преподобного
Серафима Саровского

Ранее автор настоящего развернутого размышления при работе над книгой о «Сущностном восприятии слова» (книга первая) уже пробовал приступать к аналогичному исследованию. Впрочем, готовности к полномасштабной работе тогда еще не имелось и работа сия поэтому имела характер своего рода пробы пера. Ныне ситуация, как говорится, «вызрела» как в части готовности автора к заявленной теме, так и в связи с уже возникшим общественным интересом к выбранному объекту исследования. Да и вправду сказать: какова у нас Конституция — так мы и живем. А, как известно, живем мы в целом неважно. Для подтверждения справедливости последнего тезиса достаточно посмотреть на лица наших сограждан. Среди них доминируют вовсе не озабоченные трудовыми или творческими свершениями лица, а среди них преобладают потерянные, раздраженные, саркастические, сердитые, инфантильные, праздные и очень надменные лица. Другими словами, даже веселье наших современников выглядит весьма истерично, а порой даже агрессивно и, в конце концов, уныло. Тогда как подлинно светлых и радостных лиц часто и не сыскать вовсе. Но оно и понятно: существо взятой в обзор Конституции как своего рода светского нравственного кодекса и устава как не предполагало этого в момент своего создания, так и не предполагает сие и поныне. Другими словами, искомое радостное и счастливое бытие граждан России ею и вовсе не предусмотрено было. Наоборот, ее основная забота в ином — в гарантировании **свободы** для стяжания **частной** выгоды или частной пользы. Иначе говоря, нынешняя Конституция весьма настойчиво хлопочет о правах человека, но никак не озабочена формированием сего самого человека, вероятно, предполагая его «автоматическое» наличие. Впрочем, названные выше права вполне можно попытаться обратить и на созидательные цели.

По твердому убеждению автора настоящего размышления, регламентирующий что-либо документ всегда оказывает на им же регламентируемое решающее влияние или является, с одной стороны, весьма и весьма эффективным по части непосредственного управляющего воздействия на им же управляемое, с другой — является вполне убедительным по части отображения в себе самом характера названного воздействия. Другими словами, господствующий на момент действия документа его же «нрав» всегда как бы «вшито» присутствует в нем. Из последнего обстоятельства как раз и возникает сама возможность уяснения характера документа для его же, скажем, последующей переделки или преобразования с целью получения не видимости заботы о народе, а для получения подлинного или непреходящего блага. Впрочем, кто-то возразит, что наш мир по сей день не придумал ничего более эффективного, чем частная инициатива, а значит, известная Конституция не так уж и плоха, иное же ведет лишь к стагнации и упадку. Да, прошлый, например, советский опыт оказался во многом уязвимым. Но, с другой стороны, в нем были и очевидные успехи, как говорится, в человеческом измерении. Иначе говоря, советская жизнь во многом с бытовой точки зрения была тягостна, но в ней всегда был

очевиден всеобъемлющий человеческий смысл (идеал) и была надежда на всемирное торжество созидającego начала в грядущем, причем начала вполне вдохновляющего, а не **своекорыстного и постыдного**. Другими словами, в советском бытии сохранялись длительное время шансы на всемирное человеческое развитие, а может быть, как это ни странно кому-то покажется, и на спасение. Иначе говоря, эти шансы никогда не сводили человека к своего рода расходному материалу, например для рынка или прибыли. Другое дело, что они так и остались всего лишь в потенции. Поэтому целью настоящей работы является уяснение необходимости отказа от нынешней Конституции, рожденной, с одной стороны, от отчаяния, с другой — в угоду крайнему эгоизму его заказчиков и разработчиков. Прочитав сие, вероятно, кто-то возразит автору, что он много на себя берет, ведь лучшие умы человечества до сих пор ничего лучшего так и не придумали, как дать простор этому самому человеческому эгоизму, который как самый универсальный и всемирный регулятор сам все и везде приводит к равновесию, а ставить заботу о ленивых и слабых во главу угла общественного процесса просто погубительно, в конце концов, для всех. Да, жить только для того, чтобы кормить «пятью хлебами пять тысяч», вероятно, не следует, но жить для «пяти тысяч хлебов для пяти» — тем более. Речь, по-видимому, надо вести не о запрещении чего-либо и не о дележе тем более, речь надо вести о вразумлении и наставлении если не на праведную жизнь, то во всяком случае — на жизнь разумную, а значит, на жизнь подлинно человека достойную. Да, последнее ой как непросто. С другой стороны, никто и не обещал, что будет легко. Но и выдавать вполне **очевидную** и внешне комфортную неправду за правду все равно долго и никому не удастся. Впрочем, попробуем все-таки сначала доказать, что Конституция России 1993 года есть образец использования неправды в качестве правды. Для решения заявленной выше задачи воспользуемся сформулированным в книге первой о «Сущностном восприятии слова» и опробованном в книге второй с аналогичным названием методом смысло-логического анализа речи. Кроме того, учтем также, что названный выше метод ранее дал весьма любопытный результат в работе над текстом Евангелия (см. книгу «Прямая речь Иисуса Христа: смысло-логический анализ». СПб.: Алетейя, 2005).

Завершая краткое предисловие, автор надеется, что читающий нижеследующее вполне сумеет уяснить себе его всеобщую актуальность и займет по прочтении добросовестную (утверждающую) мировоззренческую позицию.

Но начнем рассмотрение самого текста Конституции и прежде всего содержания ее 1-й главы из 1-го же раздела, посвященной целиком основам конституционного строя России. Приведем прежде целиком текст преамбулы Конституции:

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации,
соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права
и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя
исторически сложившееся государственное единство,
исходя из общепризнанных принципов равноправия
и самоопределения народов, чтя память предков,
передавших нам любовь и уважение к Отечеству,
веру в добро и справедливость,
возрождая суверенную государственность России
и утверждая незыблемость ее демократической основы,
стремясь обеспечить благополучие и процветание России,
исходя из ответственности за свою Родину
перед нынешним и будущими поколениями,
сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем

КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Рассматривая процитированный выше текст, как говорится, по частям, можно заметить, что некие «мы» почему-то именуют себя «многонациональным народом Российской Федерации». Тогда как сам народ навряд ли будет говорить от своего имени как от чего-то целого соответственно «мы», так как такое самообозначение уместно будет лишь по отношению к чему-то внешнему, скажем, к народу другого государства, но никак не по отношению к самому себе. Подобное своей напыщенностью как раз и производит впечатление чего-то подложного. По мнению автора статьи, правильно следовало бы написать иначе, например, так: настоящим системообразующим нормативным актом, именуемым в дальнейшем КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, народ России посредством процедуры всеобщего тайного голосования и абсолютным большинством голосов... выражает... Посему, следуя логике, вполне можно заключить, что упомянутые «мы» есть своего рода самозванцы, всего лишь выдающие себя за народ России. Впрочем, кто-то возразит, что сия преамбула была проголосована российским избирателем 12 декабря 1993 года, а значит, все в порядке, господин критик! Но, во-первых, поддержали сию тираду лишь 13% (по иным данным, порядка одной трети) от числа всех избирателей России; во-вторых, данное обращение явно призвано как раз скрыть собою первое или призвано скрыть тот факт, что от имени народа в данном случае выступает неизвестная народу группа лиц, выдающая свой частный интерес за интерес всенародный. Следующая фраза «соединенные общей судьбой на своей земле» не менее первой заслуживает своего внимания, так как разговор об «общей судьбе» вызывает вполне очевидный вопрос: станет ли кто-нибудь, как говорится, в здравом уме и твердой памяти говорить об общей судьбе со своими близкими и родными людьми, например со своей матерью, или нет? Да, можно говорить об общей участи, например, пассажирам и экипажу «Титаника», да и то — только в общем плане, ведь из них в результате катастрофы погибли далеко не все. Иначе рассуждая, говорить **в первую голову** о соотечественниках как о людях с общей судьбой вполне возможно, но лишь в случае их восприятия как своего рода попутчиков себе, но никак иначе. Впрочем, кто-то, вероятно, заметит, что автор чересчур «забирает» или чересчур строг. Что ж, может быть, оно и так, но обратим внимание на окончание последней фразы «соединенные... **на своей земле**». Каково, а? Неужели можно оказаться соединенным с кем-либо на собственной же земле или, скажем, в собственном же доме? Ведь если земля (дом) принадлежит какому-либо, например племени (семье), то его родственники могут считаться соединенными этой землей (домом)? А пребывание племени или семьи на чужбине либо в чужом доме также будет считаться средством их соединения? Бред, да и только. Да, без земли и дома или его подобия никто не обходится, но это еще не будет означать соединение кого-либо или совместное проживание в одной коммунальной квартире никак не образует одну семью. Вероятно грамотно следовало бы написать так: ...на основе отечественных традиций и выраженного подавляющей частью народа стремления к жизни в ладу с Богом и людьми... Но кто-то, вероятно, тут же заметит автору, что Конституция России должна быть сугубо светской, а, значит, упоминание в ней Бога вряд ли уместным будет. На это автор заметит, что так называемая «светскость», во-первых, по умолчанию отрицает бытие Бога и провозглашает тем самым его полное замещение человеком; во-вторых, фактически провозглашает справедливым или **истинным** лишь первое утверждение. Будет ли сие справедливым по отношению к тем, кто верит в бытие Бога и живет в соответствии с этим? Другое дело, если говорить о конкретной конфессиональной принадлежности государства. В таком случае в России действительно возникает конфликтная ситуация, которую легко можно снять, например, положением, что какое-либо конфессиональное первенство Российским государством не признается. Другими словами, церковное первенство целиком и полностью находится в руках самих церквей и ни в чьих более. Иначе говоря, церкви сами доказывают своим потенциальным прихожанам свою истинность и сами делают либо не делают их своими членами. И еще. В государстве вне бытия Бога какого-либо устойчивого нравственного доверия закону или провозглашаемым правилам поведения никогда не будет,

так как сами законы будут, естественно, восприниматься лишь как временный человеческий произвол. Поэтому вне бытия Бога Конституция России вряд ли выигрывает. Впрочем, идем далее.

Рассмотрим словосочетание «утверждая права и свободы человека». В нем обращают на себя внимание прежде всего первые два слова «утверждая права», а точнее, их совокупный смысл. Последний из взятого выше в кавычки вообще-то даже как-то и извлечь-то будет затруднительно, ведь устанавливать, настаивать, признавать или свидетельствовать о правах весьма сложно. Другое дело, если говорить, например, так: ...вполне выражает свои права... Теперь о «свободах человека». Да, без свободы человеку действительно тяжело. Впрочем, речь на самом деле идет о другом, речь идет о преодолении насильственного подчинения воли одного человека воле другого человека. А это уже не получение свободы как таковой, а лишь снятие навязанного ранее силой или обманом внешнего господства. Но тогда так и следовало бы и говорить, что «в том числе и право запрещения насильственного подчинения воли любого человека иной человеческой воле, включая обман». Другими словами, «утверждая права и свободы человека», авторы преамбулы Конституции всего лишь ловко обманывают названного человека, так как, образно говоря, «прячут» от него действительно для него же насущное под покровом привлекательной, но, по сути, не содержащей смысла фразы. Теперь рассмотрим слова «гражданский мир и согласие». Последние выглядят с первого взгляда весьма привлекательно, а со второго? Со второго мы имеем, с одной стороны, приоритетное выделение «гражданского мира», с другой — некое «согласие». Да, сам по себе «мир» весьма привлекателен, тогда как «гражданский мир» уже чем-то «напрягает». Интересно только: чем именно? А вот чем: оказывается исходное и уже устаревшее значение слова «гражданский» — внецерковный. Тогда «гражданский мир» — это мир без Бога, что ли? Но тогда это мир весьма уязвимый даже по меркам все еще господствующего безбожного мировоззрения, ведь примирить неверующих в Бога и верующих в Него весьма трудно, если не сказать — невозможно. Впрочем, монополия церкви на веру в Бога скорее всего преходяща, а значит, она возможна для современного человека и вне сего института. Далее о «согласии». Любопытно: а с чем именно «мы» предлагаем нам согласиться-то? Неужели с миром без Бога? Поэтому и получается, что словосочетание «гражданский мир и согласие» весьма уязвимо. Вероятно, следовало бы написать нечто иное, например, такое: ...и утверждает своим жизненным приоритетом миролюбие и безоговорочное согласие со всеми без исключения его проявлениями... Следом за разобранным выше идет такое: «сохраняя исторически сложившееся государственное единство». Что в последнем беспокоит прежде всего? А то, что в данном случае речь идет о сохранении в неизменном состоянии некоего исторически достигнутого состояния («государственного единства»), что само по себе не может не удручать, ведь исторический процесс на то и процесс, что его никак не остановишь, а значит, поставленная или сформулированная задача не имеет решения! И потом, почему речь идет о «государственном», а, скажем не, о «народном» единстве, ведь «чревоушает» все-таки народ, а не государство, которое опять-таки бывает как приемлемое для народа, так и не очень? Вероятно, было бы уместнее написать, например, так: ...развивая при этом исторически сложившееся единство как единство прежде всего мировоззренческое и формируемое на принципах обязательного поиска и утверждения в социальных отношениях правды и честности... Кстати, финальная часть последнего по тексту тезиса (после первого союза «и») вполне сможет заменить собою суждение из рассматриваемой преамбулы: «исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов». Почему последнее достойно замены? Да потому, что равноправия и самоопределения на самом деле и нет вовсе, так как, например, равноправие на самом деле возможно лишь при очевидном наличии одинаковых возможностей, как, собственно, и самоопределение полностью и исчерпывающе зависит от них же. Иначе говоря, если нет возможности для реализации конкретного права, в том числе и на самоопределение, то не будет ни первого, ни второго. И потом, а зачем вообще нужно будет равноправие и самоопределение, если в отношениях народов России будет

правда и честность? Теперь рассмотрим такое: «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». В последнем находим, во-первых, странное: почитание памяти предков, во-вторых, не менее странное: передачу любви и уважения к Отечеству, веры в добро и справедливость. И действительно, разве, например, возможно почитание не своей памяти? Да, вполне можно и нужно помнить собственных предков, пользуясь плодами их труда, но также следует помнить об их ошибках и заблуждениях как в назидание себе, так и будущим поколениям. А передача любви и остального, конечно же, есть пустая, следовательно, вредная фантазия и только. Тогда как, например, подлинная любовь и уважение к Отечеству без собственной работы над собою же и не возникнет вовсе, а значит, на самом деле нам следует вести речь о квалифицированном и систематическом историческом самообразовании россиян, основанном исключительно на достоверных данных и воспринимаемом в контексте мировоззрения «одного стандарта», всегда предполагающего и применяющего ко всем и ко всему лишь одну мерку. Другими словами, знание истории должно быть таким, что при добавлении в него в качестве (и не только) иллюстраций каких-либо новых достоверных исторических фактов общая картина наличных исторических событий не утрачивала своей целостности и не рассыпалась бы на несвязанные между собой фрагменты, а дополнялась и уточнялась, как формируется мозаичное полотно при добавлении в него недостающих элементов. Ну а говорить о вере в добро и справедливость всерьез и вовсе не следует, так как в добро на самом деле не верят, его попросту творят, как и в справедливость также не верят, ее лишь утверждают собственным поведением, основанном на поиске и стяжании правды, ниспосылаемой человеку Свыше по его же выраженному желанию к тому.

Переходим к обдумыванию и оценке следующего тезиса преамбулы российской Конституции, который выглядит так: «возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы». Что беспокоит в нем? Во-первых, указание на якобы ранее утраченную суверенность государственности России, страны, отстоявшей свою независимость в годы Второй мировой войны. Как говорится, что-то не складывается или кто-то лукавит. Конечно, можно говорить о коммунистическом иге, опутавшем государственность России, но тогда говорить сие следует вполне ясно. Впрочем, об этом не говорится, вероятно, потому, что Россия в прошлом, как ни крути, сама избрала для себя же названное иго. Другими словами, никакие интервенты не насаждали его, а значит, и никакой потери суверенитета и не было вовсе. Заключая сформулированное выше, вполне можно заметить, что авторы сего тезиса пытаются присваивать себе чужие заслуги или занимаются с сущностной точки зрения банальной кражей. Далее касательно «и утверждая незыблемость ее демократической основы», вероятно, следует заметить, что «утверждать незыблемое» можно, но вряд ли сие будет разумно, а значит, кто-то кому-то попросту, как говорится, морочит голову. Ну и, конечно же, стоит еще оценить так называемую демократическую основу России. Последняя в разбираемом нами контексте, вероятно, иначе представима как утверждение основы наследуемого верховенства преобладающего нрава граждан России. Что сие будет означать, вероятно, не смогут пояснить и сами авторы выделенного выше заявления. Да, говоря об «основе» демократии надо сначала ясно и твердо уяснить значение самого слова «демократия», причем, уяснить не в смысле частных проявления этого слова, а в смысле его собственного значения или значения сущностного. Теперь посмотрим на такое: «стремясь обеспечить благополучие и процветание России». В выделенном выше словосочетании удивляет, во-первых, слово «стремясь», во-вторых, «обеспечить». Если первое являет собой лишь некое благое намерение, которое вполне возможно и выполнено-то не будет, то уже второе — должно либо предоставить России достаточные материальные средства к жизни, либо гарантировать ей что-то конкретное или сделать это верным (несомненным). Как мы видим, авторская группа, как говорится, «постаралась на славу». Другими словами, демагогия как явная игра «на понижение» или как ставка на недоразвитие своего адресата и есть ее «фирменный» стиль. Впрочем, рассмотрим еще такое обязательство авторов Конституции: «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими

поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества». Оказывается, в своем собственном поведении вполне можно исходить из ответственности за... либо, естественно, не исходить из нее же. Но тогда сие обязательство по своей сути им как раз и не является, так как каждый желающий того при необходимости будет вправе посчитать себя вполне свободным от названной ответственности, так как специального обязательства в отношении последней он как раз кому бы то ни было и не давал вовсе. Далее, удивляет выделение лишь нынешнего и будущих поколений, тогда как прошлые почему-то оказались совсем забытыми. Последнее, вероятно, связано с отказом от мировоззренческих ценностей наших предшественников. Но тогда не следует обольщаться и на счет позиции будущих поколений, которые вправе будут поступить с нашими аналогично. И, завершая разбор преамбулы, отметим еще тот факт, что авторская группа «сознает себя частью мирового сообщества» или она, вероятно, имеет перед ним и вполне конкретные обязательства, вопрос только — какие? Но об этом текст преамбулы Конституции, возможно, из деликатности самого вопроса и вовсе умалчивает.

В заключение аналитического разбора преамбулы настоящей Конституции следует отметить, что она имеет характер яркого и эмоционально сориентированного документа, вероятно, призванного к обольщению собою легковерного массового читателя, к тому же и неспособного к вдумчивой самостоятельной работе со сложной речевой информацией. Кроме того, уже с сущностной точки зрения сей документ весьма уязвим, так как необходимых в подобном случае первостепенных и жизненно важных обязательств в себе самом практически не содержит, что вполне ставит его под сомнение как нечто целое и, скорее всего, он может быть охарактеризован как документ неквалифицированный, а значит, и как очевидно безответственный. Впрочем, это только самое предварительное наблюдение, которое в дальнейшем может быть и пересмотрено.

Начнем рассмотрение и анализ некоторых положений содержания

РАЗДЕЛ ПЕРВОГО КОНСТИТУЦИИ Российской Федерации

ГЛАВА 1. ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Статья 2

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

*Вот ведь как, по настоящей Конституции понятие «человек» оказывается своего рода завершенным распорядителем понятия «государство». Другими словами, «государство» является слугой «человека». Спору нет, звучит, конечно же, красиво, но разумно ли сие в своей основе? Давайте проверим. Во-первых, понятие «государство» легко сочленяется лишь с понятием «гражданин», так как и первое и второе из одного смыслового (юридического) ряда. Тогда как понятие «человек» явно шире понятия «гражданин» или вполне поглощает его со смысловой точки зрения. В таком случае внешне получилось как раз ровно то, что и прописано в рассматриваемой статье. Другое дело, что само употребленное в статье понятие «человек» никак не раскрыто, что вызывает законные вопросы, скажем, о том, что под сим следует понимать. Мы ведь знаем, например, лиц без определенного места жительства и без определенного рода занятия. Являются ли они высшей ценностью для государства? Отнюдь, никак не являются. Впрочем, мы также можем заметить еще и такое: высокопоставленные люди самого государства, как говорится, по всем приметам уже действительно являются названной высшей ценностью этого самого государства, тогда как все остальные люди уже по некой нисходящей кривой, вплоть до бомжесей, все менее и менее являются этой самой высшей ценностью. Почему же так? Да потому, что права у всех **в сути своей** разные, так как обеспечивающие их*

реальные возможности есть таковы. А без равенства последних говорить о равенстве прав людей можно, но лишь кривя при этом душой. Поэтому и получается, что в данной статье лукаво «зашит» обман, на самом деле разделяющий людей на «человеков» и всех прочих. Другими словами, сию статью писали люди **корыстные** и писали сугубо под свой **личный** интерес. Теперь рассмотрим еще слово «свободы», которое, вероятно, предполагает некие особые права, скажем, к **аморальным** поступкам. Другими словами, авторы данной статьи с помощью применения слова «свободы» вполне позаботились о возможности, например, для собственного несправедного поведения. Впрочем, в качестве альтернативы вполне можно было бы предложить, скажем, такое:

Основополагающей обязанностью всего российского государства является гарантированное предоставление своим гражданам возможностей для получения ими посильного образования, для их добровольного труда и необходимой им медицинской помощи, а также проведение политики всеобщего социального развития российских граждан.

В качестве некоторого пояснения к предложенному варианту 2-й статьи автор полагал бы уместным уточнить следующее: во-первых, под «посильным образованием» следует понимать такое образование, которое только может быть получено каждым конкретным гражданином с учетом его природных наклонностей и способностей; во-вторых, под политикой «всеобщего социального развития» следует понимать не цели, скажем, просвещения граждан, но прежде всего цели становления из граждан вполне ответственных в социальном отношении субъектов. Решение последней задачи и будет гарантией жизнеспособности как всего общества, так и самого государства.

Статья 6

1. Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения.

2. Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации.

3. Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его.

Посмотрим в толковом словаре русского языка значение слова «гражданин». Оно имеет следующие значения: подданный какого-нибудь государства; сознательный член общества, подчиняющий свои личные интересы общественным; взрослый (не церковный — устаревшее) человек, мужчина. Получается, что в своей сути гражданин есть лицо, входящее в самостоятельно существующее общественное объединение и подчиняющее свои интересы интересам данного властного образования. Другими словами, гражданство не может быть не единым и не равным в принципе, а значит, писавшие пункт первый настоящей статьи совершили логическую ошибку, написав о единстве и равенстве гражданства. Это первое. Второе же состоит в том, что «приобретение и прекращение гражданства» своим смыслом напоминает покупку либо утрату, скажем, неких прав и привилегий, тогда как из смысла самого гражданства следует иное — лишь добровольное взятие на себя неким лицом обязательств в пользу конкретного общественного объединения, обладающего властными свойствами. Так как же быть? Вероятно, что речь может идти лишь о вхождении в гражданство либо о выходе из него. Теперь рассмотрим второй пункт настоящей статьи. В нем явно опущены права и обязанности гражданина, например, вне территории России, что есть грубая ошибка авторов рассматриваемой Конституции. Другими словами, гражданин России является таковым и за ее пределами. В третьем пункте статьи 6 явно присутствует подвох, так как невозможность лишения государством конкретного лица гражданства, как говорится, «за дело» почему-то противопоставляется праву на добровольный выход из гражданства того же лица в пользу вхождения в иное. В результате конкретное лицо получает внутри собственного

гражданства фактически своего рода «антигражданское» (в данном случае в отношении российского) право, что, конечно же, есть логический абсурд, исключаящий из гражданства саму его суть, состоящую прежде всего в добровольном обязательстве ущемления личных интересов в пользу общественных. Иное же по принципу соответствия должно сопровождаться воздаянием, в данном случае — принудительным лишением конкретного лица ранее присвоенного ему же гражданства. Кстати, не поэтому ли нынешние «властители» России никак не возьмут в толк, почему это патриотизм в России нынче не в моде? Но как же следует писать настоящую статью грамотно? Вероятно, например, так: вхождение в гражданство Российского государства и выход из него осуществляется только в соответствии с законом о гражданстве России; гражданство России может быть утрачено лишь в случаях, предусмотренных положениями специального раздела закона о гражданстве.

Статья 7

1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Взятая в рассмотрение статья Конституции отличается прежде всего применением весьма странного словосочетания «Российская Федерация — социальное государство». Для подтверждения обо снованности признания выделенного словосочетания странным обратимся к толковому словарю русского языка. В нем отыщем значение слова «социальный». Оно имеет следующие значения: прилагательное, по значению связанное с жизнью людей в обществе, их отношениями в обществе или к обществу, общественный; реорганизуемый общественные, производственные отношения в обществе; порождаемый условиями общественной жизни, условиями той или иной общественной среды, общественной формации; прилагательное, по значению связанное с принадлежностью к какой-нибудь общественной группе, классу. Как видим, в контексте перечисленного выше понятие «социального государства» выглядит, как минимум, несколько непонятно. Для большей ясности рассмотрим также словарные значения слова «государство». В словаре они выглядят так: организация классового господства, имеющая своим назначением охрану экономических и политических интересов господствующего класса и подавление враждебных классов; страна, управляемая своим самостоятельным правительством; гражданское общество, более или менее политически самостоятельное и управляющееся своими законами. Последнее значение позволяет представить значение слова «государство» со смысловой точки зрения более выпукло, например, так: гражданское общество, обладающее той или иной идеологией и управляемое соответствующими законами. Кстати, идеология государства может быть выражена даже как ее внешнее отсутствие. Другими словами, провозглашение, например, в России отсутствия господства какой-либо конкретной идеологии и есть искомая господствующая идеология, но идеология, скрывающая себя как неявно установленное право власть предержащих для ничем не ограниченного изменения ими самими содержания любых общественных отношений внутри страны. Но вернемся вновь к анализируемому словосочетанию. В результате смыслового обобщения значений слов «социальное» и «государство» мы получаем, например, такое: связанное с жизнью людей в обществе или с их отношениями в обществе (к обществу) гражданское общество, обладающее той или иной идеологией и управляемое соответствующими ей (идеологии) законами. Получилось, мягко говоря, нечто маловразумительное, ведь гражданское общество как понятие уже вполне содержит в себе самом связь с жизнью людей в обществе и никак не нуждается в повторе того, что уже

есть и так. Странно. Теперь о «достойной жизни» и о «свободном развитии человека». Опять нам предлагается принять нечто непонятное как понятное. Да и в самом деле: разве бывает «недостойная жизнь» или «несвободное развитие человека»? Такое впечатление, что сие писали напыщенные и неграмотные люди. Во-первых, слово «достойная» означает заслуживающая, стоящая; вполне соответствующая, справедливая. Как мы видим, «достойная жизнь» в сути своей есть «честная жизнь». Здорово, а? Другими словами, Россия будет пытаться создавать своим гражданам условия для честной жизни? Но подобное положение, помещенное в Конституции, может вызвать у внимательного читателя лишь недоумение, скорее всего его удивит как содержание самого намерения законодателя, так и его же неконкретный характер по части гарантии его реализации. Иначе говоря, получилось не совсем понятно «что» и совсем непонятно «как». Во-вторых, понятие «развитие» само по себе уже предполагает как раз стеснение. Или оно возможно лишь в преодолении сопротивления. Но законодателю анализируемой Конституции, видимо, это невдомек. Грустно, ведь элементарная смысловая грамотность все-таки должна была у него быть. А как же написать сие грамотно? — спросит нетерпеливый читатель. А, например, так: российское государство гарантирует один стандарт отношения ко всем своим гражданам без какого-либо исключения. При этом в государстве, понятное дело, резко повысится ответственность власть имеющих лиц к тому, что они намерены делать с обществом, так как их действия неотвратимо, непосредственно и совсем скоро скажутся и на них самих же.

Теперь переходим к оценке содержания второго пункта настоящей статьи. В нем мы видим, во-первых, что в «РФ охраняются труд и здоровье людей». Интересно, а как это следует понимать? Если буквально, то что же это такое («охрана труда и здоровья людей») будет? А, например, охрана жизни людей и не предусматривается вовсе? Другими словами, если вас сразу лишат жизни, то и взятки гладки, что ли? Правильно, ведь жаловаться-то уже будет некому, а значит, и проблем быть не должно! Если говорить всерьез, то «охрана труда и здоровья людей» в Конституции вряд ли нужны, так как, например, проблемы техники безопасности — это все-таки проблемы, скажем, конкретного работодателя, предполагающие его же уголовную ответственность за причинение вреда здоровью нанятому им персоналу либо за его гибель. Далее. Законодатель ведет странный разговор об установлении какого-то минимального размера оплаты труда. Неужели такая проблема есть проблема Конституции? И потом, а разве за труд не должны платить лишь заработанное и, наоборот, не переплачивать лишку или не платить незаработанное? Может быть, правильно было бы вести речь о том, что Конституция лишь гарантирует гражданам исполнение работодателем взятых им на себя обязательств по оплате их труда в соответствии с его качеством и количеством? Впрочем, возможно ли сие с учетом рыночной стихии и вообще гарантировать? Но что же дает обществу упомянутая выше минимальная оплата труда? Право плохо или мало работать? Но зачем подобное вообще нужно? Странно это, ведь если работу следует выполнить, то она имеет стоимость, скажем, рыночную, а если ее не надо делать, то зачем ее вообще следует оплачивать? Другое дело, общественные или бюджетные работы. Но и они ведь вполне определяются стоимостью действительно прожиточного минимума, а значит, на самом деле речь должна идти лишь о гарантировании выплаты последнего и только всем бюджетникам. Причем, всякая иная прибавка к зарплате бюджетников должна определяться общими экономическими показателями конкретного региона, страны в целом и в строгом соответствии с ответственностью по занимаемой должности. Так как же следует писать грамотно? Труд в России оплачивается в случае бюджетников строго в соответствии с текущим территориальным прожиточным минимумом, дополняемым выплатами, определяемыми в свою очередь ростом общих экономических показателей, например, региона или страны в целом. Другими словами, труд (деятельность) бюджетников должен быть очевидно полезным и не должен быть заниженным по оплате, с одной стороны, а также не должен носить паразитический или вредящий экономике характер — с другой. В следующем положении анализируемой статьи мы видим, что

государство «обеспечивает поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан». Странно это, ведь «копеечное» участие в судьбе перечисленных групп граждан, что заранее понятно, не будет носить принципиального характера, а, значит, будет походить скорее на имитацию заботы о них. Но тогда зачем об этом писать? Вероятно, иначе следовало бы написать, например, так:

Российское государство всеми своими накоплениями гарантирует поддержание прожиточного уровня всем неработоспособным семьям, матерям либо отцам по уходу за новорожденными, инвалидам и пожилым гражданам, которые не могут иметь соответствующей поддержки со стороны близких родственников.

Теперь о «развитии системы социальных служб, установлении государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты». Подобное напоминает детское: когда я вырасту, буду помогать маме и папе зарабатывать деньги. Впрочем, без выплат пенсий и пособий представляемое настоящей Конституцией государство и вовсе никому не нужно будет, по крайней мере, в обсуждаемой части. Другое дело, если говорить про размер названных выше выплат. И здесь вновь приходится говорить про гарантирование государством всеми наличными накоплениями текущего территориального прожиточного минимума как с помощью установления соответствующего размера пенсий, пособий и применения иных мер социального содержания. Теперь попробуем сформулировать выше найденное и осознанное как вполне справедливое, а значит, и честное. Во-первых, Россия — это государство обеспечивающее материальное прожиточное содержание всех не способных к тому граждан и не могущих располагать соответствующим эквивалентным обеспечением со стороны близких родственников. Кстати, если последние вдруг «отвернуться» от своих близких и престарелых родственников, то они должны будут платить российскому государству более высокий социальный налог, чем если бы они не отказались от содержания своих, например, родителей или старших братьев и сестер. Во-вторых, Россия как государство выплачивает своим гражданам в соответствии с трудовым стажем, должностью пенсию по старости в размере не менее текущего территориального прожиточного минимума.

Статья 13

1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.
2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.
3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность.
4. Общественные объединения равны перед законом.
5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Настоящая статья на редкость благодатна для обдумывания и получения выводов фундаментального характера. Почему? Да потому, что она напрямую затрагивает фундаментальные основы бытия человеческого сознания. Но начнем по порядку. Первое утверждение об идеологическом многообразии и радует и удручает. Почему? Да потому, что оно, с одной стороны, умно, с другой — глупо. И действительно, а как можно не признавать идеологическое многообразие, ведь оно как неотъемлемая подробность самой жизни попросту не может быть непризнанным. Другое дело введение уголовного преследования за инакомыслие. Но тогда следует сказать иначе: в Российском государстве уголовно наказуемо преследование за какое-либо инакомыслие. Далее в отношении идеологической стерильности Российского государства. Возможно ли оно в принципе при сохранении последнего или нет? Кто-то, вероятно, посчитает сие вполне возможным, но автор настоящего исследования полагает обратное и вот почему. Любое сознательное

объединение, как говорится, зиждется на понимании его целей и задач. Другими словами, без последних оно становится нежизнеспособным. Тогда как осознаваемых целей и задач чего-либо не бывает в принципе вне конкретной идеологии. Почему? Да потому, что они есть следствие оной. Иначе говоря, цели и задачи есть лишь следствия вполне определенного мировоззрения, в котором наряду с обязательно признаваемым и якобы справедливым представлением о картине мира и назначении человека есть еще и непереносимое желание его утверждения. Поэтому-то вне идеологии государство не может нигде и никогда существовать, так как оно вне идеологии попросту не возникнет. В нашем же случае речь, вероятно, идет о государстве с не оглашаемой публично идеологией по причине характера самой названной идеологии как идеологии скрытого разделения всего общества на избранных и прочих, на удачливых и немощных. Тем самым некие избранные и получают с лихвою потенциальные возможности для произвольного переформулирования в свою пользу любых правил организации жизни. Почему? Да потому, что в случае нужды не надо будет добиваться проблематичной в принципе отмены действия ранее установленной публично и признаваемой справедливой идеологии. Другими словами, тщательно скрываемая идеология безбрежного (как не имеющего конечной цели) корпоративного произвола и есть основа взятой в исследование Конституции. В качестве возможной альтернативы второму пункту автор исследования предлагает такое:

В Российском государстве посредством публичного обсуждения и всенародного референдума выявляется и устанавливается в качестве господствующей идеология сути народного бытия как единого целого.

Теперь, минуя сразу глупость необходимости признания разномыслия в третьем пункте, переходим непосредственно к обсуждению содержания пункта четвертого. В нем представляется целесообразным подчеркнуть равенство не перед законом как таковым, в чем, собственно, особого смысла и не имеется, а перед возможностью того или иного участия в его обсуждении еще на предварительной стадии принятия к рассмотрению лишь его проекта. Иначе говоря, любые общественные объединения наравне с государственными имеют право на голосование по любому вопросу в части, их непосредственно касающейся. И наконец, о запрете на любую антигосударственную и иную антиобщественную деятельность. Представляется вполне разумным принять за основу такую формулировку: запрещаются любые насильственные или обманные действия, ведущие к ликвидации либо к замене господствующей государственной идеологии.

Статья 14

1. Российская государство — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Удивительная статья, если, впрочем, подумать хорошенечко, что с непривычки будет не каждому сразу по плечу. Почему? Да потому, что вот она — выше заявленная «внеидеологичность», как говорится, в действии. Другими словами, само провозглашение «светскости» государства не будет ли проявлением вполне конкретной «светской» идеологии? Но давайте сначала определим смысл или значение слова «светский». В словаре В. И. Даля последнепредставлено как земной, мирской, суетный или гражданский (не церковный). Но ведь монополия церкви на веру в Бога сама по себе не отменяет ее вне себя как таковую. Или у кого-то плохо с головой? Да и в самом деле: картина мира вне бытия Бога как строго картина мужей государственных не будет ли проявлением корпоративного и вполне богоборческого произвола? Да, вполне можно думать, что большинство граждан России, например, атеисты, но объявлять сию мысль сразу же законной как-то не вполне конституционно будет. Другими словами, нас «нагнули», а мы и не заметили. Ловкие парни, ничего более и не скажешь. Понятное дело, что второй пункт анализируемой статьи вполне вытекает из первой и в обсуждении никак не нуждается. Посему настоящая статья есть вопиющий произвол ее авторов. Но как же следовало бы сию статью писать честно?

А, например, так: характер самого Российского государства может определяться исключительно всенародным произволением, выявляемым с помощью соответствующего референдума.

*Комментарий. Вот и закончилось исследование некоторых из заявленных Конституцией 1993 года организационных основ Российской Федерации. Ну а при чем же тут, собственно говоря, расчеловечивание самой России, о котором было сказано в заголовке статьи? Законный вопрос. Впрочем, продвинутый читатель, вероятно, уже и сам сообразил при чем. А для оставшихся в неведении поясним следующее. Например, в статье 2 провозглашаются права и свободы человека как самая наивысшая ценность. Внешне все вроде бы и хорошо, но если говорить всерьез, то получается, что «часть» провозглашается главенствующей над «целым». Последнее же автоматически приводит самого человека так или иначе, рано или поздно в положение полного одиночества. Почему? Да потому, что абсолютизация персонального успеха и счастья как «локальной полноты бытия», строго говоря, невозможна даже теоретически. Почему? Во-первых, человек есть существо исключительно социальное, а значит, подлинный смысл его бытия прямо зависит от качества бытия всего мира. Другими словами, нельзя всерьез считать полной победой частное преуспевание. Последнее всегда будет страдать своей смысловой незавершенностью. Во-вторых, частное или личное изобилие всегда зиждется на убыли в «целом», а значит, оно всегда напрягает собой «целое», которое обязательно так или иначе, рано или поздно «отыгрывает» перегрузку вызвавшему ее же адресату. В-третьих, подлинная полнота жизни человека возникает лишь тогда, когда он пребывает в ладу с совестью, тогда как частное преуспевание исключает последнее по определению. Почему? Да потому, что первенство заботы о частном (личном) неизбежно вытесняет собой все остальное на периферию внимания и незаметно превращает самого «частника» в своего рода заложника, уже принципиально не способного слышать голос совести. Далее, в статье 6 в пункте 3 весьма наглядно просматривается узаконение этой самой возможности неверности «частника» заботам «целого». Почему? Да потому, что подобным нарушается даже сама симметрия принципа обязательств. Другими словами, «частнику» вполне разрешается отказываться от взятых ранее обязательств в отношении «целого», тогда как последнему уже запрещается иметь возможность для встречного иска. В статье 7 мы уже встречаем заботу о «достойной жизни и свободном развитии человека». Но что же сие означает на самом деле? Вероятно, что государство обязуется создавать условия для честной и развивающей человека жизни. Но разве для честной жизни нужны какие-то особые условия? Или слово «достойная» в понимании авторов Конституции предполагает что-то иное, например бытие с удобствами? Но тогда Конституция данным своим положением вполне отрицает свое же второе условие — условие развития человека. Почему? Да потому, что самого развития без стеснения и без его же преодоления попросту не бывает. А без самого развития человек неизбежно так или иначе, рано или поздно утрачивает собственное наличное человеческое содержание. Теперь обратим свое внимание на положения статьи 13. В них мы вновь замечаем заботу о нуждах «частника», которому опять же дается возможность «не заботы» о «целом», а именно: его полностью освобождают от какой-либо необходимости подчинения существующему общественному мировоззрению. Ну и в завершение: положение пункта 1 статьи 14 настоящих основ конституционного строя нашего «частника» вообще освобождает и от какой-либо ответственности за все им творимое даже перед Богом. Поэтому, подводя окончательный итог настоящему размышлению, вполне уместным будет то признание, что заявленное в заголовке статьи **расчеловечивание** России посредством действия ее Конституции 1993 года абсолютно закономерно.*

5 мая 2005 года
Санкт-Петербург

**Смысло-логический анализ понятия
«Комсомольская правда», или подлинный смысл
закавыченного словосочетания**

Оно, правда, и дорого, да любо.

В. И. Даль

Почему настоящая статья посвящена понятию «Комсомольская правда»? Да, вероятно, потому, что изданий с подобным наименованием от ушедшего в историю советского времени практически совсем не осталось, а значит, последнее, если хотите, имеет особую ответственность и значимость. Почему? Потому, что слово «правда» вполне собою обязывает к тому. Мы исстари привыкли воспринимать значение слова «правда» как, скажем, знание факта или фактов о чем-либо. Тогда как великие мыслители, например Ф. М. Достоевский, указывали иное. Так, знаменитый писатель писал следующее: «правда в произведении искусства должна быть нежной». А известный юрист Плевако говорил, что не любишь, то и судить не сможешь. Любопытно, а что нам сообщают на сей счет словари русского языка? В частности, словарь под редакцией профессора Д. Н. Ушакова приводит следующие значения исследуемого слова: то, что соответствует действительности, что есть на самом деле, истина; правдивость, правильность; идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов; правота; название кодексов средневекового права; верно, справедливо, в самом деле так, соответствует действительности, истине; действительно, в самом деле. Теперь заглянем в словарь В. И. Даля. В нем находим уже такое: истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость; бесспорно. Из житейского опыта мы также знаем, что, например, очевидцы какого-либо события часто дают его разное в деталях описание. Другими словами, мера их развитости, включенности в ситуацию, адекватности в отношении воспринимаемого, а также особенность их контекстной позиции заметно влияют на содержание их же свидетельств. При этом дело порой доходит даже до взаимоисключающих утверждений. Но, может, правда о происшедшем как раз и образуется из полного обобщения всех имеющихся свидетельств? С другой стороны, а возможно ли примирить непримиримое? И потом, кроме внешнего проявления, всякое событие имеет еще и внутреннее (причинное) содержание. О нем же, как правило, не знают все до конца даже сами центральные участники события. Иначе говоря, спонтанность некоторых элементов их поведения как проявление случайного исчерпывающему объяснению принципиально не поддается. Но, может, правда — это вся совокупность фактов в ее свободном развитии? Что ж, по прочтении и обдумывании всего перечисленного и сформулированного выше легко получается, что слово «правда» само по себе вполне самодостаточно, и оно, строго говоря, вовсе не нуждается в каком-либо прилагательном. Другими словами, употребление рассматриваемого слова с прилагательным уже есть своего рода сужение его всеобъемлющего смысла, а значит, уже есть действие по переводу его из разряда чего-то полного в разряд очевидно неполного. Но тогда, если вдуматься, получается, что его значение неизбежно терпит ущерб и «втихую» в конце концов подменяется на ему же чуждое. Последнее же совершенно естественным образом или автоматически становится всем чем угодно, но только не заявленным. Вот так! Тогда словосочетание «Комсомольская правда» как «Правда коммунистического союза молодежи» есть, например, «справедливость коммунистического союза молодежи» или «правосудие коммунистического союза молодежи». Но мы ведь сегодня уже вполне достоверно знаем, что классовый (в современном прочтении — корпоративный) характер и

справедливости и правосудия есть их полная противоположность или есть очевидная несправедливость и «кривосудие». В таком случае подлинным значением словосочетания «Комсомольская правда» неизбежно становится «очевидное несоответствие заявленного обозреваемому».

7 мая 2005 года
Санкт-Петербург

Общественный транспорт как «камень преткновения» российской реформации

Начало 2005 года. Могучая поступь Российской реформации вновь дала знать о себе, на сей раз — «монетизацией» ранее введенных ею же льгот. В частности, бесплатный проезд для пенсионеров заменен частично платным. Казалось бы, а что тут такого особенного? И действительно, ведь за все надо платить, и пусть в конце концов платят! Другими словами, все должно быть по справедливости, или по-честному. И потом, ведь государством выделена же и некоторая компенсация. Но что-то и почему-то не дает покоя. Любопытно, что? Ныне властью провозглашено господство тотального рынка товаров и услуг. Иначе говоря, считается, что самим рынком всем и всему назначена своя цена. Что же может в таком случае не устраивать разумного человека? Может быть, сомнение вызывает как раз сам принцип тотальных товаров и услуг? Может быть, в нем скрыто присутствует неправда? Давайте рассуждать. Любопытно, а есть ли в жизни современного человека и общества в целом какие-либо области, плохо поддающиеся товарно-денежным отношениям? Вероятно, что таковые имеются. Например, защита Отечества. С другой стороны, чем не рыночная услуга, ведь всегда были наемные военнослужащие, или наемники? Или любовь в широком понимании этого слова? А, например, право рождения или самой жизни сколько может стоить? Но тогда как же названное выше должно «сожительство» с принципом тотальной стоимости всего и вся? Вероятно, что что-то чему-то должно так или иначе уступить. Другими словами, либо рынок товаров и услуг тотален, либо нет. Понятное дело, что любой разумный человек признает, что так называемого тотального рынка нет и быть не может. А что же тогда есть? А есть лишь организованный «продвинутыми» деятелями обман общественности в свою личную или корпоративную пользу. Почему? Да хотя бы потому, что все общественное, например транспорт, быть рыночным на самом деле никак не может. Но кто-то, вероятно, возразит, что мировой опыт свидетельствует как раз об обратном, а значит, автор сего текста просто не знает «тему». Что ж, надо отвечать. Да, в мире много частных транспортных компаний, но они (обрати внимание, читатель) не называются общественным транспортом. Другими словами, при большом желании вполне можно попытаться сделать каждый метр дорожного полотна рыночным или платным для проезда или прохода и, как говорится, «по-честному» взимать рыночную плату. Но ведь такого почему-то никто и нигде не делает! Интересно знать, почему? Странно. Но подобное положение дел для российской реформации, понятное дело, никак не указ. Мы ведь во всем на свете, как всегда, самые-самые. Казалось бы, отмени общественный транспорт как понятие и дело с концом, ан нет, не отменяем — боимся. Чего, спрашивается? Да дури собственной, вот чего! С другой стороны, концы с концами-то надо как-то сводить. Вот и получается «монетизация» или попытка продажи общественности общественного же, в рассматриваемом случае транспорта, и продажи в строгом соответствии со спросом. И действительно, спрос-то ведь имеется, а значит, и цену можно и нужно устанавливать. Но тогда в чем, собственно, проблема? Да, наверное, в том, что пенсионеры просто привыкли пользоваться общественным транспортом за чужой счет. Но, может быть,

общественный транспорт, например метрополитен, и не может быть рыночным, как говорится, в принципе, так как содержит в себе совокупные затраты не частного масштаба и прибыльным в принципе быть не может? Что ж, такое предположение вполне достойно осмысления. Но как же тогда быть? Содержать его в складчину? С одной стороны, почему бы и нет, с другой — пенсии-то явно не рыночного масштаба (судорожно боремся с негодницей-инфляцией). Иначе говоря, содержать на них цивилизованный общественный транспорт ну никак не получается. Так как же быть? А пусть терпят, ведь коммунистов терпели, так теперь пускай несут за то свой крест. И чтобы не сильно шумели — дать им крохи, а главное — побольше сладких обещаний по части будущего увеличения размеров пенсий. Вот примерно так и решила российская горе-реформация. И что же дальше? А дальше либо последняя сама себе лоб расшибет о сей «камень», либо он ее попросту раздавит. Впрочем, кто-то заметит, что мрачно кликушествовать всяк сможет, а вот рыночное дело предложить уже не всем по плечу будет. Что ж, извольте. Мы все живем в свободном обществе, а значит, вправе требовать честной платы за ущемление родимой. Например, владельцы личного автотранспорта создают порой просто невыносимые для не владельцев авто условия жизни и ничем сие безобразие им ущемленным никак не компенсируют. Не есть ли последнее нерыночное насилие вопиющая дискриминация и произвол? Мы ведь все страдаем от шума, вибрации, вони, отсутствия свободы для пешего передвижения и даже от опасности оказаться под колесами бесчисленного личного авто. Поэтому вполне разумным и ответственным делом было бы введение на всех любителей частного автопередвижения в счет компенсации нарушенного права невладельцев машин налога на содержание общественного транспорта. Тем самым многие бы лишний раз подумали перед покупкой личного авто, с одной стороны, с другой — проблема содержания всего общественного транспорта вполне снялась бы как проблема государственная. Вот примерно так и можно выйти из создавшегося положения.

7 ноября 2005 года
Санкт-Петербург

**«Рыночный угар» российской государственности,
или «Политическая добродетель»
как завершенное проявление
«социального гербалайфа»**

*Добро вовсе не то,
что навязчиво выдает себя за оное.
Его мнимый носитель всегда поступает не по совести,
а, например, по Конституции, о самом же добре понимает
строго как о важном лично для себя деле.*

Эпоха тотальной борьбы против терроризма или повсеместной борьбы за физическую безопасность уже прочно вошла в нашу жизнь. Нас вновь «построили» во имя некоего всемирного «блага», а именно: нам объяснили, что жизнь на самом деле важнее... самой жизни. Другими словами, нам объяснили и продолжают настойчиво повторять, что важно лишь жить вообще, но вовсе не важно во имя чего стоит жить. При этом сия точка зрения по фактам всей российской социально-политической жизни объявлена единственно правильной и всеобъемлющей. По-другому, борьба против терроризма, бедности и борьба за построение демократического общества и есть искомая истина в самой что ни на есть последней инстанции. Или еще. Нынешние правители России во главе с президентом В. В. Путиным в целом придерживаются того странного мнения, что сегодня вовсе излишне учить детей тому, что есть добро, мол, пускай сами разбираются в том. С другой стороны, многие наши современники рассматривают добро исключительно как личную выгоду либо

как искомые материальные блага и телесные удобства (удовольствия). Некоторые же эксперты видят в нем, например, служение Богу, другие («продвинутые») — все, что обеспечивает устойчивость жизни. Но что нам сообщают по этому поводу толковые словари? В словаре В. И. Даля мы находим такое: добро — благо, что честно и полезно, все чего требует от нас **долг человека**, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу. Кроме того, в Историко-этимологическом словаре современного русского языка П. Я. Черных, например, слово добрый означает следующее: обладающий мягким характером, расположенный к людям, сострадательный, сердечный, хороший, доброкачественный. Да, как видно из всего приведенного выше, вопрос исчерпывающего уяснения смыслового наполнения выделенного для исследования слова ой как не прост. Другими словами, в нем плотно переплелись очень многие и очень существенные смыслы всей нашей жизни. Для подтверждения последнего достаточно задаться вопросами: что такое честно? что такое долг человека? Если, скажем, понятие честный вполне связано с понятием справедливый, или очевидно, что упомянутый везде и всегда поступает по совести, то уже с чем может быть связан долг самого человека так и остается не совсем проясненным. Да и в самом деле: одно дело — долг гражданский или семейный, а другое — человеческий. Иначе говоря, без ответа на вопрос о смысле жизни человека искомого ответа нам никак не сыскать. Так как же нам все-таки быть? На что опереться? Но давайте на время отставим сии вопросы, предполагая возможные подсказки для ответов на них в чем-то ином. Вместо этого еще раз пристально посмотрим на печальные тенденции современной российской жизни как на своего рода средоточие всех ее фундаментальных противоречий. Чем последние тенденции примечательны? Стремительное падение международной конкурентоспособности России, выдвигание ее на первые места среди стран мирового сообщества, где бурно процветает взяточничество и мздоимство (тягло), причем зафиксированные самими влиятельными международными агентствами потрясающие своим масштабом многочисленные факты попыток подкупа иностранных властей российскими бизнесменами вообще не имеют в настоящее время каких-либо аналогов в мировой практике. Что еще в связи с этим достойно своего осмысления? Пожалуй, самое несправедливое на сегодня в мире распределение среди населения нашей страны имеющихся материальных благ, неуклонное прекращение деятельности всех более или менее заметных масс-медиа, отказывающих в доверии как местной, так и центральной российской власти. С другой стороны, кто-то заметит, что Россия как никогда ранее в своей истории, например, стала изобиловать иностранными легковыми автомобилями, продуктовыми и промтоварными магазинами, переполненными соответствующими товарами, а также бесчисленными телерадиошоу. Впрочем, тут можно еще для полноты ощущения «рыночного счастья» добавить, что игорный бизнес в России получил как никогда и нигде ранее немереные возможности и перспективы. Об алкоголизации населения всей страны, о проституции и наркомании говорить и вообще вряд ли стоит. Так что же такое есть сегодня Россия как государство? Чему оно служит? Рыночным реформам? Сырьевым запросам развитых стран? Безбрежным или, если хотите, безумным прихотям вчерашних комсомольских активистов (а также всевозможных фарцовщиков и спекулянтов) как главных владельцев бюджетных денег страны и всех ее природных ресурсов? Дело даже дошло уже до того, что нынешние шумные пропагандисты установившегося в 1991 году «беспредельного» политического режима «мучаются» уяснением значения слова «пошлость». Впрочем, они незастойливо защищаются от присущей им смысловой импотенции тем, что «пошлость», мол, есть неизбежный спутник «сытости», а значит, и горевать-то, собственно, не о чем. Тогда как даже в словаре В. И. Даля следы смысла искомого слова вполне можно обнаружить, было бы лишь желание, а именно: пошлый — избитый, общеизвестный и надокучивший, вышедший из обычая; неприличный, почитаемый грубым, простым, низким, подлым, площадным; вульгарный, тривиальный. Анализ всего перечисленного выше вполне и описывает состояние всей российской «элиты» и выражающей ее интересы власти. Почему? Да потому, что и первая и вторая очевидно бесстыдны и вульгарны. Другими словами, каких-либо мук совести они совсем не знают, каких-либо честных поступков и вовсе не совершают, взамен же

занимаются ежедневным личным обогащением, самовосхвалением и обманом. Другими словами, всей российской знати еще долго будет невдомек, что пошлость — это человеческое бытие вне духовного развития. Почему именно развития? А потому, что только ему предшествуют душевные муки, тогда как даже простая поддержка самовлюбленной российской власти никак несовместима даже просто с попыткой преодоления пошлых рамок. Вместо этого нашим соотечественникам все российские власти и ею прикормленные «авторитеты» как по чьей-то незримой команде с некоторых пор весьма настойчиво внушают мысль о необходимости примирения с ныне сложившимся положением российских дел, а также с некоторыми представителями царской России или Белого движения как хранителей подлинных смыслов и ценностей российской жизни. Но в чем же, собственно, автор статьи видит принципиальную угрозу для нашего Отечества? А в том, что вся российская государственность без остатка, образно говоря, «села» на «иглу политической добродетели» как самого изощренного политического средства отлучения народа от смысла всего ныне происходящего в России. «Что же это такое? — спросит читатель статьи. — О чем таком жутком всех нас предупреждает автор?» Ответ для обыденного восприятия будет весьма непросто, так как сама «добродетель» как «деланье добра» вряд ли сможет потревожить неподготовленную к смысловым оттенкам душу. Почему? Да потому, что добро на самом деле не делают, а его приносят либо нет. Другими словами, делают дело, но никак не добро, которое принципиально не может быть сделано, так как его смысловая природа попросту исключает подобное. Но все-таки, почему это так? — Вероятно, опять заволнуется некий читатель. А потому, что сделать, например, долг человека будет весьма и весьма затруднительно, тогда как делатель «добра» как конкретного удобства либо удовольствия вполне реален. При этом он сам по себе может быть очень злым, а значит, и вполне опасным. Другими словами, смысловая подмена понятия добра как, например, понятия человеческого долга понятиями доброго дела или полезной услуги, конечно же, скрывает подлинную нравственную природу любого обозреваемого нами чиновника либо всей государственной организации. В результате общее социальное неблагополучие всего народа России вполне ловко маскируется периодически и демонстративно совершаемыми «добрыми делами» власти, которая якобы искренне старается спасти народ от непонятно откуда взявшихся бед и напастей. Но мы ведь из опыта собственной жизни хорошо знаем, что ответственные за принесенное нам зло лица часто (дабы сохранить свое реноме) стараются откупаться или приносят жертвы. Так и в случае нынешней российской государственности мы имеем нечто схожее. Иначе говоря, вся российская власть как некая делящаяся традиция, одурманившись ныне парами «рыночного угара», предварительно и беззастенчиво обокрала собственный народ, затем, под видом спасительных благодеяний, стала оказывать ему же обобранным согражданам в конечном счете все равно копеечное вспомоществование. Подобные глумливые «эпохальные» действия власти подаются ее радиотелевизионным агитпропом как невероятные успехи проводимых ею же рыночных реформ и как немыслимый ранее расцвет демократии и торжество всяческих свобод. При этом главные руководители нынешней России, скажем, Председатель Правительства Российской Федерации М. Е. Фрадков, договариваются даже до того, что определяют всю российскую культуру как отрасль экономики, которая никак не освобождается от необходимости быть эффективной и рентабельной. Поэтому всем нам не стоит всерьез воспринимать ныне широко пропагандируемые и в сути своей очевидно недоразвитые программы социального «развития» и всю так называемую заботу российской власти о судьбах Отечества. Наоборот, мы должны ясно понимать, что нечестная власть регулярно предлагает нам своего рода «потребительские добавки» или она посредством технологии «социального гербалайфа» упорно внушает всем нам мысль о якобы уже состоявшемся окончательном успехе всей проводимой ныне политики. В противовес же происходящему всем нам, не мешкая, следует отчетливо уяснить, что такое долг человека и как он реализуется на практике. Если последний у наших далеких предков был связан с дисциплиной ума или был связан с ясностью мысли, точностью слова,

открытостью и ответственностью, то сие и должно стать сутью и нормой всей нашей общей жизни. Иного нам просто уже не дано.

14 ноября 2005 года
Санкт-Петербург

Уроки смысловедения

Загадка и отгадка г-на Путина, или Что такое «Боливар не выдержит двоих» на самом деле?

*Издавна говорится: язык мой — враг мой!
Но врага-то следовало бы возлюбить...*

Шесть лет личного правления В. В. Путина в России на исходе. Что можно в связи с этим сказать о нем как о личности или что можно сказать о его подлинном нутре? Впрочем, кто-то, возможно, возразит, что вопрос сей вовсе и не актуален, так как должность президента страны своей тяжестью или степенью ответственности крайне минимизирует роль любой личности, ее занимающей, а значит, разговор сей пуст. Может быть, где-либо вне России оно и так, но только не в нашем Отечестве, где... Но начнем по порядку. Мы по большей части еще помним начало сей новейшей истории и ее самое характерное: «Кто есть мистер Путин»? Также помним не менее характерное, но уже строго личное или, как говорится, от души сказанное: «будем “мочить” в сортире». И ведь таки стали «мочить» и «мочим» упорно по сию пору, и конца этому пока что не видно. С другой стороны, кто-то возразит, что это всего лишь решительность нашего уважаемого президента. Но разве уподобление жестокости противника является свидетельством мужественности? И потом, мы ведь еще помним, как Путин фактически прятался в Сочи, когда моряки «Курска», оставшиеся в живых после подрыва подводного корабля, ждали его решительных распоряжений. Да, он мог не успеть, но он был просто обязан стремительно действовать. А трехдневное молчание этого же «решительного» человека во время событий в Беслане разве не есть красноречивое свидетельство его подлинной способности к решительным действиям? Затем в части «задушевных» высказываний известного лица было длительное затишье, завершившееся ярким и незабываемым (и, видимо, от всего сердца сказанным): «получат от мертвого осла уши». Казалось бы, чего особенного? Но важно другое, важно понять присущее говорящему сие идейное содержание или определить его доминирующее свойство. Что это может быть? Кто-то на это, может быть, скажет, что Путин — всего лишь рачительный хозяин. Да, но проявленное абсолютное недопущение какого-либо диалога с противостоящей стороной разве есть характеристика рачительности? Ну и, наконец, ныне уже широко известное в контексте недавней «газовой войны» с Украиной высказывание президента: «Боливар не выдержит двоих». Казалось бы, простая оговорка, и что тут вообще всерьез можно понять в принципе? Но ведь что интересно: вновь у нас то же — никакого понимания чьих-либо нужд, кроме собственных. Вероятно, дух известного литературного персонажа О. Генри Акулы Додсона все-таки сродни духу нашего президента. Впрочем, кто-то возразит автору, что Путин просто хороший спортивный боец. Но ведь хороший боец все-таки уважает своего противника, тогда как грабитель и подлый убийца — нигде и никогда. Хорошо, примем предшествующее замечание к сведению как основательное и зайдем с другой стороны. Главное детище президента Путина — пресловутая «вертикаль власти» и незабываемое ее же попутное дитя «Единая Россия», выросшее до весьма и весьма агрессивного марионеточного двухпалатного парламента и не менее напористых или даже

бесноватых «Наших». Кроме того, вспомним еще идеи повышения эффективности государственного механизма, а также достижения конкурентоспособности всей страны и, конечно же, в мировом масштабе. При этом не забудем еще «размягченную» до абсолютно неприличного состояния равным счетом всю оппозицию ныне действующей власти и «зачистку» всех без исключения влиятельных СМИ, доведенную при этом до абсолютно тотального и болезненного самоконтроля.

Теперь упомянем совершенно гениальный увод из тяжело живущей страны «лишних» денег в Стабилизационный фонд России, ибо все равно «разворуют», либо спрос со стороны граждан явно превысит наличное товарное покрытие. Видимо, по этой же причине количество отечественных мультимиллиардеров в годы правления Путина увеличилось где-то в четыре-пять раз. Ну и, как говорится, «на десерт» можно назвать введение контроля за всеми общественными организациями, при этом «застенчиво» прикрытое созданием абсолютно лояльной лично президенту России В. В. Путину так называемой Общественной палаты. А в качестве своего рода виньетки ко всему вышеперечисленному вполне к месту будет привести подчеркнутое по итогам 2005 года удовлетворение президента России в связи с успешным испытанием уникального боевого ракетносителя «Булава». Любопытно только: а каков гипотетический или возможный адресат у сего самого разрушительного на сегодняшний день в мире оружия? Неужели Усама бен Ладен сотоварищи? Или, быть может, неугомонные чеченские террористы? Все указанное выше очень легко, как ни странно, и укладывается в формулу: «Боливар не выдержит двоих». Причем, обратите внимание, в оригинальном (исходном) тексте было сказано «не снесет». Другими словами, смысловое усиление, примененное Путиным, вполне очевидно и делает его собственное лицо еще более мрачным, чем даже у известного литературного негодяя. Но почему это вдруг укладывается? Да потому, что ну «не выдержит», и все тут. Мы ведь помним, что сформулированный тезис у известного зарубежного литературного убийцы и грабителя не есть тезис ситуативный, а есть тезис принципиальный или тезис абсолютно несменяемый в зависимости от складывающихся условий и обстоятельств жизни. Другими словами, он используется этим человеком постоянно, повсеместно и в отношении всех без исключения. Да, Россия всей своей историей и очевидным совокупным потенциалом предназначена быть заметно выше обыденных или обывательских интересов. Иначе говоря, она возможна лишь в имперских рамках. А каково возможное существо самого сего «имперства»? Ежели это банальное стремление к мировому господству ради него же самого, то, как говорится, Господь вряд ли сие попустит, а значит, Россию будут-таки «резонить» и «Булава» вряд ли окажется панацеей. И вообще, а нужно ли ей это? Впрочем, кто-то, вероятно, возразит: полноте, господин критик, с чего это вы такое стремление взяли? А что, может быть, и в самом деле напраслину возводим? Но тогда почему дух ныне медленно ползущей или мало заметной для обывателя деспотии прагматизма заполняет Россию? Или это лишь блажь автора сего краткого писания либо лишь наветы западной пропаганды? Хорошо, допустим наличие некоторого преувеличения опасности. Но в свою очередь отметим такую характерную особенность правления В. В. Путина как стремительную «обывательизацию» всей страны». Что имеется здесь в виду? А, например, то, что по опросам социологов жители нашей страны в 2005 году более всего (с большим отрывом от всего иного, в том числе и от самого насущного) интересовались ценами на бензин и новостями из жизни звезд шоу-бизнеса, в частности причиной развода Пугачевой и Киркорова. Подобная тенденция при ее внешней безобидности не может не удручать и не настораживать, ведь такое состояние общественного сознания и может как раз, вероятно, способствовать нарастающей деспотии выгоды. Кроме того, говоря о вхождении во власть нашего нынешнего президента, вспоминаешь его публичную беседу с редакторами ведущих отечественных издательств и телерадиоканалов от 13 января 2001 года. В ней он высказал мысль о том, что «свобода слова» является лишь инструментом для решения социально-политических задач, и ни более того. Как мы понимаем, лицо с подобным взглядом на основополагающую или базовую ценность человеческой жизни является

заложником диктата наживы или идеи абсолютного приоритета выгоды над всем остальным. Другими словами, В. В. Путин, видимо, не понимает, что «свобода слова» является делом самоценным, а значит, полезным во всех обстоятельствах. В дополнение к сказанному выше, вероятно, следует добавить еще следующее. Как-то, ориентировочно в 2003 году, наш президент в качестве национальных приоритетов публично и с весьма заметным энтузиазмом провозгласил СВОБОДУ и ПАТРИОТИЗМ. Подумаем над тем, что же может получиться из подобного соединения смыслов. Если слово «свобода» предполагает собой отсутствие для желаемого действия каких-либо ограничений, то уже слово «патриотизм» своим смыслом «отдает» приоритет всегда и во всем «своему». Суммируя выделенные выше смыслы, мы вполне можем увидеть, что «свобода» и «патриотизм» объективно образуют совокупно «безбрежный корпоративный произвол». При этом слово «безбрежный» несет в себе самом два смысловых оттенка, а именно: с одной стороны, наличие бескрайнего простора, с другой — отсутствие «берега» или ясной цели. Другими словами, в результате произведенного смыслового разбора предложенного стране лозунга мы имеем, в конце концов, абсолютизацию «корпоративного произвола» ради него же самого. Грустно. Казалось бы, провозгласи вместо «свободы» и «патриотизма» нечто другое, например: ОТКРЫТОСТЬ, САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ и ОТВЕТСТВЕННОСТЬ и живи себе и на радость миру, но нет.

Завершая настоящую заметку, вероятно, все-таки следует согласиться с тем грустным фактом, что нами по нашей же воле, к сожалению, сегодня правят жестокие, алчные, а главное — лукавые (читай нечестные), а значит, и вполне опасные для нас же люди, лозунг которых «Боливар не выдержит двоих» и есть исчерпывающее свидетельство присущего им всем **деспотического духа**, грядущие мрачные плоды которого еще могут потрясти весь мир.

3 февраля 2006 года
Санкт-Петербург

Журналистика: общественная мука или полезная наука?

Контекстное восприятие смысла слова неизбежно образует привычку к «двойному стандарту» в поведении...

Начало 2006 года. Нескучно. Спасибо датским и им сочувствующим европейским журналистам, увлеченно борющимся за свободу собственного печатного слова. Вопрос: следует ли всем жителям планеты ждать большой беды из сего внешне невинного процесса? Ответ: вполне. Почему? А, как говорится, «за “базар” надо и ответ держать». Казалось бы, эка невидаль — поместили на страницах газет насмешку над чувствами мусульман, зато честно: ну не любим мы вас, братцы, а веру вашу и вовсе дурью понимаем. Красота! Поделились вполне сокровенным. А заодно, походя, дали характеристику и всему христианскому мировому сообществу. Впрочем, кто-то, возможно, спросит автора настоящего текста: а при чем здесь, собственно, журналистика как таковая, ведь негоже важную, но все равно частную ситуацию делать всеобщей? Да, конечно же, негоже. С другой стороны, разговор с чего-то все-таки надо начинать. Сегодня в мировой журналистике доминируют два ее подвида: журналистика факта и журналистика мнения. Казалось бы, ясность полная и все должны были бы примириться в отношении самого принципа рассматриваемой профессии. Но мы ведь знаем и другое, например, каждому факту всегда противостоит другой факт. Скажем, кто-то убил, но ведь кто-то и пожертвовал собой во спасение ближнего. Или кто-то внезапно умер, но ведь кто-то и чудесно ожил. Другими словами, сами по себе факты жизни ни о чем еще не говорят и ничему такому существенному еще не учат. Более того, ими вполне можно соблазнять и

подталкивать многих малообразованных к чему-либо неразумному, скажем, к нигилизму или, напротив — к всерьез необоснованному оптимизму. Другое дело полная история возникновения конкретного факта или его ясная причина. Вот где наука многим! Но кто-то вновь скажет: вот и излагайте об этом свое мнение и не умничайте более. Стоп. Мнение, как многим известно, отличается произвольностью или безответственностью его носителя. Другими словами, от мнения не требуется исчерпывающих доказательств или оно никак не содержит в себе самом риска строгой ответственности за возможные последствия от его распространения. Иначе говоря, мнение не менее факта может быть опасным. Вот отсюда и возникает самая острая необходимость в профессиональной ответственности любого журналиста, а значит, сообщения о происходящих событиях либо публикации соответствующих оценок не имеют права быть безответственными. Впрочем, кто-то, возможно, заметит: помилуйте, но реально ли сие на практике, ведь, как известно, любой человек так или иначе пристрастен, а значит, имеет предпочтения и соответственно терпит через это ущерб в способности быть объективным. Да, с последним утверждением трудно спорить, но не спорить совсем уж больно постыдно будет. Почему? Да потому, что допуск заведомого вкусового крена в журналистике есть очевидный признак дурного. Но что, собственно, возможно предложить взамен? Например, принципы своего рода смысловедения. Что же сие означает? А это, прежде всего то, что любая добровольная человеческая речь абсолютно тождественна самой себе. Другими словами, всякий говорящий (пишущий) и даже печатающий имеет в себе самом абсолютно неустранимую личную смысловую особенность или смысловой почерк. Во-вторых, сами выбираемые для употребления слова и выражения содержат в самих себе присущий им характерный смысл. Последний как раз и образует основу смысловедения, так как любое слово живо лишь тем, что оно обладает не просто смыслом, но оно обладает принципиально не сменяемым смыслом. Нет, конечно же, никто не запрещает жаргонную речь, но последняя сама по себе ни на чем другом как на вышеупомянутых несменяемых смыслах и не держится, а значит, имеет лишь видимость независимости или хотя бы автономности. В-третьих, как говорили древние греки, «язык есть образ поступка», а значит, прошлые, текущие и даже будущие действия человека есть лишь следствия качества или наличного смыслового свойства его дум и речей. Поэтому тщательный смысло-логический анализ речей человека и есть ключ к его же сути, а также есть известный ответ на вопрос о смысловом русле его прошлых, текущих и будущих дел. Но кто-то по примеру героя Ф. М. Достоевского из повести «Записки из подполья», вероятно, возразит, что все равно сосчитать душу человеческую невозможно будет хотя бы из того принципа, что она, то есть душа, все равно так или иначе рано или поздно возжесает вместо дважды два четыре, например, пять. Что ж, спорить не будем. Только заметим на это то, что и смысловой след от названного выше желания все равно произойдет и более того: окажется доступным для обозрения и понимания. Другое дело, если «понималка» окажется слабой. Но для того и затеян сей разговор, чтобы взрастить ее. И здесь уже скучно точно никому не будет, так как объять все смыслы, оттенки и соответствующие переходы разом никакой жизни не хватит. Причем заметное сопряжение не с расхожими или «замутненными» смыслами, а сопряжение с подлинными смыслами самой жизни принесет такое удовлетворение, с которым любое иное вряд ли и вообще когда-либо соперничать сможет. Кроме того, только степень личной и, подчеркнем, не ревизируемой по рассуждению причастности ко всему происходящему и сможет стать отрадой для настоящего человека, тогда как иное — удел еще не вызревших людей или людей не самостоятельных, не сложившихся. В качестве примера названного смыслового анализа рассмотрим ряд известных и близких по своему смыслу понятий: покорный, смиренный, кроткий, нищий духом. В первом мы видим наличие лишь внешнего подчинения, во втором — дополнительно еще и внутреннее; тогда как в третьем — уже имеется известное упоение сразу как от внешнего, так и от внутреннего подчинения; в последнем случае налицо своего рода растворение своего «я» в окружающем мире или явное отсутствие собственного предпочтения, снимающее какие-либо трения с кем или чем-либо. В качестве

комментария к перечисленному выше возможно предложить следующее. Слово «ислам» в русском переводе буквально означает покорность, которая вовсе не исключает убийства иноверцев в случае необходимости защиты чести своей веры, тогда как христианское смирение уже предполагает лишь жертву самого себя во имя соответствующей веры. Последнее свойство в своем развитии вполне переходит уже в кротость как в упоение собственным жертвованием. И наконец, нищий духом и вовсе не жертвует, так как и не имеет, собственно, чем. Как мы видим, вдумчивое и бережное отношение к смыслам употребляемых слов вполне сможет сообщить всякому внимающему как подлинный смысл речей, так и подлинный смысл намерений их авторов одновременно. Другими словами, на самом деле невозможно добровольно вещать от имени не своей натуры и даже в случае ролевого поведения, а значит, нравственные свойства известной натуры непременно будут проглядывать через изрекаемые ею же смыслы. Поэтому нравственный долг и профессиональное кредо подлинного журналиста состоит лишь в неприменном желании «прочитать» объективное содержание речей героев его статей (репортажей) и поделиться последним со своими читателями.

Завершая сие краткое повествование, его автор полагает, что вполне достиг цели обозначения основных проблем современной журналистики и рассчитывает также, что всяк внимающий сему по своему доброму желанию вполне сможет извлечь для себя ценный урок на будущее и сумеет применить предлагаемое ему на деле, общественной пользы для.

11 февраля 2006 года
Санкт-Петербург

Псевдокультура современной России как результат заражения ее псевдосмыслами человеческой жизни

*У России, как и у женщины, два главных пути:
героическое материнство либо приятное свинство.*

Любопытно: откуда или из чего, собственно, такое мнение истекает? — вероятно, спросит автора некий квазипатриот из числа сторонников, например, «Единой России». А вот откуда. Ныне в России — стране — кладовой мирового сырья, третьесортных в мировом масштабе государственных миллиардеров и обманутого в целом населения можно наблюдать заметное движение в сторону художественного выражения ценностей и смыслов текущей национальной жизни. Для примера достаточно обратить внимание на стремительный расцвет индустрии телевизионных российских сериалов. Среди самых заметных можно назвать экранизацию романов М. Булгакова («Мастер и Маргарита») и А. Солженицына («В круге первом»). Казалось бы, очевидный творческий и зрительский успех. Но что-то смущает. Вероятно, что смущает невольное сравнение, скажем, с сериалом по роману М. Горького «Жизнь Клима Самгина», который оказался на экране практически параллельно с названными выше фильмами (во всяком случае, со вторым). Последнее произведение явилось своего рода ярким образчиком телевизионного кино, производившегося в годы советской власти. Названное выше невольное сравнение показывает, что в целом технически более совершенное современное кино удручает, прежде всего, выбором малосодержательных литературных сценариев. Вернее сказать, отбираемые для фильмов сюжеты упорно отличаются невысокой смысловой нагрузкой. Зато они же напористо преподносятся публике с большой претензией (иногда даже помпой) на глубокомыслие. Но почему это, собственно, так? Да потому, что, например, крайне уродливая карикатура М. Булгакова на человека периода советской власти, одобренная псевдобогословскими рассуждениями о высшем смысле человеческой жизни, и есть искомое свидетельство. Впрочем, кто-то заметит, что уже герои названного выше

славного романа А. Солженицына, напротив, выглядят вполне убедительно. Но что, собственно, они такое вершат? Не соглашаются утратить свою честь и самоуважение? Вот уж подвиг, так подвиг, причем заметьте, они еще вдобавок понимают себя своего рода национальной элитой. Что ж, для современных российских нравов подобное поведение, конечно, весьма значительно, тогда как, например, для героев романа М. Горького защита собственной, скажем, офицерской чести, как говорится, штатная ситуация, которая не вызывает ничего особенного и не представляется особым нравственным подвигом. Другими словами, душевная скудость героев практически всех российских сериалов преподносится ныне как некий культурный эталон. Теперь об отношении этих самых героев друг к другу. Деление людей на своих и чужих, использование друг друга, как говорится, по нужде «насущной» вот, пожалуй, и все что зрителю и предлагается в качестве образца для подражания. Иначе говоря, отсутствие подлинных ценностей и смыслов в жизни современной России вполне замещается псевдорелигиозностью, мистикой и всеми видами откровенной погони за выгодой. Последнее дополнительно подкрепляется еще нескончаемой примитивной борьбой с терроризмом, экстремизмом, национализмом и даже фашизмом. Но почему же вместо подлинного интереса россиян друг к другу мы имеем то, что имеем? А это так, вероятно, потому, что власти России в свое время взяли курс на расчеловечивание русского человека или на превращение его в рутинного потребителя материальных благ и примитивных зрелищ.

Завершая сию в целом скорбную заметку, автор все-таки твердо рассчитывает, что период заражения нашего Отечества псевдосмыслами человеческой жизни не будет продолжительным, а значит, образы подлинно человеческого поведения еще составят ткань российской культурной жизни, впрочем, для этого придется приложить немало сил и, главное, придется проявить непреклонность самой народной воли.

7 марта 2006 года
Санкт-Петербург

Почему борьба за нравственность (с безнравственностью) обречена на аморальные плоды или на неудачу?

Всякое самоотвержение есть поступок доброй нравственности, доблести. Христианская вера заключает в себе правила самой высокой нравственности. Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьей совесть и Бога.

В. И. Даль

В чем, собственно, печаль автора настоящего очерка? А она в том, что новое благое начинание наших дней — утверждение во всем нравственного принципа или утверждение нравственного пути (идеологии нравственности) — вполне может исподволь превратиться в свою противоположность. Почему? Созданный 5 октября 2005 года в Санкт-Петербурге Институт нравственности, вошедший в состав государственного научного учреждения «Институт образования взрослых российской академии образования» провозгласил повсеместное внедрение нравственного порядка. Казалось, чего бы тревожиться? А вот чего. По определению разработчиков названного выше подхода к организации нашей жизни, нравственность — это правила мышления и поведения, позволяющие не наносить ущерба себе, окружающим, среде обитания. Вместе с тем наши предки в лице В. И. Даля отметили по этому случаю в числе прочего уже нечто иное: нравственный — относящийся к одной половине духовного быта, противоположный умственному, но составляющий общее с ним

начало: к умственному относятся истина и ложь; к нравственному — добро и зло. Иначе говоря, наши предшественники видели в нравственности, с одной стороны, искание правды, с другой — стяжание добра. Инициатива же Института нравственности сводит смысл последней, строго говоря, лишь к неделанию зла. При этом разработчики новой реальности провозглашают введение Совета нравственного суда, а также Комитета милиции нравственности. Но неделание зла никак не означает автоматически творение добра! И более того, не приносящий добра начинает неявно, даже помимо своего желания, продуцировать и поддерживать зло. Почему? Да потому, что таково свойство жизни. Другими словами, либо созидает, либо потворствуешь разрушению, распаду и разложению. Иначе говоря, смысл подлинной нравственности или смысл искомой нравственности не состоит в неделании зла. Или ее смысл в другом — **в поиске и в утверждении законов правды, в принесении добра.** В противном случае мы все будем иметь лишь видимость торжества праведности, которая неизбежно начнет плодить непреодолимые мирно противоречия в общественном бытии, а значит, неизбежно так или иначе рано или поздно возникнет практика так называемого нравственного произвола (якобы праведного насилия). Поэтому без уточнения или строгой коррекции определения понятия нравственности заявленное начинание в случае своего воплощения в жизни неизбежно приведет к самообольщению его авторов и в конце концов к очевидным всем аморальным плодам.

17 марта 2006 года
Санкт-Петербург

Уроки смысловедения

Почему моральный суд уместнее нравственного суда?

Мораль — это нравоученье, нравственное учение,
правила для воли, совести человека.

В. И. Даль

Рассмотрим вначале смысловое наполнение словосочетания «нравственный суд». Если нравственность как понятие есть некоторое смысловое обобщение и даже некоторое аналогичное же расширение понятия нрава, то она (нравственность) соответственно может быть как приемлемой (доброй), так и неприемлемой (злой). Поэтому-то и не бывает, собственно говоря, безнравственности как таковой. Тогда как стихийное (неумелое) обозначение, например, злого нрава как проявление неприемлемой нравственности обычно и сводят к безнравственности (к безнравственному поведению). Суммируя со смысловой точки зрения все найденное выше, мы и получаем, что «нравственный суд» — это всего лишь суд, вершимый с позиции наличного нрава (нравственности). Другими словами, «нравственный суд» может быть, как говорится, по правде, а может быть, если хотите, по вкусовому предпочтению. Или «нравственный суд» полностью зависит от качеств наличного у судьи (судей) нрава. С другой стороны, понятие «морального суда» уже строго зависит от выработанного с позиции житейского (религиозного) опыта и науки облика, одобряемого всем обществом поведения человека. Поэтому-то действие подлинно «морального суда» очевидно точнее или менее пристрастно, чем действие просто «нравственного суда», которое может быть как приемлемым, так и не очень. Иными словами, слово «мораль» своим смыслом очевидно предполагает правду и добро, тогда как слово нравственность само по себе не имеет подобного смысла. Видимо, по названной выше причине во времена В. И. Даля слово нравственность как таковое и не употреблялось вовсе.

Уроки смысловедения

Несвойственные слову *нация* изначально значения и смыслы как способ маскировки подлинной природы межэтнических противоречий

Мы не умирать должны за Родину, мы будем убивать за нее!
Из выступления представителя «Единой России»
в телевизионной программе Владимира Соловьева

Один очень умный и авторитетный человек (Сергей Аверинцев) как-то сказал, что нет ничего более неудобного, чем публичное обсуждение «национального вопроса», и далее продолжил, что не скажешь по этому поводу — все, в конце концов, выходит глупо. Вместе с тем автор настоящего очерка все же рискнет опубликовать собственное представление по названному поводу, в частности, на примере последних российских событий

Начало 2006 года в стране аморального демократизма, искусственно возвышенной пошлости и «полуфабриката» подлинной человеческой жизни получилось весьма и весьма омраченным, в частности, более чем заметным увеличением количества разбойных нападений на иностранных граждан, и прежде всего, на выходцев из стран с отчетливо выражено иной (неславянской) этнической принадлежностью. Причем сами нападения вполне очевидно имеют характер этнической нетерпимости. Что-то весьма печальное происходит в сознании наших сограждан, несмотря на бесчисленные радиотелевизионные рассказы о выгоде мира и дружбы между народами, с одной стороны, и на призывы отечественной гламурной (витринной) общественности уже к самой власти о примерном наказании виновных — с другой. Но чтобы понять само существо ныне происходящего, сначала неплохо было бы понять, как говорится, идейную основу подобной нетерпимости к чужому, или ксенофобии. И здесь, как ни странно, придется, прежде всего, взять в руки толковые словари. Почему? Да потому, что другие источники смысла исследуемого явления попросту и не существуют. А ежели они все-таки и существуют, то лишь как производные от вышеназванных. Но прежде вспомним, что нам, собственно, известно о словах «нация» и «национализм». Под первым словом в качестве пояснения каждый из нас, вероятно, скорее всего, назовет... ну, хотя бы народ. Тогда как под вторым — уже превозношение или восхваление своего народа. А, скажем, под национальной гордостью уже посчитает заметное убеждение о вообще превосходных качествах собственного народа. Но тогда получается, что вместо ясного и родного русскому слуху слова «народ» мы зачем-то стали употреблять иностранное слово «нация». Вопрос: зачем сие вдруг? А, видимо, затем, что производного от слова «народ» слова с уже отрицательным эмоциональным оттенком в русском языке и не имеется вовсе. Вот оказывается зачем! Другими словами, в исконно русской (неразбавленной иностранными словами) речи, отродясь, не было отрицательного понимания слова «народ». Даже слова «народный» или «народность» никак не содержат и намек на нечто позорное или неудобное. Не правда ли, любопытна причина сего факта? Вероятно, наши предки никак не видели в понятии «народ» какой-либо возможности, скажем, нравственной порчи. Или, говоря иначе, отдельные представители народа могли быть подлецами, тогда как весь народ — никогда. Получилось очень и очень неожиданно. Или откуда это вдруг, а главное, зачем потребовалось ввести в отношении понятия народ некий отрицательный смысловой оттенок? Для ответа и посмотрим в словари. В частности,

в

словаре

В. И. Даля слово «народ» означает: люд, народившийся в известном пространстве; люди

вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением; чернь, простолюдые, низшие, податные сословия; множество людей, толпа. Там же слово «нация» означает: народ, в обширном значении, язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия. С другой стороны, в Энциклопедическом словаре Ф. Павленкова последнее исследуемое слово уже означает: совокупность индивидов, связанных сознанием своего единства, главными факторами которого являются: общность происхождения, общность языка, религии, быта, нравов и обычаев и, наконец, исторического прошлого. Другими словами, в слове «нация» вдруг обнаруживаются, во-первых, понятие индивида; во-вторых, понятие религии; в-третьих, совокупность понятий быта, нрава и обычаев; в-четвертых, указывается понятие общего исторического прошлого. Кроме того, как мы видим, в последнем случае вдруг почему-то исчезает понятие сословия. Зато, образно говоря, на авансцену выдвигается индивид, который, как мы помним, может быть и подлецом. Вот, оказывается, откуда в нашу речь и начинает проникать выделенное слово и стоящее за ним понятие. С другой стороны, в словаре Ф. Павленкова уже слово «этнический» означает всего лишь племенной, народный. В результате у нас получается, что с развитием индивидуализации в людском сообществе роль и значение народной единицы (индивида), с одной стороны, резко возрастает, с другой — возрастает симметрично и ее же ответственность. Вот почему и происходит широкое ныне замещение слова «народ» словом «нация». Вероятно, поэтому-то отдельные руководители отдельных народов и могут сообщать всей нации порой самые неприглядные или даже отвратительные черты. Теперь, когда Россия благодаря подлой или бесчестной активности своих некоторых руководящих индивидов, как вполне падшая женщина, активно торгует своим «телом» (недрами и ресурсами), кичась еще при этом своим вхождением в сообщество индустриально развитых стран, ее народ в целом влечет очевидно жалкое существование. При этом тот же самый народ опять же в целом лишен какого-либо ясного и полного понимания причин подобного положения собственных дел и вынужденно, а также очевидно неумело переживает своего рода национальную депрессию. Какой же выход из последней наиболее доступен нашему народу? Правильно: бей чужих, чтобы свои боялись! Да, наши люди подсознательно ощущают обман себя со стороны наших же российских верхов, но обыденно (глазами) видят зло лишь в многочисленных пришлых представителях иноязычных племен. Другими словами, они, бедолаги, уже и не знают, как бороться со своим отчаянным положением и попросту инстинктивно пытаются сохраняться как племенной (славянский) вид на собственной же земле (территории), уже стихийно догадываясь, что пришлые иноплеменники (мигранты), при сложившихся обстоятельствах так называемого цивилизованного рынка и при очевидном космополитическом предательстве себя собственной властью, так или иначе, рано или поздно попросту выживут их с лица русской земли.

Завершая настоящий очерк, вероятно, следует твердо уяснить и усвоить, что употребление российской властью слов нация, национализм вместо слов народ и народный имеет тот очевидный смысл, что таким образом она (власть) пытается освободить саму себя от какой-либо ответственности за принесенное ею же собственному народу зло, ловко перекладывая свою вину за него на стихийный и дикий протест отдельных представителей славянского племени против уже уготованной ему ничтожной участи, подло «упаковывая» его (протест) в смыслы национализма.

2 апреля 2006 года
Санкт-Петербург

Может ли беспристрастный суд быть действительно справедливым?

(соображение по поводу суда присяжных, и не только)

Вот уж вопрос, так вопрос! — вероятно, воскликнет некто, прочитав заголовок настоящего очерка, и, возможно, продолжит далее, что сие (беспристрастность суда) и есть желаемое любого вменяемого судопроизводства. Другое дело, что получить ее ой как трудно бывает. В свою очередь автор данного текста не считает сформулированное выше утверждение неоспоримым и даже готов доказать иное. Причем, по его мнению, даже суд присяжных принципиально никак не свободен от вынесения ошибочного решения и даже в случае собственной беспристрастности. И это, прежде всего, так потому, что последний своей организацией (своей идеологией) как раз и образует известное стремление к беспристрастности. Но разве свойство беспристрастности в судебском деле может быть помехой? Да, вполне может, ведь полноценный судья обязан стремиться только к правде, а значит, он не может быть понят как бесстрастный участник конкретного судебного разбирательства, который, например, одинаково ценит как правду, так и неправду. Другими словами, подлинный судья обязан быть пристрастен, пристрастен к обретению правды. Это так, с одной стороны, с другой же — он обязан требовать от следствия исчерпывающих и строго оформленных доказательств участия подсудимого лица в совершении конкретного преступления. Иначе говоря, только моральный судья может судить справедливо. Но кто-то, вероятно, возразит, что суд присяжных как раз и образует моральность судебного решения, так как освобождает от доминирования в нем частной (однобокой) точки зрения, а значит, является наиболее объективным. Да, конечно, для удержания судебного решения от подчинения его, скажем, индивидуальной одержимости суд присяжных вполне пригоден. Но, с другой стороны, собрать значительное число моральных людей явно сложнее, чем найти (выбрать), например, одного. И потом, голосование не очень моральных людей вряд ли заменит решение одного морального судьи, который своими значительными моральными свойствами как раз и будет защищен от совершения рокового промаха. Кроме того, всякая коллективная ответственность всегда позволяет уклониться от несения полноты личного напряжения в момент принятия конкретного решения. Другими словами, в таком случае всегда имеется возможность «спрятаться» за чьей-либо спиной. И потом, давно известно, что истину не голосуют, а значит, в суде должна одерживаться вовсе не победа обвинения или защиты, в суде должна строго устанавливаться истина по конкретному делу. Поэтому как суд присяжных, так и вообще беспристрастный суд никак не являются гарантией верного (правильного) судебного решения, а значит, лишь подлинно моральный суд может составить нами искомое.

Завершая настоящее краткое исследование, его автор полагает важным подчеркнуть следующее: только полностью пристрастный к поиску правды суд является судом справедливым, и только такой суд сможет составить общественное благо.

3 апреля 2006 года
Санкт-Петербург

Адвокатура и принцип состязательности сторон как основа допущения возможности несправедливого судебного преследования

Да и вправду сказать: ежели возможности несправедливого судебного преследования не имеется вовсе, то и адвокат тогда не нужен; а если адвокат не нужен, то и принцип состязательности сторон вполне отпадает, как говорится, сам собою. Но как же такое вообще возможно? Да, в уже устоявшейся или привычной «системе координат» с гарантией последнее никак невозможно. Может быть, не стоит тогда и «шевелить» устоявшееся? Но спросим себя: а зачем в суде нужна защита подсудимого на основе

принципа состязательности сторон? И потом, а разве судья должен руководствоваться собственными переживаниями от восприятия спора участников судебного процесса? Ведь в таком случае в зависимости от ловкости или убедительности сторон можно, с одной стороны, оправдать преступника, с другой — осудить непричастного к преступлению. А как же возможно иначе? Представляется справедливым лишь заслушивание, скажем, представителя следствия, а также представителя надзирающего за ним специального, независимого от следствия органа. Если первый участник суда исчерпывающе доказывает факт участия подсудимого в совершении рассматриваемого преступления, то уже второй — лишь констатирует либо не констатирует соблюдение первым законности всех без исключения совершенных им следственных действий. В таком случае судья либо констатирует факт участия подсудимого в совершении конкретного преступления, либо нет. В первом варианте он назначает подсудимому положенное ему по закону наказание, тогда как во втором — освобождает последнего из-под стражи прямо в зале суда. Другими словами, либо преступник, либо нет. Впрочем, о вине. Последняя сама по себе с сущностной точки зрения есть лишь осознанный грех. С другой стороны, подсудимые (даже в качестве уже осужденных) часто не признают за собой вменяемого им греха, а значит, и правомерности суда над собой. Так стоит ли все о ней (вине) и толковать-то? Не проще ли и не лучше ли вести речь лишь о доказанности либо недоказанности (по крайней мере, в русле установленной законом процедуры следствия) факта участия подсудимого в совершении конкретного преступления? Ведь в таком случае как для злоупотребления следственными полномочиями, так и для поверхностного ведения следствия не остается и вовсе места. Почему? Да потому, что по результату судебного заседания, в конце концов, в случае установления факта недоказанности участия подсудимого в инкриминируемом ему преступлении выяснится либо первое, либо второе. Последнее и будет убедительным поводом к отстранению расследователя от следственной работы.

Завершая настоящий очерк, его автор твердо полагает, что его позиция в отношении адвокатуры и принципа состязательности сторон в практике судебных заседаний вполне уместна, а значит, как первая, так и второй должны быть изъяты из судопроизводства путем их полной замены заслушиванием и оценкой хода и результата расследования рассматриваемого преступления, логично завершающихся либо осуждением подсудимого, либо его освобождением в зале суда.

4 апреля 2006 года
Санкт-Петербург

Почему требование демократии есть требование несправедливое?

Странное предположение! — вероятно, воскликнет некто и продолжит, что сама по себе демократия есть очевидное благо, а значит, противное сему есть очевидное зло. Что ж, с одной стороны, оно, конечно, так, а с другой? С другой — подобный напор напоминает что угодно, но только не добро. Почему? Да потому, что, например, требование добра уже есть, мягко говоря, не совсем добро. Другими словами, требование демократии есть требование наследуемого верховенства преобладающего нрава. Но разве такое требование само по себе есть благо? Тем более что нрав-то бывает и злой. И более того, нрав бывает даже богопротивный. В таком случае требование, скажем, всемирной демократии, которым увлечены все западные демократии, а также их ярые поклонники по всему миру, является, как ни крути, подозрительным! И даже более того, разве честно будет принуждать общинника стать индивидуалистом во благо торжества демократии? Да, ради торжества самовлюбленного индивида демократия вполне подходит, но она же делает его, в конце концов, орудием самоистребления. В таком случае выходит, что демократия уже и не благо вовсе. Впрочем, не будем торопиться. Попробуем поискать достойную отповедь западным претензиям на учительство. Например, почему бы не

провозгласить принцип **моральной** демократии или принцип наследуемого верховенства преобладающего **морального** нрава. Причем, обратите внимание, что уже для моральной демократии необходимость ее же требования отпадает сама собой. Другими словами, моральная демократия никогда не станет себя навязывать кому бы то ни было в отличие от демократии тотально свободного индивида. Как раз последняя и будет, как говорится, кровно заинтересована в успехе собственной экспансии во всех направлениях, ведь без последней сама тотальность свободы упомянутого выше индивида и будет терпеть очевидный ущерб.

Завершая настоящий очерк, его автор полагает необходимым еще раз отметить следующее: требование демократии есть требование очевидно несправедливое.

6 апреля 2006 года
Санкт-Петербург

Почему борьба «партии власти» с иллюзией русского фашизма образует подлинный фашизм самой власти?

*Не зря говорится: не буди лихо, пока оно тихо;
а ежели все-таки что-либо кажется, то креститься надо...*

Глядя на деяния «партии власти» образца 2006 года так и подмывает воскликнуть: чудны дела твои, Господи! Ведь еще и года не прошло с момента празднования 60-летия Победы СССР (России) над фашизмом (гитлеровской Германией), как российская власть в лице «Единой России» и, прежде всего, ее младшего подотряда — «Наших» построилась для борьбы с фашизмом уже внутри самой России. Да, рост ксенофобии или этнической нетерпимости в России эпохи президентства В. В. Путина вполне налицо, но причем здесь, собственно говоря, фашизм как таковой? Из фактов истории нам известно, что на родине фашизма — Италии в период правления Б. Муссолини и возникло само рассматриваемое в настоящем очерке явление. Оно характеризовалось с сущностной точки зрения, прежде всего, внешним принудительным объединением конкретного общества (нации) во имя решения якобы спасительных задач нравственной переделки самого человека (в конце концов, и всего человечества) либо защиты его же от «тлетворного» влияния либерально-демократических (коммунистических) идей. Таким образом, сам по себе подлинный исторический фашизм не так прост и примитивен, как его последующие многочисленные поверхностные подражатели типа скинхедов и прочих любителей, скажем, нацистской свастики (символики). Более того, непосредственно его возникновение и формирование было связано исключительно с самой активной и самой влиятельной частью конкретной нации (народа). Но тогда о чем, собственно, идет речь в нашем случае? Да, убийство в Санкт-Петербурге африканского студента из Сенегала с помощью помпового ружья с изображенной на нем свастикой есть преступление не бытовое. Другими словами, вполне очевиден специально выделенный след преступления как след из разряда разжигающих расовую нетерпимость. Но при чем здесь фашизм как таковой? Или почему нужно срочно проводить массовые антифашистские митинги? Неужели последних должны испугаться скинхеды и быстренько самораспуститься? Ежели это не так, то к чему подобные акции? Небольшое умственное усилие вполне способно сообщить наблюдателю сего то, что громкие стенания о так называемом фашизме должны, с одной стороны, отвлечь внимание российского обывателя от подлинных проблем его текущей жизни, рожденных уже самой российской властью, с другой — мобилизовать его в пользу той же самой власти. Но в таком случае сей маневр власти сам по себе никак не ведет к фашизму, а значит, зря паникуем, что ли? Другими словами, обман общественности (отвлечение ее внимания)

налицо, но никак не победа фашизма. Странно. Почему же тогда в заголовке очерка речь идет об образовании подлинного фашизма? А вот почему. Как мы помним, суть фашизма как раз и составляет, в частности, борьба с либерально-демократическими тенденциями в общественном бытии. В нашем случае — это самая непримиримая борьба со всякой оппозицией нынешней власти. Иначе говоря, под массированные вопли о недопустимости воцарения в России фашизма власти легко и просто будет перейти уже к практике окончательного подавления всякого инакомыслия как якобы вполне ведущего как русскому фашизму. Кстати, последний невозможен даже теоретически, так как слово «русский» своим исконным смыслом (живущий в ладу с Богом и людьми) исключает его в самом его исходном основании. Другое дело, что подлинно русское мировоззрение как мировоззрение прежде всего моральное (отсюда и происходит моральная демократия) создает известную проблему, например, для либерала, очевидно исключающего для себя подобное строгое ограничение. Поэтому исконно русское начало для основательного либерала порой внешне выглядит весьма неприятно («глаза колет») и представляет собой большую и неподъемную проблему. Видимо поэтому он истошно и призывает власть к борьбе с русским фашизмом. По этой же причине это начало и становится иногда в глазах совокупного западного обывателя чем-то уж больно непонятным и чуждым. Но все равно оно никак не будет означать упомянутый выше русский фашизм.

Завершая данный очерк, его автор считает важным еще раз подчеркнуть, что борьба «партии власти» с иллюзией или лишь с видимостью русского фашизма неизбежно ведет всю страну к установлению в ней политического режима фашистского толка (режима политической деспотии), причем установления его вне зависимости от понимания или непонимания сего самих обладателей современной российской власти.

10 апреля 2006 года
Санкт-Петербург

В чем иллюзия неполноты западного представления о правах человека?

Решением 10-го Вселенского русского народного собора, состоявшегося в апреле 2006 года в Москве, была зафиксирована недостаточность западного понимания прав человека, выразившаяся в известной Конвенции о защите прав человека и основных свобод явным пробелом в части указания на их обязательную моральность. Другими словами, по мнению Собора, авторы известного документа постарались обойти в нем сей непростой вопрос молчанием. Да, права человека ограничиваются специальными положениями наличного законодательства в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц (раздел 1, ст.9, п. 2). Кроме того, в ст. 10 (пункт 2) 1-го раздела рассматриваемой Конвенции, повествующей о свободе выражения мнения, указано, что последнее может быть так или иначе ограничено законом в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия. Как мы видим, авторы Конвенции упоминают лишь понятие нравственности, тогда как о моральности поведения человека, реализующего собственные права, какой-либо речи и не идет вовсе. Почему? Неужели потому, что стандарт моральности неведом западному миру? Вряд ли. Представляется, что авторы Конвенции сознательно уклонились от введения в текст обсуждаемого документа самого понятия моральности поведения, вероятно, посчитав его своего рода посягательством на права человека. Иначе говоря, идеологи Конвенции, видимо, пришли к заключению, что требование моральности поведения заметно, если не сказать принципиально, усложнит ситуацию с правами человека и приведет мировое сообщество в

очевидное затруднение. Но почему вдруг это может быть именно так, а не как иначе? Неужели требование моральности поведения несовместно с требованием самих прав человека? А что, может быть моральность поведения человека сама по себе, как говорится, автоматически снимает обсуждаемую проблему прав человека как уже и не актуальную вовсе? В таком случае и получается, что западное представление о правах человека вполне логично, так как оно было сформулировано вне каких-либо моральных ограничений и тем самым оказалось, с одной стороны, уместным, а с другой — вполне возможным.

13 апреля 2006 года
Санкт-Петербург

Нужен ли России Конституционный суд?

Странный вопрос, не правда ли? С другой стороны, опыт работы нынешнего состава рассматриваемого суда свидетельствует о том, что вопрос не так уж неуместен. Почему? Да потому, что его решения порой имеют явно политический характер (для примера нам достаточно вспомнить относительно недавнее решение о поддержке отмены выборов глав региональной исполнительной власти, хотя некоторые «продвинутые» юристы считают названное решение правомочным). В таком случае Конституционный суд становится своего рода прикрытием для злоупотреблений центральной исполнительной власти. Вместе с тем странно то обстоятельство, что сама Конституция написана таким образом, что для исчерпывающего понимания ее положений требуется специальная юридическая подготовка. Вероятно, что для сложного или «мутного» со смысловой точки зрения текста настоящего документа и требуется его специальный «толкователь», но признать это положение естественным или единственно возможным как-то язык не поворачивается. Но если текст Конституции вдруг станет абсолютно прозрачным со смысловой точки зрения, не станет ли тогда сам Конституционный суд избыточным, ведь в таком случае каждый вменяемый и элементарно образованный гражданин вполне сможет понимать ее текст адекватно ее содержанию и вполне идентично пониманию того же другими гражданами? Другими словами, ежели положения Конституции России станут вполне ясными и однозначными для понимания, то их специальное внешнее толкование вряд ли вообще потребуются. Посему нынешнее существование Конституционного суда в России есть явление временное и строго связанное со смысловым качеством самого действующего ныне Основного закона, очевидно содержащего в себе известные противоречия, а также неясности.

16 апреля 2006 года
Санкт-Петербург

Современная модель мировоззрения гражданина

России как основание и условие сохранения и процветания нашего Отечества

(выступление в Институте нравственности 18.04.06 г.)

*Отечество славлю, которое есть,
но трижды, которое будет!*
В. Маяковский

Настоящий вопрос, по мнению докладчика, является подлинным ключом к тому, что есть ныне в нашей стране, а также к тому, что с ней непременно случится. Почему? Да потому, что весь диапазон (от Маугли до величайшего святого) жизни человека вполне укладывается в русло качества его собственного мировоззрения. Да, условия обитания человека крайне существенны, но характер его судьбы все-таки формирует присущее ему

мировоззрение. Конечно, глупо спорить с тем, что среда пребывания человека накладывает существенный отпечаток на его нрав и поведение, но сводить все лишь к этому, очевидно, не стоит. И более того, одни и те же условия жизни могут порождать диаметрально противоположный результат (и даже в одной семье). Другими словами, дух человеческий никогда и нигде не был лишь производной контекста жизни, наоборот, сплошь и рядом он становился ее подлинным стержнем.

Но что есть такое понятие мировоззрения со смысловой точки зрения? Наши предшественники, в частности В. И. Даль в своем словаре, указывали, что, например, взор человеческий бывает вполне разным и соответственно своей особенностью дает их обладателям неодинаковые плоды. Иначе говоря, одного человека он делает, скажем, догадливым, сметливым, радостным, другого же — ведет к пустоте, тяжким думам и печальным поступкам. Ныне принятое значение слова «мировоззрение» сводится к совокупности взглядов, воззрений на окружающее, на жизнь, на мир, на ту или иную область бытия, в конце концов, на смысл жизни человека вообще. Кроме того, это еще совокупность принципов и убеждений, определяющих отношение каждого из нас к действительности. Конечно, мировоззрение всегда тесно сопряжено с мироощущением, также связанным с восприятием человека окружающего мира, действительности, выражающееся в настроениях, чувствах. Но все-таки оно, как осознанное явление, становится так или иначе, рано или поздно главным мерилom в жизни любого человека. Здесь же можно дополнительно упомянуть еще миропонимание как совокупность взглядов на мир; понимание мира, действительности. Впрочем, оно мало что добавит к уже сказанному выше. Есть еще мирозерцание как бесстрастное наблюдение за происходящим вокруг или как спокойное созерцание окружающего. Но мы оставим последнее в стороне по причине заявленного в теме размышления гражданства, так как оно (гражданство) не позволяет войти нам в состояние известной отстраненности.

Теперь коснемся смысла примененного в заголовке доклада понятия модели. В толковом словаре данное слово представлено рядом значений. Посредством смыслового обобщения последних искомый смысл возможно представить как нечто, служащее примером либо образцом для чего-нибудь. В результате сложения смыслового содержания слов из словосочетания модель мировоззрения мы получаем, например, такое: модель мировоззрения — это служащая образцом совокупность взглядов, принципов и убеждений человека, определяющая характер его отношений с действительностью. Обдумывая полученное, каждый из нас, вероятно, уже почувствовал тот невидимый смысловой водораздел, посредством которого мы все вольно или невольно оказываемся в своего рода конкретной обители. Тут же вспоминаются евангельские: «По вере вашей дано будет вам».

Прежде чем обратиться к современному звучанию упомянутой выше модели мировоззрения, попробуем сначала войти в уже известные из истории смысловые особенности различных воззрений на наш мир. С одной стороны, вспоминаются общинные (родоплеменные) предпочтения, с другой — индивидуальные (хуторские). Аналогично сказанному, красочно видятся разные формы деспотии и вершины личного преуспевания. Рядом же угадываются воззрения истовой веры в Бога и альтернативные ей, не менее яркие, Бога отрицающие либо вообще богохульные примеры. На сегодняшний день все бывшее в прошлом человечества более или менее, с одной стороны, уже свелось, но с другой — все еще продолжает сводиться к двум вполне выраженным в главном позициям. Это, во-первых, верующие в разной степени в Бога, во-вторых, верующие также в разной степени в самоорганизацию самого мироздания как извечно существующей некой субстанции. В первом случае носители веры так или иначе понимают себя абсолютно зависимой от невидимого Творца величиной, тогда как вторые понимают себя зависимыми лишь от упомянутой и доступной так или иначе в чувстве субстанции. Если первые явились своего рода провозвестниками понятия моральности поведения человека, то уже вторые — провозгласили все гуманистические (утверждающие земное благополучие человека) теории. Вместе с тем правила общежития посредством установления соответствующих законов организации жизни были применены как первыми, так и вторыми.

Подводя промежуточный итог, следует заметить, что сегодня в мире главным образом господствуют сообщества, в которых правит либо Конвенция о защите прав человека и основных свобод, либо различного рода деспотия. При этом вполне очевидно, с одной стороны, нарастает давление тенденции к секуляризации всей общественной жизни или нарастает тенденция освобождения всей названной жизни от влияния каких-либо церквей, а с другой — нарастает как явный, так и замаскированный церковный фундаментализм. Другими словами, мы все являемся свидетелями либо прямыми участниками названного противоречивого и, несомненно, тотального процесса мировоззренческой поляризации всего человечества. Ныне в широком ходу агрессивная практика этического релятивизма, отрицающего посредством присущего ему смысла относительности всего и вся обязательные ныне нравственные нормы и даже само существование объективного критерия нравственности. Последний, то есть этический релятивизм, неумолимо сводится к методу обоснования аморализма в человеческих отношениях, ярко проявляющегося в осуществлении политики «двойных стандартов». В ответ совершенно естественно нарастает всемирная волна своего рода религиозного негодования и даже ненависти по адресу как сторонников, так и «слепых» носителей плодов названной выше вполне гуманистической теории. Поэтому-то контуры будущего всемирного конфликта уже достаточно ясно очерчены и не замечать их становится уже просто опасно для жизни. За примерами, как говорится, далеко ходить уже и не надо. Сюда, скажем, легко укладываются все последние российские примеры этнической нетерпимости или ксенофобии. Почему? Да потому, что ради комфортной жизни человека на своей земле становится все можно и должно.

Но что же возможно предложить нам самим себе в качестве спасительного средства хотя бы на некое будущее, если текущее уже принципиально не реформируемо и подлежит лишь вполне земному горению? Да, всякий серьезный ученый понимает, что мир развивается циклично и без завершения предшествующего цикла новый никак не начнется. Впрочем, сам характер грядущего следует вдумчиво, тщательно и кропотливо закладывать уже сегодня. Докладчик со своей стороны видит исследуемое в контексте разрабатываемого им научного направления, именуемого смысловедением. Что же это такое? А это, во-первых, то, что любая добровольная человеческая речь абсолютно тождественна самой себе. Другими словами, всякий говорящий (пишущий) и даже печатающий имеет в себе самом абсолютно неустранимую личную смысловую особенность, или смысловой почерк. Во-вторых, сами выбираемые для употребления слова и выражения содержат в самих себе присущий им характерный смысл. Последний как раз и образует основу смысловедения, так как любое слово живо лишь тем, что оно обладает не просто смыслом, но оно обладает принципиально несменяемым смыслом. Нет, конечно же, никто не запрещает жаргонную речь, но последняя сама по себе ни на чем другом, кроме как на вышеупомянутых несменяемых смыслах и не держится, а значит, имеет лишь видимость независимости или хотя бы автономности. В-третьих, как говорили древние греки, «язык есть образ поступка», а значит, прошлые, текущие и даже будущие действия человека есть лишь следствия качества или наличного смыслового свойства его дум и речей. Поэтому тщательный смысло-логический анализ речей человека и есть ключ к его же сути, а также есть известный ответ на вопрос о смысловом русле его прошлых, текущих и будущих дел.

Но кто-то по примеру героя Ф. М. Достоевского из повести «Записки из подполья», вероятно, возразит, что все равно сосчитать душу человеческую невозможно будет хотя бы из того принципа, что она, то есть душа, все равно так или иначе, рано или поздно возжселяет вместо дважды два четыре, например, пять. Что ж, спорить не буду. Только замечу на это то, что и смысловой след от названного выше желания все равно произойдет и, более того, окажется доступным для обозрения и понимания. Другое дело, если «понималка» окажется слабой. Но для того и затеян сей разговор, чтобы взрастить ее. И здесь уже скучно точно никому не будет, так как объять все смыслы, оттенки и соответствующие переходы разом никакой жизни не хватит. Причем заметное сопряжение не с расхожими или «замутненными» смыслами, а сопряжение с подлинными

смыслами самой жизни принесет такое удовлетворение, с которым любое иное вряд ли и вообще когда-либо соперничать сможет. Кроме того, только степень личной и, подчеркну, не ревизуемой по рассуждению сопричастности ко всему происходящему, сможет стать отрадой для настоящего человека, тогда как иное — удел еще не вызревших людей или людей не самостоятельных, не сложившихся.

В качестве примера названного смыслового анализа рассмотрим ряд известных и близких по своему смыслу понятий: покорный, смиренный, кроткий, нищий духом. В первом мы видим наличие лишь внешнего подчинения, во втором — дополнительно еще и внутреннее; тогда как в третьем — уже имеется известное упоение сразу как от внешнего, так и от внутреннего подчинения; в последнем случае лицо своего рода растворение своего «я» в окружающем мире или явное отсутствие собственного предпочтения, снимающее какие-либо трения с кем или чем-либо. В качестве комментария к перечисленному выше можно предложить следующее. Слово «ислам» в русском переводе буквально означает покорность, которая вовсе не исключает убийства иноверцев в случае необходимости защиты чести своей веры, тогда как христианское смирение уже предполагает лишь жертву самого себя во имя соответствующей веры. Последнее свойство в своем развитии вполне переходит уже в кротость как в упоение собственным жертвованием. И, наконец, нищий духом и вовсе не жертвует, так как и не имеет, собственно, чем. Как мы видим, вдумчивое и бережное отношение к смыслам употребляемых слов вполне сможет сообщить всякому внимающему как подлинный смысл речей, так и подлинный смысл намерений их авторов одновременно. Другими словами, на самом деле невозможно добровольно вещать от имени не своей натуры и даже в случае ролевого поведения, а значит, нравственные свойства известной натуры непременно будут проглядывать через изрекаемые ею же смыслы.

Обобщая сказанное выше, следует особо подчеркнуть, что только принцип сущностного восприятия слова, порождающий смысловедение, и открывает всем нам все нами искомое. Но как названная наука сможет приблизить нас к требуемому или к не усеченному мирским или преходящим смыслу? Здесь-то и придется сначала очень твердо определиться с точкой нашей совокупной опоры. Иными словами, как говорится, по- любому нам предстоит сделать вполне обоснованный выбор: с кем и с чем мы? Если сами с собой, то это одно, а если с Богом, то это уже очевидно другое. На основе первого мы неизбежно становимся заложниками всемирной конкурентной борьбы за земное преуспевание. На основе второго мы так или иначе выходим из названной борьбы и начинаем на собственном примере являть человечеству другой образ жизни. Какой? Для этого сделаем следующее небольшое отступление от обсуждаемой темы.

Представитель американского научного сообщества (большой поклонник России) профессор Уилсон в рамках программы «Развейте сомнения» на радио «Ленинград» 25 марта 2001 года изрек словосочетание «научный идеализм». Последнее, по мнению ученого, является самым перспективным направлением научной мысли на ближайшую тысячу лет. Попробуем в свою очередь узнать, что означает сие с сущностной точки зрения. Для этого возьмем в руки словарь русского языка. В нем слово научный имеет следующие значения: относящийся к системе знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления; относящийся к тому, что поучает, дает опыт, урок. Теперь. Слово идеализм означает враждебное материализму, связанное с религией и идеологией реакционных классов философское направление, ложно считающее основой всего существующего сознание, дух, идею, а не материю. Далее переходим к попытке смыслового соединения изложенного выше, скажем, к такому: научный идеализм — это относящееся к системе знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления философское направление, считающее основой всего существующего сознание, дух, идею. Кто-то возразит, что такое попросту невозможно, так как закономерностей в развитии идей нет, и тем более нет закономерностей развития идей в связи с вещественным бытием. Другими словами, мир идей нельзя померить, а значит, мир идей нельзя ставить во главу угла практики вещественного мира. Ну что ж, точка зрения понятна. Но является ли она полной или исчерпывающе верной? Впрочем, верность сама по себе не нуждается ни в чем,

кроме самой себя. Если идеализм существует, значит, для него существуют и реальные основания. Другое дело, что их обнаружение весьма затруднительно, особенно для тех, кто имеет о них лишь смутное представление либо лишь мнение. Ведь многие спорящие об идеализме не догадываются о том, что они охвачены им сами, как говорится, с головы до пят. Иначе выражаясь, они не знают о том, что абсолютно любой спор возможен лишь в пределах идеального, так как спор вне понятий невозможен. Последние же есть типичные представители идеального. А посему, завершая, получаем, что **научный идеализм — это практика полностью осознанного мышления**. Последнее еще иначе вполне представимо в формуле: богатым можешь ты не быть, но думать грамотно — обязан. И еще, докладчику представляется весьма существенным дополнительно высказать то предположение, что давно искомая русская идея есть идея главным образом внеэтническая или она же является на самом деле исключительно мировоззренческой идеей, кроющейся как раз в полном осознании любым человеком тождества слова и дела. Причем, речь идет не о договорных смыслах и значениях, речь идет об исходных, если хотите прирожденных смыслах употребляемых нами слов. Именно последние в практике жизни и являют известное тождество или совпадение намерений и результатов. Другими словами, если результат воплощения наших планов удручает нас, то в следующий раз следует лучше понимать их, дабы не пожинать потом горькое. А кроме того, древние уже давно определили, что человек — есть то, каким образом он мыслит. В понятие же последнего (то есть образа) легко вкладывается качество самой мысли. Другими словами, качество нашей мысли и есть наша же исчерпывающая характеристика с сущностной точки зрения.

Но вернемся в заявленной теме доклада или вернемся к свойству современности модели мировоззрения гражданина России как возможной защиты от всяческих напастей, с одной стороны, с другой — решительного средства ее же будущего процветания. Представляется вполне справедливым осуществление попытки своего рода встройки означенного выше содержания в сию модель. Почему? Да потому, что все иное в нашем случае уже дает вполне очевидный сбой. Другими словами, тотальная погоня за выгодой либо пользой ведет к тотальному же отчуждению россиян друг от друга и к общему угасанию в России человеческого начала, вполне замещаемого животным бытием. Да, наша страна как нечто целое, как говорится, хлебнула по самое горло принудительной праведности и по праву получила ныне демократию. Казалось бы, чего еще нужно, ведь «от добра добра не ищут»? Если добра, то тогда, конечно, не ищут, а ежели имеем лишь его видимость? В последнем случае ищут и будут искать. Но что есть добро? Если это скарб, скажем, затейливый либо не очень, если это нескончаемое наслаждение от телесных утех, если это принятое господство над себе подобными, то это одно. Если же добро — это долг человека, то это уже явно нечто другое. Первое вполне можно и очевидно следует требовать, как североамериканцы требуют по всему миру демократию, тогда как второе — уже, мягко говоря, не совсем. Для русского человека понятно требование справедливости, но требование добра — не очень. Русское сознание рано или поздно тяготеет чужим неблагополучием, а значит, не признает так или иначе частное счастье. Поэтому его удел — это обретение и показ всему миру образцов добровольной моральности в поведении человека. Скажете, утопия? Как знать, ведь еще толком-то и не пробовали. Да, в прошлом для подобной жизни не было как условий, так и соответствующей необходимости. Теперь же, как говорится, все идет к тому, что будем (попросту обречены) пробовать. В таком случае и надо все уяснить в деталях и тонкостях, как говорится, «до того как».

Во-первых, современная модель мировоззрения гражданина России должна быть связана с его твердой верой в Бога, причем последняя вполне может быть и вне конфессиональной; во-вторых, она (модель) должна покоиться на принципах моральной демократии. В число последней будут входить следующие: добровольность, честность; ясность понимания необходимости самостоятельности в мышлении, а также собственной ответственности за происходящее в мире. Или вне доминирования в России культуры мышления в контексте самостоятельного и ответственного поведения большинства ее граждан моральной демократии нет и быть не может, а банальная демократия «западного образца» как

наследуемое верховенство господствующего нрава в контексте бесконечной и навязываемой помимо внутренних недовольств еще и извне борьбы за права человека в самой России ей уже, очевидно, не нужна, так как природная и наследуемая моральная уязвимость названной борьбы русскому сознанию стала окончательно понятна. Вместе с тем, кто-то из присутствующих, вероятно, спросит докладчика, что в его настоящем выступлении понятие морального явно «заслонило» понятие нравственного. Тогда как моральность есть лишь производное от нравственности, а значит, сделанный акцент не совсем правомерен. На это докладчик в свою очередь заметит, что, с одной стороны, оно, конечно, так, но с другой — не совсем. Почему? Да потому, что мораль как учение о нраве претендует на определение норм поведения человека, тогда как нравственность лишь их констатирует.

Завершая относительно небольшое выступление, докладчик смеет предположить, что сумел, с одной стороны, сформулировать проблему современного мировоззрения, с другой — нашел достаточно убедительное ее решение. А кроме того, он полагает, что присутствующие в зале эксперты Института нравственности при необходимости вполне смогут поправить и дополнить прослушанное ими до смысловой устойчивости и полноты.

17 апреля 2006 года
Санкт-Петербург

Нравственный образ грядущей России

(несостоявшееся выступление)

*Я вижу статью твою,
И грациозные движения.
Мне даже страшно от того,
Что я могу одним неловким помыслом, движеньем
Смутить тебя и прекратить мечту!*

Сколько уже раз и сколь много русских сердец мечтало о России будущей и о России прекрасной! Но каждый раз получалось не совсем то, что желалось. Казалось, пора бы уже уgomониться и признать, что нет ничего в русской мечте особо умного, а значит, и реального, а ежели и есть, то вовсе оно не так и хорошо, во всяком случае, при воплощении в жизнь. Вместе с тем, всякому вполне очевидно, что в каждом очередном поколении наших с вами соотечественников находятся те, кто никак не соглашается признать тот факт, что подобные переживания есть пустое и вредное занятие. Даже сегодня, в век всеобщего торжества символа «удобства и выгоды» все-таки находятся многие и многие молодые люди, настойчиво, упорно ищущие, если хотите, сверхсмыслы жизни России, в конце концов, ее назначение в мире сем. Почему? В чем тут дело? Вероятно все ответы в русской душе, в ее причудливых изгибах, глубине, масштабе. Вот и сегодня она продолжает удивлять нас. С другой стороны, а разве может грешный человек прозревать и созидать прекрасное будущее, если даже среди святых людей таковые всегда были в явном меньшинстве? И в самом деле, давайте спросим себя: «кривое» сознание, как и кривое зеркало, разве будет способно «запечатлеть» в себе нечто путное? Да, задача сия по плечу, вероятно, никак не убогим одиночкам. Другими словами, только совместный и неотступный поиск, прежде всего со стороны российской молодежи, скорее сможет стать вполне плодотворным и отрадным. В качестве же примера подобного искания уместно рассмотреть возникший в первой половине 2006 года в необозримом пространстве русского Интернета документ под названием «Проект Россия», часть первая. В нем его авторы в первых строках невольно сообщили миру, что русской душе, русскому сознанию как явлению сугубо мировоззренческому внутренне или органично присущ глобальный масштаб мировосприятия. Другими словами, подлинно русское начало не может воспринимать мир и себя в нем, если хотите, местечково. Более того, подлинно русский человек как особый

человек (мы ведь не говорим, например, английский, немецкий или американский человек) всегда искал, если хотите, общую для всех людей на Земле правду. Но каждый раз он терпел неудачу. Последняя от разу к разу происходила по причине, прежде всего обольщения самого ищущего, и обольщения главным образом собственным убеждением в своей способности и готовности воспринять истину во всей ее полноте. По-видимому, это избыточное сердечное томление русского человека каждый раз воспринималось им как признак его правоты и грядущего вселенского успеха. Но проходило время и поиски либо прекращались, либо приводили к разочарованию результатом. И потом, потенциал наличного мировосприятия никогда не позволял нашим предшественникам не делать упомянутого поиска, так как в противном случае его мощная энергетика направлялась вовнутрь русской жизни и непременно порождала в ней безумства разного рода и толка. Да, русский человек в отличие, скажем, от человека западного истари верял всего себя посредством присущей ему верности общинному бытию Государю, Отечеству. Или в русском понимании смысла человеческой жизни нет абсолютного личного успеха, а есть лишь, говоря словами известной советской песни «а нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим», всеобщий успех. Тогда как, например, типичный европеец или североамериканец, скажем, в современную историческую эпоху истово ищут с любой властью приемлемого им лично договора. Поэтому, возвращаясь к «Проекту Россия», следует еще раз подчеркнуть, что это своего рода развернутое размышление, адресованное именно русскому духу, впрочем, могущему располагаться в разных этнических группах населения России, и не только. Но приведем непосредственно в прямой речи некоторые соображения его авторов:

«Люди всегда действуют исходя не из знания действительности, а согласно своему масштабу мышления. Масштаб человека в данном контексте определяется не габаритами тела и количеством прожитых лет, а масштабом мышления. В каком масштабе вы думаете и действуете? В масштабе себя? Семьи? Родни? Страны? Человечества? Ответ на этот вопрос и есть показатель вашего масштаба. Если все ваши устремления сводятся к покупке новых “игрушек”, именно на это вы ищете деньги, по факту вы — ребенок в песочнице. Все дети стремятся “куличики лепить”. Одни их слепили, другие мечтают слепить, но в обоих случаях устремления не выше куличей. С возрастом детская песочница видоизменяется во взрослую. Роль куличей и совочков теперь выполняют особняки и «роллс-ройсы». Меняется качество “куличей”, но суть остается прежней — песочница.

Человеку с детским типом мышления свойственно заботиться только о себе. Поэтому, если он имеет ученую степень, состояние в 100 миллионов и возраст 50 лет, но думает только о себе, по сути — он маленький ребенок. Если вы думаете не только о себе, но и о своей семье, вы более взрослый. Если еще и о родственниках, вы почти совсем большой. Но все же ваша «взрослость» не дотягивает до требуемого масштаба. Нам нужны самые взрослые люди, способные сказать, что наша страна — это наша семья. Все беспризорники — наши дети. О них душа болит, как о родных чадах. Хочется их всех собрать, накормить и обогреть. Все эти несчастные бабушки — наши бабушки. Все мужчины и женщины, живущие своими маленькими заботами — наши родные дяди и тети.

Мы ищем людей, думающих и готовых действовать сообразно знанию. Мы ищем тех, кто способен ради блага России совершать действия, не завязанные на личную выгоду. Как в песне: “прежде думай о Родине, а потом о себе”. Мы верим, есть еще люди, относящиеся к России как к родной семье. Если вы готовы действовать в мировом масштабе, и вас не смущает подобный размах, давайте объединяться. Потому что чем нас больше, тем их меньше. В этом залог успеха».

Что ж, прочитанное звучит вдохновляюще. Но только настораживает последнее: «чем нас больше, тем их меньше». Почему? Да потому, что тем самым авторами проекта

невольно проложен рубеж или ими произведено разделение всех на «наших» и соответственно иных. Впрочем, попробуем процитировать еще некоторые положения:

«Серьезность положения осознается всеми думающими людьми. Воспринимая беды России как личное поражение, многие горят желанием помочь стране. Одни восстанавливают храмы, другие содержат детдома, третьи борются с наркоманией, четвертые с безнравственностью, пятые думают, как реанимировать экономику или армию, шестые формируют патриотические СМИ. В рамках своего понимания и возможностей они делают много полезных и важных дел. Низкий им поклон за это. И все же, рискуя обидеть этих благородных патриотов, следует сказать, что до тех пор, пока каждый исправляет только видимую часть проблемы, не касаясь целого, энергия будет уходить «в гудок». Честные люди не превратятся в реальную силу, если не поднимутся над своими амбициями, над своей маленькой правдой. Если не признают, что каждый из нас прав в своей области, но не прав в целом. Борьба с наркотиками — это хорошо. Строительство храмов — отлично. Решение демографической проблемы — замечательно. Но пора понять, что если болен весь организм, бессмысленно лечить руку. Если капает с потолка, надо бороться не с лужей на полу, а с дыркой на потолке».

Вновь речь авторов настоящего писания настораживает, и вот почему. Честность ими зачем-то противопоставляется им желанной «реальной силе». Что это? Неужели названные понятия из одного смыслового ряда и вполне сопоставимы? И что чему приносится в жертву или что становится целью, а что средством? Если «конвертируем» много честности в «реальную силу», то разве мы при этом не начинаем невольно лукавить? Другими словами, если честность есть некий ресурс для желанной силы, то она зачем нам? Впрочем, может быть ответ будет ниже?

«Чтобы увидеть причину, по которой тонет корабль, нужно спуститься в трюм. Кто рассуждает, не выходя из каюты, тот никогда ничего не увидит и не поймет. Учителя видят спасение в возрождении школ. Ученые — в восстановлении науки. Врачи — в устранении наркомании. Верующие — в покаянии. Демографы — в рождаемости. Военные — в армии. Хозяйственники — в промышленности и т. д. Все это хорошие люди, но, пока они не видят целого, кардинальное решение проблем невозможно. Все благие намерения сведутся к приспособлению под реалии Смутного времени. Если бы Минин видел спасение России в борьбе с туберкулезом или наркоманией, а Пожарский занимался благотворительностью и демографией, поляки бы только радовались. Если бы генерал де Голль спасал Францию восстановлением экономики, фашисты вручили бы ему Железный крест».

В предшествующем отрывке снова удивляет некоторая несоразмерность, присущая авторам проекта, а именно: противопоставление борьбы с туберкулезом, наркоманией борьбе с оккупантами. Выделенное сравнение и удивляет, и удручает. И вот почему. Разве народ, пораженный туберкулезом и наркоманией, способен победить внешнего врага? Но двинемся по выделенному тексту далее.

«Снова на Руси Смутное время. Любая попытка действовать приравнивается к экстремизму и хулиганству. Всякую свежую мысль «однодневки» подвергают осмеянию и уничтожению. Бескорыстный патриотизм, не дающий ни чинов, ни денег, понимается как идиотизм. Россия в реанимации, но ее лечением занимаются санитары, захвосты и мародеры. Одни делают бессмысленные примочки, другие причитают и охают, третьи под шумок с пальца кольцо втихоря стягивают».

Опять ощущение от явно чрезмерного сгущения красок и тревоги в связи с этим. Да, удаление из нашей жизни вполне господствующего и торжествующего корыстолюбия есть злоба дня современной российской жизни. Но сводить все к глупости и мародерству вряд ли

стоит. В противном же случае, как говорится, и хлопотать уже не о чем, так как разумного противника России, как выясняется, и нет вовсе. Но тогда кто же объявляет спасителей Отечества экстремистами и преступниками? Непонятно.

«Сила, способная вывести страну из кризиса, может возникнуть в результате объединения разрозненных частей в целое. Для этого нужно привести в движение социальные энергии. Это, в свою очередь, требует цельного мировоззрения, дающего объяснение происходящим процессам, и носителей идеи, собравшихся в единую команду. Без идеи патриоты похожи на врача, многословно описывающего болячки больного, но не ставящего диагноза и не предлагающего лечения. Нельзя бороться за все хорошее и против всего плохого, не уточнив прежде, что понимается под хорошим и плохим. И израильтяне, и палестинцы воюют за хорошее. Беда в том, что у них разное понятие о хорошем. Нельзя строить “вообще” хорошую Россию так же, как нельзя строить вообще “хороший” двигатель, прежде не уточнив принцип его работы. Если в ваших руках глина, вы не сделаете из нее ничего, пока не решите, что конкретно будете лепить — кирпич или кувшин.

Попытки оперировать социальной энергией без цельного учения превращаются в торгашество. Комично выглядит армия, состоящая только из обоза, без боевых частей. Еще комичнее государство из одной экономики, без идеологии. Сегодня патриотические энергии или распыляются, или имеют отрицательный вектор, потому что нет понятной непротиворечивой идеи, хотя бы теоретически позиционированной как ценность, за которую умереть не жалко. Демократическая демагогия, бытовой национализм, мытье сапог в Индийском океане или ностальгия по СССР — все это что угодно, но только не идея. Сами по себе призывы бороться с падением экономики и рождаемостью, ростом смертности и преступности тоже не идея. Это лишь фиксация язв, тогда как нужно обнажить их корни.

Сегодня много говорят об идее, но никто не указывает, что же есть эта самая идея. В результате благие пожелания, вроде «чтоб всем было хорошо, а плохо не было», принимаются за идею.

Что же такое идея? Это главный, основополагающий принцип, определяющий природу объекта и характер его деятельности. Например, идеей двигателя является принцип перехода одного вида энергии в другой. Идея парового двигателя одна, бензинового двигателя другая, электрического третья, и т.д. Все остальное — дизайн, цвет, вес и прочие параметры — вторично. Пожелания типа «чтоб он хорошо работал», не есть идея.

Государство — это гигантский механизм. Политическая идея есть принцип работы государственного механизма. Различие государственных моделей происходит из разных принципов формирования власти. Идея двигателя — источник энергии. Идея государства — источник власти. В этом контексте есть три источника власти: Народ, Сила, Религия. В рамках этих направлений сегодня развивается любая политическая теория».

Как мы видим, авторы проекта, наконец-то, заявили собственные приоритеты, а именно: «народ, сила, религия». Иначе говоря, в соответствии с настоящим проектом народ как природная сила, вооружившись религией, и образует идею государства. Но разве не идея веры в Бога (божество) находится во главе государственной идеи? Ведь без освященности идеей веры в Бога (божество) самой государственной власти она и вообще вряд ли бы где и когда-либо возникла. Впрочем, ныне большинство государств в мире стали вполне светскими и тем самым сформулированное обстоятельство как бы сообщает нам, что государство на самом деле не нуждается в какой-либо вере в какое-либо божество, а значит, и не следует утверждать обратное. Но, с другой стороны, нынешние государства

по времени есть лишь преемники своих предшественников и, кроме того, под давлением процесса глобализации, они все более и более становятся не суверенными. Другими словами, отказ от веры в Бога на официальном государственном уровне ведет лишь к размыванию подлинной государственности, превращения когда-то возникшего народа в сообщество потребителей различных товаров и услуг, и ни во что более. И потом, а разве без религии само по себе понятие народа могло бы где-либо возникнуть? Поэтому, следует особо подчеркнуть, что авторы «Проекта Россия», претендуя на полноту знаний о социальном мироустройстве, сами вдруг невольно оказались в роли ранее упомянутых ими же «санитаров и завхозов», стихийно занимающихся лечением России, «находящейся в реанимации». Далее авторы проекта дают развернутый анализ причин текущего состояния дел и прогноз на ближайшее будущее всего так называемого цивилизованного мира. Названный прогноз кратко можно представить как историю взаимоотношения и взаимовлияния религиозных и философских течений мысли. В частности, античная философия, вступив в известный момент истории в борьбу с католичеством, породила протестантизм как своего рода полурелигию, который в свою очередь стал идейной основой капитализма или стал идейной основой тотальной власти денег. Капитализм, осуществляя посредством транснациональных корпораций всемирную экспансию, в конце концов, открыто объявил современного человека, прежде всего, высокоразвитым животным или объявил его же потребителем главным образом материальных благ. При этом по оглашению так называемая демократическая форма правления, права человека должны непременно освящать названное выше всемирное царство потребления. В результате господство так называемого рынка исподволь рушит человеческую мораль и образует собой начало эры самоуничтожения человечества. Лозунги «бери от жизни все» и «не дай себе засохнуть» как раз и призваны подтвердить собой тот факт, что вне развернутого и все возрастающего потребления материальных благ и телесных утех все в жизни бессмысленно. Взамен изложенного выше, авторы проекта утверждают, что России нужно как можно скорее уйти от выборов собственной власти, так как подобный популизм посредством рыночных механизмов ведет наше Отечество в небытие. Другими словами, по мнению авторов проекта, демократия России противопоказана в принципе, а значит, ее спасение лишь в восстановлении монархии. Поясняя свою точку зрения, авторы проекта указывают, что монарх самым своим смыслом тяготеет к нравственному (моральному) состоянию и поведению. Поэтому его решения имеют значительный и устойчивый иммунитет против любой подлости. С другой стороны, вера русского народа в Бога и в освященность Всевышним самой фигуры монарха усиливает названный иммунитет против зла в непосредственном правлении государством. Перефразируя последнее суждение, иначе вполне можно сказать, что предлагаемая новая русская идеология — это идеология государственного преодоления греха. Или, по мнению авторов проекта, нам дается только один выбор: между помазанником Коммерческим и помазанником Божьим. Да, предлагаемая точка зрения на будущее России имеет в себе вполне очевидные логические препятствия. Например, в самом проекте на сей счет сказано следующее:

«Идеальной государственной системы не существует. Монархия тоже не идеальна, но, перефразируя Черчилля, ничего лучшего нет. При монархии во главе государства возможна не самая удачная команда, тогда как при любом ином строе во главе будет только неудачная команда. Другой у власти не окажется, потому что естественный отбор не даст. Оценивая в разговорах с единомышленниками ситуацию намного глубже, чем описано здесь, мы ищем оптимальную форму, и ничего, кроме монархии, не находим.

У человечества два пути. Один — отказаться от всякого рассуждения о фундаменте и природе общества, слиться с толпой, охочей до хлеба и зрелищ, и отдаться на волю стихии. Второй — вникнуть в суть дела, в причины наших бед, и восстановить монархию — диктатуру совести, выведенную из религии.

Наша идея — монарх, власть которого ограничена религией. Власть, стоящая на двух ногах — алтарь и трон. Обратите внимание, мы желаем восстановления системы и принципа, а не какой-либо монархической фамилии. Это решение основано на историческом примере. Минин и Пожарский знаменем своей борьбы объявили спасение России, а не воцарение свергнутой династии Годуновых или Шуйских. Успех 1612 года во многом обязан именно такой позиции. Предыдущие попытки сплотить людей под династическими лозунгами провалились на корню. Народ пошел «за Россию», а не «за Шуйских». Мы хотим постараться для России, а не для заранее определенных лиц. Определять монархов — это вообще не наше дело. Наше дело — восстановить систему. Мы открыты для диалога с претендентами на престол, но диалог возможен только в рамках спасения России. Престол не покупается. Кто будет монархом — решать Богу и народу, а не нам с вами. Мы создаем организацию ИДЕИ, а не фамилии, и не берем на себя функций Земского собора. Наша задача — создать условия для возрождения самодержавия. Сначала на Руси, а потом во всем мире. Постепенно, незаметно, в чередех как бы текущих самих собой событий.

Подводя итог сказанному, хотим повторить главную мысль: любая система власти устроена по монархическому принципу. Мы не оговорились, — любая. И демократическая в том числе. Разница только в том, что при монархии на троне сидит представитель Бога, монарх. При остальных формах правления на троне сидит или представитель мамоны, капитала, или представитель небожественной идеи (например, коммунисты). Монархический правитель никогда не скрывает своей власти. Остальные всегда скрывают свою власть, маскируя ее той или иной формой демагогии. Любое общество находится под властью Монарха или Капитала. Выбор сводится к двум направлениям: кого посадим на трон, представителя Бога или представителя мамоны? Все остальные варианты — подвиды первого или второго направления. Так что выбирайте, господа, направление. Все Священные тексты говорят: будете служить Богу либо мамоне. Кому мы будем служить?»

Вновь налицо некоторое некорректное смысловое обобщение. Почему? Да потому, что представитель капитала или мамоны никак не монарх и его права и возможности вполне иные, а значит, «сажать» последнего на трон никак не придется. Иначе говоря, авторы «Проекта Россия», очевидно, грешат смысловыми оттенками. Поэтому без серьезной доработки предлагаемого проекта и разъяснения многих и многих его деталей он вряд ли способен будет принести России заметную пользу сам по себе. Но не признать его принципиальную в целом правоту, вероятно, нельзя, особенно с учетом уже имеющих исторических предсказаний. Например, духовник Николая II-ого святитель Феофан Полтавский, скончавшийся в 1940 году предрек следующее: «Великие старцы говорили, что Россия возродится, сам народ восстановит православную монархию. Самим Богом будет поставлен сильный царь на престоле. Он будет большим реформатором и у него будет сильная православная вера» (В. Губанов «Святой царь Николай II-ой и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы». М.: Ставрос, 2004). Вместе с тем, уточняя самое последнее приведенное из проекта суждение, вероятно, следует его дополнить: и **чему еще будем служить?** Другими словами, без обретения ясных смыслов и понимания назначения монархии строительство последней вряд ли принесет желанную полноту жизни для каждого человека, а значит, окажется вполне зряшим делом. Или наша с вами, уважаемый читатель, сверхзадача состоит, прежде всего, в получении истинной картины мира. Без нее искомый нравственный образ России так и останется никчемной фантазией. Но о чем таком существенном может идти речь? А, например, о любочестии. Небуквально его можно перевести как великодушие, некую расположенность к жертвенности, презрение к материальному не вообще, а ради нравственного или духовного идеала. Но каков же последний? Известный русский святой последнего времени Серафим Вырицкий (старец скончался в 1949 году) был глубоко убежден в том, что человек должен готовить себя к Вечности. После того как душа разлучится с

телом, она сразу поймет, что знания и опыт всей предыдущей ее жизни превратились в ничто. Те предметы, образы и понятия, которые на земле представлялись человеку самыми ценными и важными, окажутся ничего не значащими, также как и те события, которые занимали его ум и сердце и казались самыми главными. Более того, свойства и качества, которые воспевал и воспитывал мир, окажутся вредными и противоположными тем, которыми должен обладать житель Вечности. Единственный земной опыт, который понадобится человеку в будущей жизни — это опыт познания Бога и Божественной Истины. В частности, святой как-то изрек: «Все зло необходимо покрывать добром и любовью, смиренно принимая искушения, посылаемые нам промыслом Божиим, отвечая злом на зло, мы приходим только к его умножению во вселенной». За этими словами Серафима Вырицкого стоит вся его жизнь старца-подвижника, который стал целой эпохой в жизни России. Теперь, если мы соглашаемся в принципе, что лишь добро и любовь могут составить содержание духовно-нравственного идеала, то и наши помыслы должны стать таковыми. Другими словами, лишь утверждение в сознании русских людей, а значит, и в жизни всей России добра и любви и станет основой грядущего нравственного образа нашего Отечества. А главным практическим стремлением нынешнего молодого поколения россиян должно стать непреходящее подражание названному идеалу добра и любви. Но что есть добро с сущностной точки зрения? Или что есть добро в самой своей сути, а не в конкретных проявлениях жизни? Многие уверены, что добро это лишь противовес зла. В круг последнего они включают все вызывающее страдание и смерть человека. Да, трудно возразить, когда боль как телесная, так и душевная входит в жизнь любого из нас, что это вовсе не зло. Но вернемся все-таки к добру. О нем сегодня принято говорить, имея в виду телесный и душевный комфорт, довольство или удовлетворение от жизни. Иногда при этом еще дополнительно и весьма настойчиво предлагают учитывать количество и качество вещественного ресурса или материальных благ в распоряжении конкретного лица, как раз и могущего ощущать от их свободного использования известное чувство добра. Вместе с тем, некоторые люди считают, что жизнь каждого человека — это, прежде всего, кризис его бытия или фундаментальное испытание для его души. Последнее суждение легко подтверждается мыслями святых людей. В частности, Серафим Вырицкий как-то изрек, что люди лишь скорбями и болезнями спасены будут. А известная болгарская ясновидящая Ванга на вопрос своей племянницы о причине господства в жизни несправедливости ответила, что подобное происходит потому, «чтобы сильнее болело». Обдумывая два последних суждения, мы вынуждены будем признать, что деление всей жизни человека на зло и добро есть деление очевидно неполное, а значит, есть деление ложное. Почему? Да потому, что, например, чье-либо действие, приносящее кому-либо боль и страдание, бывает как зло, но бывает и как добро. В результате мы осознаем, что все, в конце концов, будет зависеть от качества цели названного выше действия. Другими словами, только правда и неправда, определяя качество конкретной цели, и будут источником, с одной стороны, добра, с другой — зла. Обращаясь к этимологии исследуемого понятия, мы находим, что добро прочно увязано своим смыслом с такими словами как изящно, красиво, мило, соответственно, годно, ловко, сильно. Как мы видим, добро в своей сути отвечает сразу всему прекрасному, разумному и всему непреходящему в жизни человека. Кроме того, латиняне указывают нам, что добро своим смыслом связано с понятием ремесла или с понятием изготовления чего-либо. Но тогда, как говорится, «на круг» получается, что добро есть творение прекрасного, разумного и нескончаемого. Но взглянем на исследуемый вопрос еще со стороны русской традиции, в частности, возьмем в руки словарь В.И. Даля. В нем мы находим, что добро есть все что **честно** и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина и семьянина. Здесь мы уже ясно видим подчеркивание в искомом честного, полезного и долженствующего начал. Но что может составлять существо самого долга человека? Для ответа на последний вопрос вновь воспользуемся словарем В.И. Даля, в котором по разделу «человек» он указывает следующее: человек плотской, мертвый, едва отличается от животного, в нем пригнетенный дух под спудом; человек чувственный, природный, признает лишь вещественное и закон

гражданский, о вечности не помышляет, в искусе падает; человек духовный, по вере своей, в добре и истине; цель его — вечность, закон — совесть, в искусе побеждает; человек благодатный, постигает, по любви своей, веру и истину; цель его — царство Божие, закон — духовное чутье, искушения он презирает. Это степени человечества, достигаемые всяким, по воле его. Обдумывая перечисленное выше, невольно приходишь к заключению, что человек-то, собственно говоря, по представлению наших предков, возникает где-то на третьей ступени, когда начинает иметь веру в Бога, а значит, вне этого его как бы еще и нет вовсе. Но тогда помянутый ранее долг человека видимо и составляет задачу обретения веры. Поэтому-то исполнение последнего (то, бишь, долга), вероятно, и образует подлинное воплощение мечты всего человечества — его преображения. Иначе говоря, в добре отчетливо должны присутствовать признаки честного, полезного и неперменного действия. Но как мы знаем из опыта самой жизни, в подлинной красоте всегда присутствует правда, в разумности — польза и в нескончаемом — неперменность. Другими словами, получается, что **добро — это творение красоты правды, разумной пользы и неперменного преображения человечества.** Разъясняя последнее, следует заметить, что добро наличествует там и тогда, когда поступают бескорыстно, во имя спасения души человека посредством продвижения ее к праведному или вполне моральному бытию. Иначе говоря, без одновременного утверждения правды, обретения разумной пользы и личного морального примера в поведении самого носителя добра искомого нет и быть не может! А что же тогда есть? Есть помощь, поддержка либо услуга. По иному, и злые могут вполне иметь вид добрых. Другое дело, что последний никак не являет, в конце концов, желанного нам всем нравственного образа России. Теперь, в завершение настоящего изыскания, короткое соображение о подлинном смысле любви. Представляется, что она в полной мере доступна лишь святым людям. Почему? Да потому, что в ней (а не в страсти, влечении, привязанности) органично слиты бескорыстие, радость и твердая вера в счастливое будущее человечества. Поэтому-то, строго говоря, без преобладания в России добра, и любви нам не сыскать вовсе!

Но вернемся к идее обретения Россией персоны самого монарха. Если авторы проекта устранились от непосредственного решения подобной задачи, то уже его читателям в случае собственной симпатии к идее монархии в России так или иначе уже придется решать таковую. Что же возможно здесь предложить? Восстановление утраченной ранее династии, выборы нового царя? Давайте размышлять. Вероятно, что, прежде всего, известная кандидатура должна быть приискана. Но для этого она должна вполне укладываться в некий искомый нравственный образ. А каков последний или что его будет отличать от обыденного? Беспредельная (неограниченная обстоятельствами жизни) честность? Возможно. Способность отчетливо, верно, полно и быстро понимать мировоззренческие ценности и цели окружающих его людей. Вероятно так. Желание отдать всего себя на служение в миру Богу. Вполне подходит. Что еще? Строгая ответственность за собственное поведение? Годится. Выраженное и устойчивое желание добра как такового и способность к успешной общественной деятельности по воцарению последнего в отношениях между людьми. Непременно. Но кто, где и из кого будет искать самого кандидата в монархи? Да, вопрос сей, как говорится, не из простых. Одно отчетливо понятно, что нынешние российские правители и их политические конкуренты для этого вряд ли подходят. Уж больно они корыстны и безразличны к добру как таковому. А где ж и как других выборщиков приискать? Обучить что ли из числа всех того желающих? А что, может быть и так. Но ведь нынешние правители начнут сопротивляться сему и подбивать против подобной инициативы даже весь народ! Да, вероятно, будут, но только в удобное (комфортное) для них время. В иное же, ежели и будут, то не очень энергично. И вот тогда все и случится. Впрочем, до того как раз и следует самих будущих выборщиков царя и подготовить. Но кто, как и чему будет учить названных выше выборщиков? Вероятно, что без соответствующих школ, семинаров для всех желающих и могущих учиться тому никак будет не обойтись. Каково же возможное название подобных? «Школы нравственного выбора»? «Школы моральной демократии»?

«Школы духовного чутья»? Ну, допустим, что возможны даже все названные, как говорится, разом. Но кто и чему будет учить? Опять же те, кто откликнется и сможет справиться с подобным учительством. Вероятно, здесь должны будут выделиться, прежде всего, церковные подвижники. Тем более, что, скажем, русская православная церковь имеет в связи с этим конкретную задолженность за фактическое отречение в марте 1917 года от последнего русского царя в пользу Временного правительства, и известное обязательство церковное со времен Константина Великого в плане всемерной поддержки власти помазанника Божьего, и, наконец, все еще сохраняющийся ее моральный авторитет в российском обществе. Впрочем, возникает еще вопрос: а чему будут учить? Да, прежде всего подлинной культуре мышления, если хотите, смысловедению! Последнее же, с помощью усвоения подлинных (изначальных) смыслов слов родной речи как раз и может быть реализовано. Тогда, и только тогда и возникнет основа для становления желанной нам культуры мышления. Последняя же сама все расставит по местам и вытеснит, в конце концов, из российской жизни, с одной стороны, глупость, с другой — подлость. Если хотите, настоящая статья как раз и претендует на одно из пособий для будущей школы выборщиков, причем, если в таковой все-таки возникнет необходимость. Иначе говоря, последние будут воплощены в жизнь лишь в случае поддержки сформулированного выше предложения Богом, в иной ситуации вопрос воссоздания в России монархии, вероятно, будет решаться способом, выходящим за пределы понимания автора настоящего текста.

Завершая изложение «Нравственного образа грядущей России», его автор так или иначе рассчитывает на поддержку им сформулированного всеми честными и умными читателями, для которых служение Богу не является делом абстрактным и чужим.

6 мая 2006 года
Санкт-Петербург

Возможно ли спасение души человека вне общественного служения?

**(или некоторые соображения по поводу «человеческой»
и «божественной» справедливости)**

*Наш выбор прост: либо мы различаем
и преодолеваем повсеместно все греховное,
либо, под давлением присущей нам от природы
«якости», допускаем сознательно последнее в нашу
жизнь наравне со всем праведным и через то
исподволь погубляем сами себя окончательно!*

Известный российский мыслитель В. В. Розанов как-то изрек, что Россия в период революций начала XX столетия свалилась в яму, выкопанную ей христианством. Не правда ли, неожиданное и весьма смелое заявление? Но есть ли под ним, как говорится, нечто твердое? Давайте разбираться. Мы давно знаем, что христианское спасение есть спасение индивидуальное. Впрочем, последнее часто связано с «делами веры», которые могут быть и общественными по своей сути. Но является ли общественное служение непременным условием спасения христианина? Отнюдь. Даже более того, христианские проповедники сплошь и рядом утверждали и утверждают доныне, что ценность земного бытия человека и вовсе невелика, а погружение верующего в мирские дела душе человека просто губительно. Другими словами, молитвенное служение Богу на основе постоянного смирения и нестяжания (игнорирования) всего земного и есть искомая спасительная тропа для подлинно верующего христианина. Но может ли разумный христианин уклоняться от утверждения добра в отношениях с людьми, а значит, и от неизбежного обличения зла в

них же? Да, увлечение критикой и хулой никого не красит, но и уклонение от отчетливого называния зла злом либо от удержания словом всякого от его вполне порочного увлечения, скажем, замаскированным грехом тоже вряд ли будет благом для всякого верующего. Иначе говоря, непротивление всему что ни есть греховному, не будет ли по умолчанию уже его же поощрением? С другой стороны, кто-то, возможно, возразит автору настоящего текста, что для того и существуют христианские храмы, в которых посредством покаяния, исповеди и причастия как раз и решается задача преодоления всякого человеческого греха. А борьба за очищение мирских порядков от присущей им греховности и вообще есть сама по себе грех, так как она исподволь вводит верующего в состояние прелести или прельщения его всем земным. Вероятно, поэтому-то и возникло в христианской среде вполне искусственное разделение справедливости на «человеческую» и «божественную». Но откуда вдруг такое суждение? А вот откуда: Блаженной памяти старец Паисий Святогорец. Слова. Том III: Духовная борьба. М.: Издательский дом «Святая гора», 2005. В указанном издании в главе о справедливости говорится, что уступки верующих в некоторых похотях другим людям вполне образуют собою Божественную справедливость, так как освобождают первых от навыка стяжания мирских благ, а вторым дают возможность большего насыщения от вышеназванного. Тогда как неуступка другим большей части от целого ведет лишь к выравниванию причитающихся всем участникам раздела мирских благ долей и к торжеству уже человеческой справедливости, которая на самом деле не дает духовной пользы равным счетом никому. Да, внешне подобное деление справедливости, вероятно, производит впечатление как бы разумного. Но, с другой стороны, а не будет ли в таком случае духовное спасение первой стороны предпосылкой гибели второй? Почему это вдруг? — возможно, спросит кто-то из читателей. А, например, потому, что Паисий в своих пояснениях приводит случай ветхозаветной ссоры пастухов Лота и Авраама из-за пастбищ, закончившейся уступкой последнего первому зеленых лугов и хороших пастбищ Содомы и Гоморры. И далее старец легко снимает какую-либо ответственность с Авраама за лихо, происшедшее там впоследствии с Лотом. Другими словами, он утверждает, что Авраам хотел как лучше и этого хотения с него вполне достаточно, а за дальнейшую судьбу Лота он никак не ответчик. Но так ли это на самом деле? Ведь поощрение христианином духа стяжательства в другом человеке вряд ли может приветствоваться Небом, а значит, старец все-таки не до конца осознал уязвимость собственного деления справедливости на вполне полноценную и не очень. Иначе говоря, деление понятия справедливости, скажем, на духовную и земную есть деление очевидно уцербное и даже вредное. Но что есть такое справедливость, как говорится, сама по себе?

В частности, в словаре В. И. Даля последнее представлено через слово справедливый как правильный, сделанный законно, по правде, по совести, по правоте; как творящий правдивый, праведный суд, идущий по всей правде, неподкупный; как истинный, основательный, не вымышленный. С другой стороны, справедливость возможно представить и как состояние беспристрастного восприятия кого-чего-либо. Как мы видим, какое-либо деление понятия справедливость для человека, думать способного, вряд ли вообще правомерно, ведь в противном случае, очевидно, исчезает сам ее смысл. Поэтому-то и получается, что подлинный христианин, находясь среди людей, никак не может уклоняться от необходимости удержания каждого из них от всего греховного, ими творимого как словом, так и делом. Вероятно, по этой причине настоящий христианин неизбежно становится явным укором всем грех совершающим. А попытки разделения мира на религиозный и светский никак не должны им приветствоваться и поощряться, так как в таком случае он по умолчанию соглашается на возможность доминирования греха среди мирян или, как говорится, попускает подобное состояние человеческой жизни, имея в виду, что это уже не его дело. Другими словами, смирение с грехом окружающей жизни вряд ли может быть вменено ему в заслугу. И потом, как мы знаем из истории, первые христиане ни на какой компромисс с грехом мира сего не шли, вызывая в свою очередь гонения, как говорится, на свою голову. Но зато это была честная, а значит, и действительно

справедливая позиция верующего. Иначе говоря, не может действительная вера не быть удерживающей от грехопадения как самого верующего, так и любого с ним соприкасающегося лица. Другое дело, что подобная позиция верующих, вероятно, будет сопровождаться неприязнью и даже конфликтами, так как неверующие, очевидно, будут сопротивляться адресованной им критике со стороны верующих. Но тут уж ничего не попишешь, так как не бывает неконфликтной истины. Главное в этой брани — не перейти черту и не стать злостным. Или ежели обличения греха будут подобны проклятиям, то его господство среди людей будет лишь усилено. Да, очень не просто быть понятным и убедительным в сложных вопросах жизни человека, но подлинная вера не может не сказаться на появлении подобной способности. С другой стороны, даже твердость и непримиримость позиции верующего в отношении греховных поползновений мира сего уже будет «дорогостоять».

Завершая настоящую заметку, вероятно, следует особо подчеркнуть, что спасение души человека вне общественного служения вряд ли вообще возможно, так как уклонение от удержания мира к грехопадению является на деле его поощрением, а значит, и неявным служением не Богу, а всем его противникам.

19 мая 2006 года
Санкт-Петербург

Опора на метафору как способ изысканного соблазнения и обмана

*Привычка к уклонению от прямого и ясного суждения
о ком-чем-либо непременно требует
украшения речи переносными смыслами...*

В Афинах (Греция) на улицах легко можно встретить практически повсеместно грузовое такси, на бортах которого написано слово МЕТАФОРА. Странное дело, оказывается, что первоначальное значение упомянутого слова было «перенос», «перемещение». В дальнейшем данное слово стало означать следующее: слово или выражение, употребляемые в переносном смысле, иносказательно, вследствие сближения данного предмета или явления с другим предметом или явлением на основе действительного или воображаемого сходства. В конце последнего предложения курсивом выделено три слова. Подумаем над их смыслами. Слово «сходство» представляется ключевым для всего последующего рассуждения. Почему? Да потому, что оно есть то основание, на котором, как говорится, зиждется весь смысл исследуемого в настоящей заметке понятия. При всей убедительности само по себе сходство нигде и никогда не дает тождества, а значит, без последнего какой-либо разговор о точности осуществляемого посредством слов суждения о ком-чем-либо вряд ли будет уместным. Теперь, второе, с конца данного выше определения, слово «воображаемое» и вовсе низводит все суждение к ситуации: «Федот, да не тот». Иначе говоря, и действительное, а тем более воображаемое сходство никак не ведет нас к истине. Теперь обратим свой пыливый взор на словосочетание «переносный смысл». Попробуем его, что называется, расшифровать. Если сам по себе «перенос» внутри самого себя вполне пуст, то уже смысл, наоборот, вполне представляет собой сплошное (неделимое) содержание. В результате смыслового сложения первого со вторым мы получаем: переносный смысл — это смещаемое с одного места на другое наличное и неделимое содержание. Странное дело получилось: употребление перемещаемого с места на место и неделимого в самом себе содержания стало нашим повсеместным речевым кредо. Но хорошо ли это? Или нет ли в этом какого-либо подвоха? Например, не будет ли при этом своего рода сползания в зону «приблизительных смыслов», воспринимаемых нами как вполне или достаточно точных? Другими словами, метафора как своего рода

скольжение по смыслам слов, не станет ли предпосылкой для их незаметной утраты? Станет! Еще как станет. И вот почему. Когда на место тождества и под видом последнего мы начинаем водружать сходство, то речь, как говорится, автоматически начинает давать лишь видимость соответствия себя объекту или явлению. В результате «в сухом осадке» образуется своего рода «фантазия на тему». И чем она будет более цветастой (изысканной), тем более она будет соблазнять собой невнимательных, совершая при этом в отношении их вполне коварный обман.

Подводя итог написанному выше, вероятно, следует заметить, что «игра в метафору» не бывает безобидной для играющих в нее, а значит, им стоит помнить о грядущей и неперенной расплате за подобное увлечение, которая будет гораздо тяжелее, чем это может представляться при имеющейся склонности замещения тождества лишь сходством.

20 мая 2006 года
Санкт-Петербург

Что означает слово «православие» на самом деле?

Неужели поставленный в заголовке вопрос может быть для кого-то проблемой? Разве выделенное слово не означает, например, «возможность для прославления» или просто «свободу славить»? Но почему в этом у кого-либо имеется какая-либо острая нужда? В словаре «Малопонятных слов, встречающихся при чтении Псалтири и молитв», изданном по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ, взятое в рассмотрение слово объяснено через слово «православный» как «право славящий Бога, правильно верующий, правомыслящий». При этом в названном словаре уже слово «право» в свою очередь означает «правость, верность, справедливость, прямой путь». Как мы видим, речь идет, с одной стороны, об оценке религиозного ритуала, с другой — об оценке самой веры. Говоря точнее, в данном случае под православием предлагается понимать полное единство и абсолютную безупречность, как всего рассматриваемого религиозного ритуала, так и содержания самого названного верования и образующих своим совокупным смыслом известный идеал праведности. Но присутствует ли в самом по себе слове «православие» значение слова «Бог»? Очевидно, что нет. Но тогда представленное выше расширительное прочтение взятого в изучение слова не совсем правомерно, что ли? Строго говоря, да, не правомерно. Иными словами, в настоящем примере мы имеем некое смысловое приращение, совершенное составителем означенного выше словаря вполне произвольно, а значит, совершенное им приращение справедливо рассматривать как очевидно не правое. Странно. Но ведь если рассуждать честно, мы получаем, что «православие» буквально означает лишь «славие права». Теперь, само слово «право» в словаре В. И. Даля означает: «данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах». Кроме того, в последнем словаре имеется еще один смысл слова «право» как смысл «уверения в истине чего-либо». Но тогда получается, что слово «православие» буквально или само по себе на самом деле означает «прославление данной кем-либо или признанной обычаем в условных пределах власти, силы, воли или свободы действия посредством уверения в их истинности». В результате прочтения и обдумывания последнего определения мы неожиданно для себя понимаем, что в самом смысле православия и вовсе нет того, что кажется в нем вполне присутствующим, а именно: в нем нет ни значения Бога, ни значения правды как таковой. Названные смысловые нехватки и превращают слово «православие» само по себе в нечто странное и очевидно проблематичное. Другими словами, православие как понятие своим объективным смыслом является лишь обезличенной формой поощрения наличной власти и всех ее представителей. А уже православная вера в Бога вполне освящает все сформулированное в предшествующем предложении именем Бога, внушая всем своим адептам необходимость безоговорочной

поддержки имеющейся (наличной) власти и всех ее представителей как поддержки и как проповеди настоящей правды.

Завершая настоящее исследование, его автор хотел бы еще раз подчеркнуть следующее. Подлинное значение и итоговый смысл составного слова «православие» никак не позволяют воспринимать его безоговорочно как нечто вполне непротиворечивое, так как оно наличным совокупным смыслом является лишь псевдоправедным прикрытием очевидного человеческого произвола, достойного осуждения и преодоления.

16 июля 2006 года
Санкт-Петербург

Оппозиция или борьба с политическими конкурентами?

Радио «Свобода» вкупе с заинтересованными лицами, который уже раз пытается обсуждать вопрос существования в России периода правления президента В. В. Путина политической оппозиции. И что характерно: с каждой новой попыткой все меньше и меньше звучат голоса в пользу подтверждения реальности существования последней. Странное дело, демократия в нынешней России вроде бы имеется, а существенных признаков заметной политической оппозиции как бы и нет вовсе. Иначе говоря, заметное политическое единодушие на фоне вялого и разрозненного роптания и составляет суть современной российской политической жизни. Впрочем, та же самая радиостанция предоставила свой эфир вполне оригинальной точке зрения одного из ее слушателей из Санкт-Петербурга, которая свелась к тому, что сегодня в России вместо оппозиции реально действуют только политические конкуренты. В качестве обоснования подобного суждения радиослушатель сослался на тот факт, что все противники В. В. Путина видят себя в рамках действующей Конституции, а значит, все они являются лишь имитаторами оппозиции, так как вполне поддерживают все явные и неявные базовые ценности названного основополагающего документа. Контуры же последнего так или иначе и составляют суть уже проводимой политики. Поэтому и получается, что в России в настоящее время под видом оппозиции действуют лишь политические конкуренты. Но попробуем проверить выдвинутое выше предположение. Для этого заглянем в толковый словарь русского языка и уточним значение слова «оппозиция». В нем искомое, в частности, означает следующее: противодействие, отпор; деятельность, направленная против данного правительства и его политики; деятельность, идущая вразрез с господствующими общепринятыми мнениями, враждебная им; то же, что противостояние. Другими словами, получается, что подлинная политическая оппозиция может существовать лишь на принципиально иных базовых ценностях, чем те, на которые уже опирается господствующая политическая сила. Сами же названные выше ценности всегда как раз и представлены в положениях Конституции. При этом только политические конкуренты, не находящиеся у власти, и будут настойчиво призывать господствующие политические круги к соблюдению требований Основного закона. Других существенных возражений или возражений принципиального свойства они никогда не будут предъявлять действующей власти, так как не смогут удержаться в противном случае от требований замены самой Конституции.

Завершая настоящее небольшое размышление, его автор полагает необходимым еще раз отметить, что политическая оппозиция всей своей сутью обречена на борьбу за новые базовые ценности и смыслы жизни, тогда как политическая борьба в рамках уже провозглашенных действующей Конституцией положений может осуществляться лишь политическими конкурентами.

16 июля 2006 года
Санкт-Петербург

Почему борьба за свои интересы неизбежно образует «двойной стандарт» в поведении?

Многие руководители нынешней России не устают упрекать руководителей США, стран Западной Европы в использовании ими «двойных стандартов» при проведении внешней политики. С другой стороны, те же самые руководители как по чьей-то невидимой команде не устают воспроизводить тираду о необходимости соблюдения вне России главным образом российских интересов. Но разве подобное поведение не образует в самом себе противоречия? Давайте размышлять. Если кто-то начинает во главу угла своей деятельности ставить собственные интересы или начинает фактически двигаться лишь в русле достижения своего, то неужели он будет воспринимать свое и чужое одинаково? Нет, конечно же, не будет! Поэтому-то так или иначе, явно или не явно он начнет прибегать к использованию «двойных стандартов» в собственном поведении. Ведь, как любит повторять президент России В. В. Путин, «своя рубашка ближе к телу», а значит, хорошо на самом деле лишь мое, а не мое всегда будет для меня второстепенным или не особо важным.

Завершая сию короткую заметку, следует подчеркнуть, что ныне Россией руководят весьма эгоистичные люди, никак не способные видеть и понимать фундаментальные противоречия в собственном поведении, что неизбежно рано или поздно скажется отрицательно и на судьбе самой России.

*17 июля 2006 года
Санкт-Петербург*

Слово «прогресс» как соблазн глобального масштаба

Сколь много читатели сей заметки удивятся, прочитав ее заголовок. Но не будем, впрочем, погружаться в избыточные переживания. Лучше сформулируем позицию. Но сначала остановимся на некоторых предварительных соображениях. Уже традиционно слово «прогресс» воспринимается как указание на некое общее улучшение, на некоторое восхождение от низшего к высшему. По крайней мере, с таким взглядом вполне солидарны многие и многие, в том числе и из числа весьма образованных кругов. С другой стороны, с проявлениями прогресса регулярно почему-то связаны отрицательные последствия, в том числе и духовно-нравственного порядка. Иначе говоря, помимо экологических проблем прогресс порождает еще своего рода «моральное обнищание». Или во имя обладания благами прогресса люди все чаще поступаются совестью и честью. Другими словами, во имя стяжания удобств жизни очень многие незаметно утрачивают в духовном отношении собственное лицо. Но почему так происходит? А вот почему. На самом деле слово «прогресс» изначально (еще в XVIII столетии) означало не движение от худшего к лучшему, оно буквально означало «прибыль», «прибыток», «преуспевание». Причем, обратите внимание, оно есть не «успевание» как таковое, а оно есть некоторое преувеличение предела необходимого (перебор действительно насущного) или оно есть «преуспевание». Но уже в XIX столетии рассматриваемое слово вдруг начинает носить новое значение или ему присваивают новый смысл: «движение вперед, к лучшему, от низшего к высшему». Как мы видим, подобная ухищренная смысловая замена спрятала четкое и ясное «прибыль», заместив его весьма мутным «движением вперед» и прочим, к нему примыкающим.

Завершая настоящее исследование, следует сделать неизбежный вывод: широкое применение слова «прогресс» с новым «размытым» значением явилось для всего человечества своего рода скрытой аморальной ловушкой, неумолимо ведущей его к собственной гибели.

Понятие «воин-монах» как символ сущностного перерождения христианства

В работе над статьей (статья была написана 06.05.06 г.), посвященной нравственному образу грядущей России, автор столкнулся с понятием «воин-монах». Последнее было им встречено во время прочтения текста «Проект Россия», часть первая. Впрочем, названное понятие встречалось и ранее, другое дело, что в подобном контексте — впервые. Говоря конкретнее, авторы упомянутого проекта, разбирая сущность человека, приняли этот термин за своего рода точку отсчета устойчивости любого человеческого сообщества. В частности, они в связи с рассматриваемым понятием написали следующее:

«Абсолютно свободный человек не знает полутонов, не знает компромиссов. Он — полностью замкнутая система, он абсолютно независим, а если это невозможно, он умирает. Но умирает свободным, выбирая сам, а не по приказу страха или страсти. Даже страх смерти не может изменить действий свободного, потому что он свободен от власти страха. Он выше страха. Он — господин страха, а не его раб. Эталон свободное человека является воин-монах, готовый в любую секунду пойти на смерть за свои идеалы. Высшая форма свободы проявляется в людях, выбравших служение Богу. Этот мир для них больше ничего не значит, все их устремления там, за границей этого мира. Они живут в ожидании смерти как перехода в вечную жизнь. Но если раньше такие люди воспринимались как естественные обладатели власти, то после некоторых перемен, о которых будет сказано ниже, они удалились от этого».

Но разве представленный выше идейный эталон взятого в рассмотрение понятия воина-монаха как желание абсолютной свободы не может быть квалифицирован как форма проявления крайней страстности самого воина-монаха? И разве будет корректным отождествление «любителей абсолютной свободы» и, скажем, «сторонников истовой веры в Бога»? Вряд ли. При этом разве сами верующие в Бога в своей жизни не ценят ее хотя бы как уникальную возможность собственной подготовки для перехода в мир иной? Теперь, некоторые соображения об обладателях власти, точнее, об обладателях, понятное дело, именно земной власти как о воинах-монахах либо их наследниках. В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П. Я. Черных слово «монах» представлено смыслами «одиночный», «единичный», «отшельник». Но тогда получается, что представленное в проекте понимание есть понимание явно «приращенное» или есть понятие «выдуманное». Почему? Да потому, что монах по самому названию не может быть обладателем власти, за исключением разве условной власти над самим собою. Почему условной? Да потому, что она вся аккумулируется опять же внутри содержания самого монашеского служения, которое строго регламентировано фактически извне посредством соответствующего смыслового наполнения. Другими словами, на самом деле нет и не может быть более несвободного человека, чем монах. Это первое. Второе же недоумение состоит в том, что понятие воина-отшельника и вовсе удивляет всякого способного самостоятельно мыслить человека, так как отшельник как участник какой-либо брани или как воитель и совсем уж странен. И даже брань с самим собой никак не решает проблему обнаруженного дефицита смысла. Иначе говоря, вероятно, неведение кем-то когда-то, например, половой жизни было приравнено монашескому служению. Что ж, не секрет, что вся энергия у некоторых талантливых людей иногда расходовалась вне половой сферы, которой они фактически не имели. Но разве подобных людей справедливо представлять обязательно монахами? Отнюдь. Поэтому понятие воина-монаха само по себе уже вызывает законные вопросы, на которые фактически нет удовлетворительных ответов. Другими словами, под воинами-монахами, вероятно, с некоторых пор стали скрывать

властных людей, отказывавшихся от половой жизни. Кстати, в числе последних вполне возможно представить и некоторых известных из истории диктаторов. Но процитируем в связи с названной выше проблемой «воин-монах» еще один отрывок из «Проекта Россия»:

«Если высший человек — это свободный человек, то высшая форма самооценки — претензия на звание свободного человека. Низкая самооценка превращает человека в умное животное, полностью находящееся во власти инстинктов и желаний. Ничто не мешает животному удовлетворять, например, чувство голода, питаясь вместе с собаками на помойке. Люди становятся бомжами не в силу жизненных обстоятельств, а в силу нулевой самооценки. Им не стыдно делать то, что они делают, потому что они не ценят себя».

Опять то же самое, что и в предыдущем случае, а именно: высший человек лишь как свободный человек! Тогда как иное предполагает обретение лишь святости. Поэтому на самом деле борьба за высокую самооценку есть борьба лукавая, ведущая человека, в конце концов, к идее обожания себя любимого, и ни к чему более. Впрочем, посмотрим еще один отрывок из проекта:

«Каждый человек хочет быть свободным в своих действиях, поступать так, как хочет именно он, а не как его кто-то или что-то понуждает, в том числе и обстоятельства. Любому человеку хочется быть личностью, живущей по принципам, но жизнь вносит свои коррективы. Разные инстинкты, в том числе и инстинкт самосохранения, властвуют над человеком. Отстоять свою свободу способны единицы. Основная масса становится рабами инстинктов. На этом факте выстраивается социальная иерархия. Высшие места занимают князья духа, для которых честь стоит на первом месте, а жизнь и все остальное — на втором. Свободные воины-аристократы являлись превосходящим классом, задающим тон всему обществу».

Снова нам в качестве образца для подражания предлагается развивать и поощрять неограниченно собственную «хотелку» или «поступать, как хочется». В результате нам же через это гарантируется попадание посредством обретения сначала звания «свободных воинов-аристократов» в «превосходящий класс», находясь в котором мы уже сможем «задавать тон всему обществу». Здорово, а? Но взглянем еще на такое:

«Сказанного достаточно, чтобы понять — масса приходит в движение, следуя за свободными воинами духа. Раз высшая ценность элиты — свобода, то перво-двигатель человеческой истории — стремление быть свободным. Хочешь быть свободным, — стань им. Никто не в состоянии тебе это запретить. Если мешают обстоятельства, которых ты боишься, преодолей их. Если не можешь, значит, делаешь не то, что тебе хочется, а то, что тебе приказывает страх. Ты раб, а не свободный, потому что свободному приказать нельзя. “Что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим” (Притч. 25:28)».

Вот как, оказывается, «владение духом своим» образует состояние «свободного воина духа», позволяющее его обладателю в свою очередь вершить историю человечества наподобие управления некой «движущейся массой». Главное же — овладеть высшей ценностью элиты — свободой, и дело, как говорится, в шляпе. Или: «если не можешь, значит, делаешь не то, что тебе хочется, а то, что тебе приказывает страх». Интересно, а «страх Божий» тоже попадает в число помех избраннику «элиты»?

Как мы видим, уважаемый читатель, нам предлагается так или иначе разобраться с природой понятия воина-монаха, а также с тем, что же оно собственным появлением в истории может означать хотя бы в контексте восприятия христианского вероучения или в части практики соответствующей религии. Да, нам всем ведомы подлинные подвижники христианской веры, но нам ведомо также и нечто другое. Например, крестовые походы

подвижников веры Христовой, жестокая деятельность в отношении инакомыслящих церковной инквизиции. Как подобные события вообще могли произойти в истории христианской веры, ведь, как известно, от самого ее начала — царство Христово «не от мира сего», а значит, стремление христиан к использованию возможностей земной власти или ее силы в отношении своих противников объективно превращало слуг Христа в слуг царя земного? Впрочем, кто-то, вероятно, заметит, что, например, римский император Константин Великий и сам стал вполне христианином, а значит, ничего такого с верой во Христа как Сына Божьего и не случилось вовсе. Так оно, конечно, так, только вот от земной власти названный император-христианин долго что-то не отлучался, а значит, его царство все-таки «на круг» оставалось «от мира сего». Нет ли в последнем наблюдении противоречия? А ежели оно имеется, то что же за ним скрывается? А, кроме того, названный выше император своей властью христианскую общину возвысил до крайних пределов земной власти, в частности, он реализовал следующее: «Мы сочли полезным вместе со всеми нашими правителями, Сенатом, вельможами и народом римским, чтобы, подобно тому как св. Петр был наместником Сына Божия на земле, так и первосвященники, наследники князя апостолов, удерживали начальственную власть — и даже полнее, чем это свойственно земному императорскому достоинству. Именно: мы определяем благоговейно почитать как наше земное императорское могущество, так точно и святейшую Римскую Церковь и, дабы полнее возвысить кафедру над нашим собственным земным троном, приписываем ей власть, достоинство и честь царскую... Уступаем самим св. апостолам, блаженнейшим Петру и Павлу, а через них отцу нашему, Папе Сильвестру, и всем преемникам его, какие только будут на кафедре св. Петра до окончания веков, дворец Латеранский, который превосходит все дворцы в мире... Передаем Римскому Папе диадему, т. е. корону, со своей собственной головы, нарамники, которыми украшается императорская шея, пурпуровую хламиду, багряную тунику и все другие царственные одежды. Вручаем ему императорский скипетр и все другие знаки отличия и перевязи — словом, все принадлежности царского величия... Дабы первосвященническая власть не оскудевала, но процветала более самой власти императорской, мы определили передать отцу нашему Сильвестру, кроме Латеранского дворца, город Рим, провинции Италии и всех западных стран, и все места и города в них — в полное распоряжение и власть» (А. П. Лебедев. История разделения церквей. М.: Дар, 2005). Более красноречивого документа вряд ли вообще возможно сыскать в принципе. С другой стороны, внутри самого христианства впоследствии началась своего рода история самоочищения. Так, патриарх Константинопольской церкви Николай в начале X столетия писал в Рим Папе Анастасию III: «...Должно повиноваться государю, но только тогда, когда он распоряжается, как истинный государь, когда его повеления справедливы и нравственны, но не тогда, когда они противны и совести и разуму. Нечестивых приказаний императора слушаться не должно. Подданные принимают правителя в образец, поэтому его обязанность состоит в том, чтобы указывать им путь к добродетели и тем больше побуждать чтить Бога, чем больше он сам Его почитает» (Там же). Как усматривается из последнего, ранее соблазненное земной властью христианство, противоречиво и мучительно пыталось освободиться от ее влияния. В результате же этого случилось лишь разделение Вселенской христианской церкви на Католическую и Православную. В дополнение к уже сказанному, вероятно, следует еще заметить, что в содержание Символа веры (христианской) после ее «огосударствления» вводится и утверждается окончательно соответствующий член о вере «во единую святую, соборную-вселенскую и апостольскую церковь». Тем самым как бы специально подтверждается непреходящая самоценность возникшего тогда фактически государственного церковного института. Последнее обстоятельство как раз вполне документально и подтверждает тезис о частичном обмирщении самого христианства, которое начинает выражаться в том, что наряду с верою в Бога Отца, Сына Божьего и Святого Духа христианам дополнительно надлежит верить еще в самую церковь. Ну и что, — скажет, вероятно, кто-то, — зато святые-то внутри христианства все равно не перевелись! Да, конечно, не перевелись, но зачем, например, по данным князя Ф. Ф. Юсупова

(В. Губанов. Святой царь Николай II и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. М.: Ставрос, 2004), Святейший синод Русской православной церкви приказал сжечь рукописи Серафима Саровского, оставшиеся в его келье по кончине старца? Или почему это вдруг тот же Синод 9 марта 1917 года обратился к народу российскому с обращением: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни... доверьтесь Временному Правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы. Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства...» (М. Назаров. Воздсю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004). Вероятно, что земные заботы «государственного» христианства так или иначе все-таки заслонили заботы о спасении душ человеческих. А в довершение уже сказанного, вероятно, не лишним будет привести предсказание иеросхимонаха Кукии: «Скоро будет экуменический Собор под названием “святой”. Но это будет тот самый восьмой Собор, который будет сборищем безбожных. На нем все веры соединятся в одну. Затем будут упразднены все посты, монашество будет полностью уничтожено, епископы будут женаты. Новостильный календарь будет введен во Вселенской Церкви. Будьте бдительны. Старайтесь посещать Божии храмы, пока они еще наши. Скоро нельзя будет ходить туда, все изменится. Только избранные увидят это. Людей будут заставлять ходить в церковь, но мы не должны будем ходить туда ни в коем случае. Молю вас, стойте в православной вере до конца ваших дней и спасайтесь!» (В. Губанов. Святой царь Николай II...) То есть получается, что случившаяся с христианством в IV веке трансформация не могла ни вести к подобным предсказаниям. Из истории же раннего христианства нам известно, что его подвижники никогда не прибегали к силе земной власти ради торжества своей веры среди язычников. Они использовали лишь силу проповеди и личного примера праведного (по-современному — морального) поведения. В случае же угроз извне применения к ним насилия по причине принуждения их к отказу от веры Христовой они решительно приносили свое физическое здоровье и саму жизнь в жертву. Другими словами, они личным подвигом регулярно подтверждали содержание и качество своего верования и фактически не нуждались ни в какой поддержке со стороны земной власти. Поэтому-то и неслучайно в эти самые годы и возникло чрезвычайно много христианских святых великомучеников. В дальнейшем, с вхождением во власть, носители веры Христовой начинают так или иначе осуществлять, с одной стороны, свое заметное продвижение во власть земную, с другой — очевидно дистанцируются от всех сторон мирской жизни, уходя в отшельничество, или уединяются в монастырях и скитах. Что может означать описанный выше разнонаправленный процесс? Лишь смену внешней стороны жизни христианских общин? Вряд ли. Иначе говоря, не могли подлинные христиане встать на поддержку ценностей и целей земной власти, никогда и нигде еще не освобождавшей себя от первостепенного служения греху плоти и греху всевозможной похоти. С другой стороны, сама земная власть всегда искала оправдания и даже всемерного освящения своих деяний. Приспособив для этого со времен Римской империи христианство, она и стала особенно яростно культивировать образ христианского воителя (воителя-монаха) или воителя во имя веры Христовой, имея в виду и попутный продукт сего — усиления и расширения пределов самой себя. Вероятно, поэтому и неслучайно впоследствии практически все европейские государства легко и отбросили христианство за ненадобностью как удобную и выгодную до поры до времени своего рода оболочку, предоставив его ныне фактически в распоряжение самого себя.

Завершая настоящее относительно короткое размышление, его автор полагает, что понятие «воин-монах» есть понятие лукавое. Его использование не может не быть предпосылкой для соблазна и обмана верующего человека, для замены в его сознании самого существа в данном случае христианской веры. Поэтому задача преодоления последнего есть задача восстановления самой сути рассматриваемого вероисповедования,

которое на самом деле не ищет для себя свободы и удобства в земном бытии, отчетливо понимая, что иное есть так или иначе полный отказ от ценностей самой христианской веры.

29 июля 2006 года
Санкт-Петербург

Является ли экстремистская деятельность сама по себе преступной?

Ныне (с 28 июля 2006 г.) в нашем Отечестве началась борьба государства Российского с экстремистской деятельностью как таковой в связи с окончательным утверждением соответствующего закона. Но следует ли относиться к провозглашенному запрету уважительно? Не будет ли в противном случае или в случае поддержки данного начинания власти своего рода отказа от важнейшей части гражданских прав? Давайте размышлять. Всякий закон (во всяком случае, в разделе уголовного законодательства) опирается, прежде всего, на понятие «преступления». Последнее же очевидно вытекает из преступной деятельности, которая сама по себе вполне может в чем-то пересекаться с рассматриваемой экстремистской деятельностью, но она никак не может полностью с нею совпадать. Почему? Да потому, что слово «экстремизм» не содержит само в себе смысла преступности. Да, оно своим смыслом вполне может «сосуществовать» со значением слова «преступление», но оно никогда само по себе его не покрывает и не замещает. Другими словами, понятие «экстремист» не тождественно понятию «преступник», и это навсегда! В противном случае мы получаем искусственное смысловое расширение первого слова посредством полного смыслового поглощения второго или принудительное смысловое расширение второго слова до полного смыслового поглощения им первого. Подобный смысловой произвол не может быть признан легитимным нигде и никогда в случае признания базового принципа смыслового соответствия основополагающим в области законотворчества. В противном случае начинает меркнуть само понятие закона, так как его функцию начинает пытаться выполнять сугубо политический произвол самой власти, объективно направленный, как минимум, на провоцирование неизбежного гражданского неповиновения. Впрочем, кто-то из читателей скажет, что уже политический экстремизм автор настоящей заметки вряд ли сможет легко освободить от действия закона. Да, автор сих строк вполне согласен, что в политике экстремизм проявляется нередко в очевидном стремлении к воплощению в жизнь идей, содержащих изначально некий разрушительный потенциал. При этом слово «политический» — это имеющий отношение сразу ко многим интересам. Последние могут быть представлены как количественно, так и качественно. Поэтому сам политический экстремизм — это практика очевидного препятствования реализации сразу многих интересов. Но исходным толчком к возникновению самого рассматриваемого политического экстремизма являются неосознаваемые противоречия текущей политической практики, которые неизбежно будут вызывать политический экстремизм к жизни вплоть до момента своего обнаружения и снятия. Или, скажем, бедствия и страдания значительной части населения любой страны будут обязательно провоцировать его появление, а полицейские меры будут по определению носить характер сохранения существующего ненормального положения дел и впредь. Поэтому условием появления политического экстремизма являются, как ни странно, не сами экстремисты, а те политические силы, которые не обеспечивают развития общества на всех его уровнях. Тогда как наличие в обществе разных форм экстремизма лишь свидетельствует (как высокая температура у больного) о том, что общество находится в опасности.

Таким образом, в завершение следует заметить, что для любого дееспособного сознания вполне очевидно, что всякое отождествление экстремистской деятельности с деятельностью преступной является отождествлением неразумным и политически вполне

опасным. Любая гражданская поддержка подобной законотворческой практики не может расцениваться иначе как вредная, а значит, и как преступная.

29 июля 2006 года
Санкт-Петербург

Почему мораль и богатство принципиально несовместимы?

*Новый Вавилон, строящий башню до небес, с целью
уйти от Бога и господствовать над землею, —
новый Вавилон рухнет от смешения и разделения
людей на почве дележа земных благ, рухнет, как
Вавилон древний.*

Священномученик протоиерей Иоанн (Восторгов)

Интересно, а почему это вдруг автор приведенного выше заголовка так категоричен? — Вероятно, спросит некий твердый сторонник господства товарно-денежных отношений в современном мире. Или еще неясно, что иного уже и быть-то не может? Что ж, вопрос принят и придется отвечать. Ныне в Россию под соблазном рынка или под впечатлением огромного богатства, оказавшегося в распоряжении меньшей части россиян, из целого ряда сопредельных с Россией стран (Китай, республик Среднеазиатского региона, Азербайджана, Украины, Молдавии и некоторых других) двинулись весьма и весьма многочисленные ряды работников, рассчитывая в свою очередь на часть названных выше российских природных богатств. Да, эти люди приезжают к нам на заработки, и ничего зазорного в том, собственно говоря, и нет вовсе. Но почему же сами, обойденные «птицей рыночного счастья», россияне вдруг отказываются занимать уже возникшие трудовые вакансии? Неужели лишь зависть, лень и неумение их работать вполне объясняют сложившееся положение «россиянских» дел? Вряд ли. Тогда что же не так в нашем Отечестве случилось? Давайте разбираться. Был СССР, была общая стратегия достижения всеобщего блага. Потом, как говорится, в одночасье все поменялось, в частности, общее благо оказалось вдруг утопией. Зато или вместо того опять вдруг образовалось и расцвело пышным цветом частное «россиянское» счастье, основанное, понятное дело, на вполне земном и конкретном богатстве. Вчерашние, и главным образом, партийные и комсомольские активисты объявили основные, как ныне говорят, активы бывшего СССР своей личной или корпоративной собственностью. Причем всем несогласным с подобным разделом наследуемого от распродаваемой в одночасье страны имущества было заявлено, что они всего лишь глупцы либо «неудачники по жизни». Но при чем здесь, собственно, вопрос о богатстве как таковом в контексте упомянутой морали? — Вероятно, спросит кто-то и продолжит: да в нашем случае все очевидно так, тогда как мировой опыт все-таки имеет и другие примеры. Хорошо, допустим возможность существования «честного богатства» и обдумаем саму его, богатства, природу. Может ли возникнуть исходное устойчивое богатство без существования самой подобной «богатенькой» среды? Вряд ли, так как не из чего ему быть, ведь нужны многочисленные излишки, нужен механизм их аккумуляции в одних руках. Но тогда как же оно вообще возможно? Только путем принудительного изъятия. Последний возможен, во-первых, с помощью силы или угрозы ее применения; во-вторых, с помощью обмана; в-третьих, с помощью соблазнения и прельщения обираемых. Причем каждый из названных выше подходов к решению задачи личного обогащения, несмотря на свою теоретически возможную законность, объективно абсолютно аморален. Почему? Да потому, что он либо агрессивен, либо лукав. И третьего, как говорится, не дано. А ежели все-таки дано, то либо как иллюзия честности, либо как скрытая поддержка извне, которая сама по себе уже

неизбежно аморальна. Таким образом, любое или всякое богатство даже теоретически всегда аморально. Иначе говоря, как в поговорке — «нельзя и невинность соблудить, и капитал приобрести». Теперь некоторые соображения о субъективной стороне восприятия явления богатства. Многие читатели, вероятно, заметят автору сего текста, что были и есть богатые артисты, писатели, художники, музыканты и прочие творческие люди, а значит, противоречие между богатством и моралью никак не всеобщее. Да, если не вникать в существо вопроса, то подобное предположение нельзя не признать вполне справедливым. Но кто и за счет чего спонсирует названных творцов? Это первое. А второе и главное — почему им эта значительная финансовая или материальная поддержка извне оказывается? Из любви к искусству? Возможно. Но из любви к какому искусству? Если из любви к искусству, которое очевидно освобождает людей от глубинных заблуждений в восприятии мира и которое вполне внятно утверждает тотальную честность человеческого поведения как фундаментальную ценность жизни, то тогда, конечно, следует согласиться с высказанным ранее предположением о возможности сочетания богатства и морали. Только вот такого искусства нет и быть не может, так как это уже будет, во-первых, не искусство как таковое, а во-вторых, за это никто одаривать земной роскошью никогда не станет хотя бы по принципу подобия. Иначе говоря, даже богатый меценат никогда не станет одаривать, например, поэта, который явно обличает его самого как аморального человека. Поэтому-то никак не следует на примере творческих личностей впадать в обольщение идеей возможности совмещения морали и богатства. Другими словами, пристрастие к богатству сохраняет и приумножает его, но оно же всегда омрачает душу человеческую или делает ее абсолютно зависимой от существенного, но все-таки второстепенного. Поэтому, говоря об искреннем моральном стремлении богача, нам следует заметить такое: «...одного тебе не достает; пойдя, все, что имеешь, продай, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах... как трудно надеющимся на богатство войти в царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие Божие» (Мк. 10: 23–25).

Завершая настоящее развернутое наблюдение, его автор хотел бы надеяться, что у честного читателя не осталось «червя сомнения» насчет так называемой возможности сочетания морали и богатства. Другими словами, действительно честный человек никогда не будет стремиться к богатству, понимая всю пагубу сего намерения для его души. Поэтому он вполне тверд в том помысле, что в богатстве земном не было, нет и никогда не будет правды.

4 августа 2006 года
Санкт-Петербург

Почему борьба против привилегий — это всегда борьба против равноправия?

Странная на первый взгляд посылка присутствует в приведенном выше заголовке, даже более того — очевидное противоречие так и бросается в глаза. Да и вправду сказать: разве отмена привилегий не устанавливает на деле равноправия? Но тогда почему ныне в России, покончившей с привилегиями партноменклатуры КПСС, так мало равноправия? Или почему у россиян сегодня совершенно разные исходные возможности для ведения, скажем, какой-либо экономической, политической деятельности? Давайте вникать в обнаруженное противоречие и преодолевать, как говорится, «отсутствие» логики. Как мы помним, Б. Ельцин сотоварищи еще на заре перестройки, объявленной М. Горбачевым, начал активно бороться с привилегиями партийных и советских руководителей. Конечно, в данном конкретном случае речь шла в первую очередь об имевшейся тогда возможности приобретения весьма ограниченным кругом партийных и советских руководителей всевозможных дефицитных импортных товаров и строго по государственным расценкам,

которые значительно уступали «теневым» ценам или ценам спекулятивным. Кроме того, партийные руководители имели заметное преимущество и в возможности выезда за границу, получения высококвалифицированных медицинских услуг, а также проведения отпуска в лучших домах отдыха страны. Дети же названных выше лиц вполне могли рассчитывать на обучение в самых престижных вузах страны победившего социализма. Как раз против всего этого внешне законно и выступила известная демократическая общественность бывшего СССР, во главе которой и оказался будущий первый президент России Б. Ельцин. Казалось бы, все справедливо, а значит, и спорить-то не с чем. Но... в дальнейшем случилось ровно то, что случилось, а именно: вполне скромные по мировым меркам привилегии партноменклатуры бывшего СССР превратились просто в царскую роскошь некоторых демократических активистов и примкнувшим к ним спекулянтам всех мастей и оттенков, захвативших все руководящие посты в нашей стране. Странно это, ведь хотели вроде бы справедливости в организации внутри социальных отношений, тогда как на практике получили лишь еще большее неравенство в них. Но зато как ловко «освятили» последнее состояние российской жизни самой неудержимой демократической риторикой! Мол, да весь цивилизованный мир так живет, и ничего, не ропщет. Ныне же все заметные российские руководители получают в десятки (в десятки!) раз более высокую зарплату, чем подавляющее большинство населения России. При этом со стороны главных инициаторов борьбы с привилегиями партноменклатуры не видно никаких волнений насчет необходимости соблюдения социальной справедливости. Более того, сложившееся положение дел нам всем еще объясняют самой неутешительной борьбой с коррупцией, так как немного получающий более-менее заметный чиновник становится просто таки социально опасным, а значит, его зарплата просто обязана значительно превосходить зарплату большинства граждан нашего Отечества! Во как! А как же иначе, мы, «трудяги», ведь так боролись, так боролись за наличную должность, что уж подайте нам непременно соответствующую награду. А то, что КПД от наших деяний весьма и весьма невысок, так ведь это и не наша вовсе забота. Нам, «горемыкам», лишь бы начальству угодить, остальное же, как говорится, ПИАР все за нас сделает. А народ что? Да ему и не привыкать, и так хорошо, а иначе еще разбалуются, озорничать станут!

Таким образом, как ни крути, а получается, что всякая борьба с привилегиями — это всегда борьба против равноправия, так как она (борьба) сама по себе неизбежно скрывает (и тем самым усердно сохраняет) подлинные причины уже имеющегося неравноправия, дабы и впредь иметь соответствующие возможности для «законного» нечестия.

5 августа 2006 года
Санкт-Петербург

Символ веры как торжественное исповедание христианских догматов: смысло-логический анализ

Сначала некоторые пояснения или, как говорится, соображения о причине написания сего весьма непростого и даже сложного документа. Да, именно документа, так как иное обозначение сего навряд ли вообще будет уместно. Развивая последнюю мысль, вероятно, следует сказать следующее. Можно верить в Бога, а можно и не верить в Него. Но относиться к самой идее веры в Бога никак не стоит легкомысленно, ведь нельзя же в здравом уме не считать важным знание о том, что происходит с каждым человеком по кончине его земного существования. Поэтому записка сия фактически автоматически становится своего рода частным документом и свидетельством. Но все-таки о причине написания последнего. Работая над прямой речью Иисуса Христа, выделенной из Нового завета, автор настоящей работы вынужден был вникать в существо христианской веры. Это первое. Второе же состоит в том, что обнаруженные при этом сложности и противоречия естественно побудили его также вникнуть и в самую основу христианства.

А что же может быть ею, как не его же Символ Веры. Другими словами, торжественное исповедание христианских догматов, скорее всего, и образует искомое.

Вникая в сформулированную тему, автор записки обнаружил, что Символ Веры в течение известной истории христианства претерпевал известные изменения. Так, вначале он был явно короче современного, а, кроме того, сохраняя главное, имел часто весьма произвольную форму изложения в целом одного и того же содержания. В качестве примера приведем несколько его вариантов, относящихся по времени ко II–III вв. н. э. (Объяснение Символа Веры / Составитель А. Баранов. М.: Образ, 2006).

Символ Иринея Лионского

Верую в одного Бога Отца Вседержителя, сотворившего небо и землю, моря и все, что в них; и во одного Иисуса Христа, Сына Божьего, воплотившегося ради нашего спасения; и в Духа Святого, предвозвестившего через пророков Божье домостроительство и пришествие, воплощение от девы, страдание, воскресение из мертвых и восшествие с плотью на небеса возлюбленного Господа нашего Иисуса Христа, и пришествие Его с небес в славе Отца, чтобы возглавить все и воскресить всякую плоть всего человечества.

Символ Антиохийский

Верую во единого и одного только истинного Бога Отца Вседержителя, Творца видимого всего и невидимого творения, и в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Его единородного и первородного всего творения, рожденного от Него, Которым и века сотворены и все стало, ради нас пришедшего, и от Марии девы рожденного, и распятого, и погребенного, и воскресшего в третий день по писаниям, и восшедшего на небеса, и снова грядущего судить живых и мертвых...

Символ Кесарийско-Палестинский

Верую в одного Бога Отца Вседержителя, Творца видимого всего и невидимого, и в одного Господа Иисуса Христа, Слово Божье, Бога от Бога, света от света, жизнь от жизни, Сына единородного, первородного всего творения, рожденного от Бога Отца прежде всех веков, Которым все сотворено, воплотившегося ради нашего спасения и пожившего между людьми, восшедшего к Отцу и имеющего прийти судить живых и мертвых. Верую также и в одного Святого Духа.

Сравнивая приведенные выше тексты, невольно ловишь себя на простой мысли, что они сформулированы строго в соответствии со способностью их авторов к умозрительным обобщениям. Скажем, кто-то, охватывая мысленным взором мироздание, отличается лишь простым перечислением всего самого заметного, а кто-то, мысленно расширяя границы мира, включает в него и все невидимое (незнаемое). Это первое. Второе же состоит в том, что кто-то лишь весьма сухо обозначает, скажем, Бога Отца Вседержителя, а кто-то, увлекаясь, скорее всего, полемикой с невидимыми оппонентами, еще дополнительно

подчеркивает исключительную истинность названного им Бога. В отношении Иисуса Христа мы также можем наблюдать здесь заметное разнообразие. В частности, кто-то весьма кратко называет Его Сыном Божьим, а кто-то — широко и многокрасочно, как, например, «Бога от Бога, света от света, жизнь от жизни». И далее, одни указывают, скажем, на распятие, погребение Иисуса Христа, другие же описывают весьма общо — «пожившего между людьми». Ну и самое что ни на есть потрясающее в обозреваемом материале оказывается то, что Духа Святого некоторые составители Символа веры и не вспоминают вовсе.

Таким образом, поводов для исследования современного (можно даже сказать с учетом перевода — все-таки канонического) текста Символа Веры оказывается более чем достаточно. Но прежде приведем сам текст Символа Веры на русском языке (Объяснение Символа Веры / Составитель А. Баранов. М.: Образ, 2006):

Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечивша. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца.

И в Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима, глаголющаго пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь.

Сначала зададимся вопросом о значении (смысле) словосочетания «Символ Веры». Или попытаемся понять: нет ли в самом данном словосочетании очевидного противоречия? Для этого прочитаем последнее с сущностной точки зрения. Так, слово «символ» с сущностной точки зрения означает нечто характерное, имеющее в себе свернутое содержание какой-либо идеи или понятия. Теперь о сущностном значении слова «вера». В данном случае следует, вероятно, под ним понимать устойчивое убеждение в истинности чего-либо без наличия какой-либо возможности доказывания его справедливости. В результате смыслового суммирования содержания первого слова со вторым получаем: Символ Веры — это нечто характерное, имеющее в себе **свернутое** содержание устойчивого убеждения в истинности... В итоге осмысления последнего получилось нечто не совсем понятное. Почему? Да потому, что свернутое не означает, например, краткое. А кроме того, нет ясного указания на объект верования, то есть нет указания, скажем, на Бога. Поэтому рассмотренное выше словосочетание само по себе нельзя признать вполне удачным. В этом отношении более удачным следует признать латинское обозначение того же самого содержания как Кredo, которое само по себе уже означает личные убеждения, основы мировоззрения. Иначе говоря, краткое изложение содержания личного убеждения более уместно в рассматриваемом нами случае, чем разговор о свернутом содержании собственного верования. Но идем далее.

Примененное в начале второго абзаца словосочетание «во единого», мягко говоря, удивляет избыточностью. Неужели возможно, например, «во многого»? Затем весьма странное суждение «от Отца рожденного». Почему так? Да потому, что грамотно следовало бы сказать «Отцом рожденного». В противном случае возникает смысловая неопределенность, состоящая в том, что Отец в акте рождения Сына не самостоятелен, а значит, еще кто-то неведомый и непременно задействованный в самом акте рождения Сына остается попросту сокрытым от осознания. Если же в данном случае соучастником рождения Сына является Он сам, то тогда начинает исчезать сам смысл акта Его

рождения, а ежели это лишь процесс Его рождения, то тогда сам Сын так еще и не родился что ли? Ну и тут же, как говорится, «к слову уже сказанному» привлекает внимание словосочетание «Имже вся быша». Странно это, ведь все-таки понятие Сына никак не тождественно понятию Отца. В противном же случае непонятно: а зачем используются два понятия вместо одного, если они, по мнению авторов Символа Веры, есть все-таки нечто одно?

Теперь привлекает внимание такая фраза: «Распятого же за ны». Почему? Да потому, что грамотно следовало бы сказать иначе: «Распятого ради ны». Последняя претензия мотивируется так: если Иисус был подвергнут распятию за нас или вместо нас, то в чем тогда «наша» вина перед Пилатом и его союзниками и почему не «нас» все-таки распяли? Если же Иисус Христос пожертвовал собой ради, скажем, нашего прозрения, то тогда так и следовало бы говорить. Далее обращает на себя внимание фраза: «по Писанием». Спрашивается: а зачем она? Если она строго подчеркивает (освящает) воскрешение Христа как воскрешение вполне законное, то подобное дополнение также вполне естественно удивляет. Почему? Да потому, что подобных (сопоставимых) воскрешений и нет вовсе, а значит, в освящении означенное выше никак не нуждается. Если же кто-то таким нескромным образом желает придать дополнительно легитимный вид самому Писанию, то это уже становится своего рода политико-идеологическим актом, что никак не прибавляет авторитета самой христианской вере.

Рассмотрим еще следующее словосочетание: «седаща одесную Отца». Ежели, как мы помним, Отец и Сын есть одно, то последнее «сидение» становится каким-то странным представлением, так как оно своим неотъемлемым смыслом все-таки их разделяет между собой, а значит, их отождествление попросту невозможно.

Переходим к следующему изречению Символа Веры: «Егоже Царствию не будет конца». Во-первых, любопытно: а это кто так решил, сам Иисус Христос, что ли? Во-вторых, а зачем Ему вообще подобное беспокойство, ведь Он есть лик Божий и земные хлопоты о протяженности Его Царства для Него же вряд ли вообще уместны? Ежели это, как водится, инициатива «снизу», то она явно грешной суетой таки отдаст. Видимо, действительно справедливы слова: дай кому-либо свободу высказывания, и вся его дурь сама собой наружу выйдет. Впрочем, не будем насмеиваться, лучше посмотрим на такое: «Господа животворящаго, Иже от Отца исходящаго». Получается, что Дух Святой есть Господь, живое творящий, и от Отца еще исходит. Странно это. Ведь либо Дух сам по себе живое творит, либо Отец посредством Духа названное совершает. Иначе же получается, что Дух посредством собственного (самочинного) исхождения от Отца творит живое, тогда как Отец при этом оказывается в совсем пассивной позиции, что, понятное дело, совсем уж неуместным для Него становится. Завершая, вероятно, следует заметить, что авторы сего отрывка явно запутались.

И наконец, еще одно место из известного текста: «Во единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Что ж, подобная вера есть вера фактически, в конце концов, «в себя любимую». Почему? Да потому, что, составляя ее (Церкви) некоторую часть, носитель подобного взгляда сам себе заявляет, что уж он-то точно непорочен, так как уже принадлежит вполне непогрешимому объединению верующих. Ежели названное выше объединение верующих не вполне входит в понятие упомянутой Церкви, то тогда не совсем понятно, о чем таком, собственно, идет речь? Если же оно входит, то разве возникающая при этом вполне очевидная погрешимость самой Церкви позволяет в нее верить? Другими словами, на круг мы имеем: либо вера в Церковь (вероятно, в небесную) без земных верующих, либо вера в земную Церковь или вера в Церковь со всеми ее наличными прегрешениями. Но будет ли подобное верным? Вряд ли.

Обобщая сформулированное выше, вероятно, следует заметить, что авторы Символа Веры во время его написания, скорее всего, ставили перед собой задачу полного снятия критической составляющей восприятия у каждого возможного кандидата на вступление в общину верующих, дабы получить в их лице впоследствии вполне послушных прихожан,

никак не способных к какому-либо самостоятельному размышлению о сути их веры. Честно ли это? Вероятно, что нет.

10 августа 2006 года
Санкт-Петербург

О природе неизбежной уязвимости современной политики и современного мира

*Ваше поведение к вам возвратится, или воздаяние
всегда
соразмерно как за содеянное, так и за несодеянное.*

Разгар лета 2006 года. С одной стороны, военные события в Афганистане, Ираке, Ливане, с другой — помпезная ликвидация (спланированное официально убийство) Ш. Басаева в Ингушетии, разоблачение попытки массового подрыва авиалайнеров в Лондоне. Что же происходит в нынешней политической жизни такое уж особенное, что подобные события все-таки стали возможны? Нам чуть ли не ежедневно рассказывают о всемирной борьбе с терроризмом — якобы главной проблемой современного человечества. Но каковы причины подобного состояния мировых дел? Неужели террористы есть некое отдельно стоящее абсолютное зло, а не очевидное производное от действий заправил мировой политики? Честный ответ, конечно же, указывает на то, что принципы политики начала XXI века очевидно уязвимы, а значит, именно они и вызывают фактически с математической точностью к жизни известные масштабные террористические атаки. Но каковы же эти базовые ценности? Ныне в эпоху расцвета всемирной диктатуры прагматизма или мирового рынка имеет место тотальная борьба за прибыль или попросту открыто господствует неудержимое стремление к наживе всеми доступными средствами. Кто-то, вероятно, заметит: ну и что тут такого уж особенного? И действительно, внешне как бы ничего страшного и не происходит, а значит, переживать-то, собственно, и не о чем. Иначе говоря, мир озабочен приумножением и сохранением земных удобств и ничего такого уж прискорбного он и не совершает вовсе, в крайнем случае, лишь «громит» дремучих террористов. Но почему же в мире появляются вдруг совсем не согласные с провозглашаемым и утверждаемым сегодня миропорядком? Что не так? А не так то, что навязываемая всем без исключения парадигма жизни превращает самого человека в расходный материал для установившегося рынка. Другими словами, названный рынок становится всемирным «монстром», готовым поглотить все и вся. Может ли подобное положение дел не встретить сопротивления? Вряд ли. Причем само упомянутое сопротивление будет по своему духу вполне сродни самому рыночному хозяйству. Или оно неизбежно организуется как своего рода новый бизнес, ведущий свои дела вполне рентабельно, а значит, с прибылью. Да, оно, конечно же, противозаконно. Но, с другой стороны, разве господствующие законы есть продукт праведной жизни? Нет и нет, а значит, ничего такого страшного и не будет, даже если эти законы попрасть. И потом, живая человеческая душа попросту томится в мире открытого чистогана и банковских карточек, или она же фактически умирает в нем окончательно, или ни за что не может смириться с мыслью, что земное преуспевание по умолчанию считается завершенным смыслом всей и каждой человеческой жизни. Обобщая сказанное выше, вполне возможно сформулировать допущение, что принцип тотального господства выгоды или наживы не может ни быть, во-первых, агрессивным, во-вторых, не может ни вызывать своим существованием естественного сопротивления себе же самому из самого себя же. Почему? Да просто потому, что погоня за выгодой фактически неумолимо делает человека бесчестным (бесстыдным), а значит, в отношении его тем самым с его же помощью уже вполне допускается в том числе любое насильственное действие, и его же

непосредственным исполнителем оно будет считаться вполне справедливым. Поэтому в рыночном обществе террористические атаки со временем будут лишь нарастать как количественно, так и качественно и ничто (подчеркнем особо — ничто) в нем самом не сможет этому противостоять вполне эффективно.

Завершая настоящее короткое размышление, вероятно, следует также заметить, что принцип господства корысти в мире современной политики неизбежно будет порождать и далее из самого себя же названный выше терроризм либо, наконец, войну как признак собственного фундаментального противоречия, с одной стороны, и, с другой — как предпосылку для последующей собственной полной замены.

13 августа 2006 года
Санкт-Петербург

Слово «ересь» как нераспознанный смысл в истории человечества

Автор настоящего текста пробует в нем доказывать, что вся известная ныне история человечества сплошь и рядом состоит из зарождения и распространения в ней ересей, превращавшихся впоследствии в господствующие какой-то значительный период времени своего рода новые идеологемы, неизбежно сменяющиеся по прошествии времени на иные посредством вновь возникающих ересей. Почему вдруг такое допущение вообще стало возможным? А всего лишь потому, что подлинное (исходное) значение слова «ересь» до сих пор так и остается нераспознанным. Впрочем, разберем заявленное выше не спеша, по порядку. Для этого воспользуемся Историко-этимологическим словарем современного русского языка П. Я. Черных. В нем напротив слова «ересь» находим сначала такое: «религиозное учение, враждебное господствующей религии, противоречащее церковным догматам»; «отступление, отклонение от того, что считается общепринятым»; «вздор», «чепуха». Как видим, изначально ересь была связана с религиозной сферой жизни. С другой стороны, «отступление, отклонение от того, что считается общепринятым» делает ересь более обширным понятием или делает ее актуальной буквально во всей сфере социальной жизни человечества, а значит, и во всей истории последнего. Но кто-то, возможно, также отметит еще и то, что ересь как «вздор» и «чепуха», сопровождая всю историю человечества, никогда и нигде не становилась в ней определяющей. Что ж, вероятно, и это так. Но посмотрим вновь в словарь П. Я. Черных. В нем напротив слова «ересь» мы находим дополнительно еще такое: слова «ересь», «еретик» пришли в современный русский через старославянский из греческого, в котором имели исходными значения: «выбор», «замысел», «образ мыслей», «секта». Таким образом, получается, что сама ересь посредством «выбирания» чего-то из чего-то и объявления лишь выбранного легитимным и образует исходное или фундаментальное значение исследуемого слова. Но тогда сделанное в начале настоящей заметки допущение о глобальной роли самого понятия ереси в истории человечества становится вполне обоснованным, так как на базе уже выведенного выше значения очевидно получается, что она (ересь), подвергая господствующие исторические идеологемы ревизии, регулярно и «обрушивала» все последние. Другими словами, ересь как своего рода универсальный мировоззренческий механизм самой истории так или иначе, рано или поздно разоблачала смысловую несостоятельность всех когда-либо господствовавших в ней идеологем либо как вполне превратных, либо как очевидно неполных идейных конструкций.

Завершая настоящую короткую заметку, автор еще раз отмечает, что ересь на самом деле никогда не означала то, что ей исторически было принято приписывать, например, порчу чего-то вполне безупречного, наоборот, именно ее наличие всегда указывало на идейное несовершенство чего-либо, уже заявленного в качестве панацеи и очень долго господствовавшего в умах значительной части человечества.

**Является ли переход от обществоведения
к обществознанию свидетельством
успешного развития гуманитарного знания
в современной России?**

*Все, что ни на есть, смыслом своим
вполне укладывается в тексты!*

*В предшествующую (советскую) эпоху в образовательной системе СССР существовала и развивалась длительное время учебная дисциплина под названием «обществоведение». Тогда же существовало и весьма активно действовало Общество «Знание». В названной дисциплине присутствовало выраженное целостное представление, с одной стороны, о наличном в то время социальном устройстве, с другой — в ней же была весьма внятно сформулирована мировоззренческая позиция с установкой на ее признание единственно верной, правильной. Но, как показала история страны Советов, авторы или разработчики рассматриваемой дисциплины, в конце концов, оказались неправы в оценке собственной мировоззренческой позиции. Почему так? Это уже отдельный вопрос, и он не является темой настоящего краткого исследования. В дальнейшем, с формированием современной демократической России, появилась дисциплина под названием «обществознание». Если в первой дисциплине речь шла фактически о «ведении» (подготовке) всех учащихся к их включению в существовавшее тогда социалистическое общество, то уже во второй — речь идет о «познании» ими (учащимися) самого общества, в котором им предстоит жить и работать. Причем в последнем случае имеется небольшая, но существенная «оговорочка»: **«обществознание не может “похвастаться” наличием совершенно определенных объективных знаний о своем предмете»** (Нижников С. А. Обществознание: учебник. М.: Проспект, 2006). И далее там же читаем такое: «здесь нет раз и навсегда установленной истины», «трудно найти в истории развития общества хоть один такой факт, в интерпретации которого мнения всех обществоведов (читай: специалистов по обществознанию. — А. М.) совпадали бы». Как видим, само обществознание на деле является всего лишь неким собранием господствующих в гуманитарной образовательной среде мнений по поводу общества и особенностей его развития. Странно это. А как же тогда воспринимать включенное в название дисциплины слово «знание»? Как насмешку, что ли? А может быть, обществознание на круг и ничего другого в себе и не содержит вовсе? Да и в самом деле, разве все общество как целое может обладать тотально знанием, а не лишь иллюзией последнего? Наличный опыт говорит: нет и еще раз нет. Но тогда название «обществознание» не вполне соответствует собственной приведенной выше самооценке. Хорошо, пусть так. Но будет ли замена обществоведения обществознанием шагом вперед? Давайте разбираться. Для этого вновь обратимся к содержанию учебника С. А. Нижникова. В частности, в разделе «Смысл жизни и его поиски» автор учебника указывает следующее:*

«В истории духовной культуры человечества сформировалось несколько мировоззренческих типов смысла жизни, представляющих собой определенные концепции. Укажем их:

- религиозный, его иногда определяют как аскетический;*
- стоический (вера в судьбу и мужественное перенесение ударов);*
- гедонистический, как извращенный эпикуреизм (следование чувственным удовольствиям);*

— действенно-гуманистический, или категорически-императивный, свойственный для светской культуры, в которой долг и личность должны рассматриваться как цель (И. Кант).

Смысл жизни логически может видеться также с трех точек зрения:

а) как запредельный жизни (религиозный, метафизический — над жизнью (трансцендентный));

б) как создающийся самим субъектом (атеистический и экзистенциальный) — в субъекте (имманентный ему);

в) как изначально присущий жизни в ее глубинных основах — в самой жизни (пантеистический)».

Казалось бы, С. А. Нижников «накрыл» сформулированным выше все возможные ответы на вопрос о смысле жизни человека, в том числе, видимо, и правильные. Но разве подобное вообще возможно? Иначе говоря, разве знающий правильный ответ на поставленный вопрос будет еще дополнительно к нему присовокуплять и «не совсем правильные»? Впрочем, процитируем дополнительно еще такое:

«Однако невозможно остановиться только на каком-либо одном утверждении, ибо оно будет выглядеть односторонним. Выбор не может быть сделан в рамках “или-или”, так как своя истина есть во всех трех вариантах решения проблемы смысла жизни. Мы можем развести их лишь логически, но, сущностно рассматривая противоположные суждения, можно прийти к выводу, что они говорят об одной истине, но освещают ее с различных сторон. Смысл жизни одновременно и в самой жизни, и вне ее; он одновременно имманентен и трансцендентен человеку и жизни, он как создается человеком, так и изначально ему присущ. Такова смысложизненная диалектика».

А это уже вполне отчетливая позиция специалиста по обществознанию, причем позиция вполне основополагающая. Оценим ее. Другими словами, автор учебника внушает своим учащимся, что смысл их жизни только сразу во всем (во всех подходах), и никак иначе. Но разве возможно сразу двигаться в разные стороны? Нет, конечно же, нет, а значит, будет либо движение в какую-либо из названных выше сторон, либо не будет его вообще. Впрочем, последнее уже будет сродни смерти. И потом, что это за «решение проблемы смысла жизни»? Сказано так, что как будто бы что-то в человеческой жизни еще может охватывать собой сам искомый смысл. Странно. Но процитируем для полноты обзораемой картины еще такой фрагмент:

«Высшая мораль требует от человека не только воздерживаться от зла, но и творить благо. Если человек духовно развивается, то смысл жизни у него с материальной сферы переносится в духовную. Он, безусловно, связывается с гуманизмом, будь то религиозным или светским. Смысл жизни человека — во всесторонней самореализации, разворачивании собственной сущности, что неизбежно связано помощью окружающим людям и любовью ко всему сущему. Зло отдаляет человека от собственной сущности, а значит, и от смысла. Жизнь в этом случае не приносит удовлетворения, ибо лишена высшего смысла. Напротив, осознанное и деятельное добро производит в душе человека великую радость, а жизнь наполняет глубочайшим смыслом».

Ну вот, теперь, кажется, и все. Другими словами, выстроенная самим автором учебника «ловушка» окончательно захлопнулась. Почему так? Давайте разбираться. Во-первых, удивляет разговор о «высшей морали» и о «высшем» либо «глубочайшем» смысле жизни, ведь такое возможно лишь по недоразумению, так как смысл жизни не может иметь степеней, из-за которых он попросту «размывается». Во-вторых, что это за перенос смысла жизни «с материальной сферы на духовную», ведь смысл жизни вряд ли находится в конкретной человеческой обители? Другими словами, нет отдельного смысла жизни для материального (телесного) бытия человека, как также невозможно отдельного смысла жизни и для его духовного поприща. В-третьих, почему вдруг именно гуманизм становится «во главу угла» понятия смысла жизни человека, ведь в таком случае человек неизбежно скатывается к тотальному прославлению лишь себя самого? В-четвертых, а

разве всесторонняя самореализация или развертывание собственной сущности и есть смысл жизни каждого из нас, ведь в таком случае вновь возникает либо своего рода всеядность, либо, простите, даже наше же собственное душевное уродство? В-пятых, разве зло способно отдалить смысл жизни человека, ведь в таком случае все разговоры о нем (смысле) давно бы уже и окончательно иссякли? Обобщая все, изложенное выше, вполне твердо следует заявить, что обществознание (как и его предшественник — обществоведение) не имеет в себе главного, что фактически превращает все его содержимое либо во вполне вредное дело, либо в нечто малосущественное или пустое. Впрочем, кто-то, вероятно, возразит, что все-таки обществознание очевидно озабочено поиском упомянутого смысла жизни человека, а значит, оно в целом все равно приносит благо! Что ж, это, конечно, так, но, с другой стороны, следует также присмотреться: а к чему эта наука низводит рассматриваемые поиски? Для этого процитируем следующий пассаж:

«Утверждение высшего смысла своего существования является для человечества в целом и для каждого отдельного человека одним из необходимых условий возможности элементарного самосохранения».

Но тогда, как ни крути, получается, что обществознание попросту «продает» человеку его же смысл жизни как некое выгодное ему благо, что ли? Или еще такое наставление:

«Поиски смысла жизни не должны превращаться в самоцель, заслоняющую собой саму жизнь. В ином случае будет верным высказывание: “Ничто так не укорачивает жизнь, как поиски ее смысла”».

Другими словами, не увлекайтесь сильно поиском смысла жизни, делайте это в меру, что ли? В таком случае очевидно, что сам смысл жизни человека не так уж, собственно, и важен для него. С другой стороны, уже звучит освященное авторитетом Н. А. Бердяева нечто иное, но не менее странное:

«...пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящаю жизнь этому исканию смысла».

Так и хочется воскликнуть: ну и мастера уходить от самого существа известного вопроса! Но как же в таком случае выглядит правильное восприятие смысла жизни человека? Вероятно, так. Смысл жизни человека начинается со значения слова «смысл». Без точного понимания содержания последнего все рассматриваемое словосочетание попросту «зависает». С сущностной точки зрения слово «смысл» — это не содержание, и не значение, и даже не разум, как считают лингвисты. Смысл — это образ причины, причем образ в его самом общем виде. Иначе говоря, изображение причины и есть смысл, или причина может быть только наглядной, а наглядность причины и образует сам искомый смысл. Поэтому грамотно вопрошать не «в чем смысл жизни?», а «каков смысл жизни?» Теперь и к ответу на главное вполне возможно перейти. Правильным ответом на поставленный выше вопрос представляется лишь нижеследующий. Образ святого (благодатного

по В. И. Далю) человека, который постигает, по любви своей, веру и истину; цель его — царство Божие, закон — духовное чутье, искушения он презирает... и может составить исчерпывающий смысл жизни человека. В крайнем случае, возможно еще вести речь об образе человека (духовного по В. И. Далю), который по вере своей, в добре и истине; цель его — вечность, закон — совесть, в искусе побеждает... Другими словами, сознательно не стремясь к праведной жизни и не достигая ее ему посильных плодов, человек фактически уклоняется от собственного предназначения, а значит, вполне очевидно погубляет собственную бессмертную душу. При этом сама по себе праведность не позволяет человеку полностью уклоняться от общественного служения, а значит, вынуждает его же так или иначе внятно участвовать в низложении социально-политической практики поощрения греха и греховной жизни. Теперь о «деятельном добре» отцов обществознания. Слово «добро» с сущностной точки зрения означает творение красоты правды, разумной пользы и неперенного преобразования человечества. Поэтому учителя от обществознания и впадают в прелесть (иллюзию) знания добра как конкретной помощи, которую вполне

могут оказывать людям как подлечы, так и злодеи. В результате представители общественнознания фактически все без какого-либо исключения и попадают в недостойное серьезного человека услужение политическим мошенникам всех мастей и оттенков.

Завершая настоящую статью, ее автор полагает, что вполне ясно доказал ту простую истину, что сам по себе переход от обществоведения к общественнознанию никак не является свидетельством вполне успешного развития гуманитарного знания в современной России; наоборот, сам этот переход представляется замаскированным сознательным отходом от истины и может по сути своей оказаться еще большим злом для нашего Отечества.

20 августа 2006 года
Санкт-Петербург

Что отличает образ от понятия о нем?

Сначала подумаем над тем, а зачем подобное вообще нужно знать человеку? Вероятно, что за уяснением сформулированного в заголовке стоит нечто весьма значительное и основательное. Но, собственно, что же? А скорее всего то, что уже правильный ответ позволит человеку уверенно отличать нечто реально существующее от только ему кажущегося. Другими словами, подобное знание позволит не путать объективно существующее всего лишь с весьма приблизительным представлением о нем же. Но позвольте, а разве подобное человеку по силам, ведь он по природе своей субъективен, а значит, все его усилия постичь объективное и вовсе напрасны? Да, с одной стороны, это так, с другой же — не совсем. И вот почему. Человеку также природой, а еще точнее — Богом, предоставлена возможность к умозрительным обобщениям. И здесь уже каждый из нас может быть как успешным, так и не очень. Поэтому обучение подобному делу вполне может пойти на пользу всем.

Теперь перейдем к существу поставленного вопроса. Во-первых, уясним значение слова «образ». С сущностной точки зрения образ — это то, что составляет суть познаваемого. Кто-то, вероятно, возразит, а почему это вдруг именно так? Давайте разбираться. В словаре русского языка исследуемое слово представлено следующими значениями: мысленно воспроизводимый облик того или другого человека (или предмета, явления и т. д.); воплощение в конкретно чувственной форме представлений художника о действительности; тип, характер, созданный писателем, художником, артистом; икона. Кроме того, старшее общеславянское значение исследуемого слова — «нечто, получившее (новый) облик или определенный вид». Другими словами, получается, что ОБРАЗ может быть умозрительным и проявленным. Или ему (образу) для своего бытия нужен разум, способный к его восприятию, и, наоборот, разуму для собственного осознания, а значит, и для собственного бытия необходим также образ как нечто внешнее, позволяющее самому разуму существовать. Перефразируя последнее, получаем: познаваемому — познаватель, а познавателю — все познаваемое. Но тогда и становится возможным сформулированное выше определение взятого в рассмотрение слова. Впрочем, для полноты картины рассмотрим еще значение слова «суть». Последнее с сущностной точки зрения может быть представлено как главное, имеющее потенциал развития и располагающееся внутри кого-чего-либо. Почему так? В словаре исследуемое слово имеет следующие значения: сущность, существо, самость, основание, самое главное, важное в деле; зерно, ядро, нутро. Если отталкиваться от того, что сущность — это главное в ком-чем-либо, то содержание понятия сути, вероятно, будет чем-то напоминать названное значение. Однако схожесть никак не тождественность, а посему двинемся далее. Сначала посмотрим значения слов ЗЕРНО, ЯДРО, НУТРО. Так (по словарю), зерно — это крупинка, кроха, мелкая частица чего-то, целое крошечных размеров, семячко растения. В свою очередь, ядро — это недро, самая середка внутри чего-либо или срединная глубь. И наконец, нутро — это внутренность, внутренняя часть чего; внутри либо в глубине находящийся; полость в чем-либо; простор, пространство, в чем-либо заключенное.

Теперь попробуем обобщить последнее. Если зерно легко «упирается» своим смыслом в целое крошечных размеров, имеющее потенциал развития, то ядро уже можно представить как центр того же зерна. И в завершение изучаемого ряда из трех понятий: нутро — это то, что заключено в самой глубине чего-либо. Поэтому, обобщая все предшествующее, и получаем сформулированный выше смысл слова «суть». Далее соединяем значения слов «образ» и «суть». В результате имеем: образ — это то, что составляет главное, имеющее потенциал развития и располагающееся внутри познаваемого.

Но вернемся к вопросу заголовка настоящего исследования. В частности, рассмотрим еще значение слова «понятие». С сущностной точки зрения оно может быть представлено следующим значением: логически расчлененная общая мысль о чем-нибудь, включающая в себя представление, осведомленность, способ понимания и даже саму способность понимания, содержащая в себе ряд взаимосвязанных признаков. Теперь как раз, вероятно, впору переходить к ответу на поставленный в заголовке данного текста вопрос: что отличает образ от понятия о нем? Для этого сначала попробуем обнаружить значение словосочетания «понятие образа». Его, после соединения выше уже найденного, возможно выразить так:

логически расчлененная общая мысль о том, что составляет главное, имеющее потенциал развития и располагающееся внутри познаваемого, включающая в себя представление, опосредованное личным способом понимания, и содержащая в себе ряд взаимосвязанных признаков.

Что ж, получилось несколько длинновато, зато вполне доступно пониманию в качестве целого. И, завершая настоящее исследование, перейдем к непосредственному сравнению образа как чего-то, что составляет главное, имеющее еще потенциал развития и располагающееся внутри познаваемого с понятием образа как логически расчлененной общей мысли о том, что непременно составляет главное, имеющее потенциал развития и располагающееся внутри нами познаваемого, включающей в себя представление, опосредованное личным способом понимания, и содержащей в себе некий ряд взаимосвязанных признаков. Как видим, второе составное понятие как бы обрамляет собою первое и очевидно не составное. Это первое. Второе и главное отличие состоит в том, что сам образ, во-первых, во втором случае вполне трансформируется из самого себя в мысль о себе; во-вторых, он претерпевает известное изменение посредством замены себя самого представлением о себе, возникающем благодаря действию имеющегося способа понимания; в-третьих, он фактически получает для себя достаточно условное выражение посредством наложения на представление о нем ряда взаимосвязанных признаков. Таким образом, образ от понятия о нем отличается:

замещение его самого мысленным представлением о нем, получаемым на основе личного способа понимания, попутно детерминированного достаточно условным выражением его же (образа) сути посредством своего рода наложения на обозначенное выше представление ряда взаимосвязанных признаков.

Другими словами, образ уже в понятии о себе самом непременно трансформируется в логически расчлененную мысль, рождающую особым способом понимания представление о нем же самом, «накрытое сверху» своего рода достаточно условной «сетью» ряда взаимосвязанных признаков. В результате в понятии об образе, строго говоря, он сам лишь только угадывается в своего рода отображении самого себя с разной степенью достоверности в зависимости от качества получаемого названного выше отображения в контексте личной степени точности и степени подробности присваиваемого ему ряда взаимосвязанных признаков.

21 августа 2006 года
Санкт-Петербург

Подлинное искусство как «искусство для народа» или как «искусство для искусства»?

*Подлинный художник всегда творит честно,
подлинный ценитель готового произведения всегда
соучастник названного творчества...*

Поставленный в заголовке настоящего текста вопрос его автору представляется вопросом фундаментальным или вопросом, абсолютно насущным для каждого человека. В нем сосредоточена, если хотите, возможность постижения смысла человеческой жизни. Почему так? Да хотя бы потому, что лишь в акте творчества каждый из нас способен возвыситься над собою же, а значит, способен взойти туда, где наше спасение, где царствует Божья благодать. Поэтому и попробуем внести ясность во внесенную повестку разговора. Для начала воспользуемся в связи с сформулированным выше вопросом позицией обществознания (Нижников С. А. Обществознание: учебник. М.: Проспект, 2006):

«Нельзя духовную сферу человека и общества рассматривать по аналогии с материальной, которая несамодостаточна и реализует телесные потребности человека. Строительства, например, не может быть и не должно быть ради строительства, а ради нужд человека. Совсем иначе в духовной сфере, ибо она уже изначально в человеке и для человека, поэтому чем она более автономна, тем в большей степени она служит человеку и обществу. В этой связи лозунг «искусство для народа» равносителен его уничтожению. Не зря он господствовал в тоталитарных режимах и идеологизированных обществах. На деле искусство в этом случае превращается в служебный механизм власти, которая стремится использовать его по своему назначению — для самообоснования и самоподдержания властвования. В этом случае истинное искусство подавляется, а легальное — вырождается».

Любопытно получилось, не правда ли? С одной стороны, автор завыченного текста против того, чтобы искусство служило народу, с другой — голосует за то, чтобы оно же служило некому человеку и некому же обществу. Но тогда, вероятно, следует вести речь о корпоративном искусстве, что ли? Здорово, да? Не отсюда ли и двойные стандарты возникают в поведении многих? Иначе говоря, под воздействием таких наставлений мы незатейливо делим всех людей на простых и «великих». Но посмотрим, что еще нам предлагается принять в качестве «правильного» в связи с затронутым:

«В итоге получается все наоборот: когда мы говорим “искусство ради искусства”, то призываем его к разворачиванию собственных потенций, а людей искусства — к самореализации. Поэтому только в этом случае мы действительно обретаем “искусство для народа”. Если же начинать с лозунга “искусство для народа”, то уничтожается внутренний творческий побудительный мотив, и в итоге не оказывается искусства, и тем более оно не служит народу, а служит тоталитарной власти, превращается в “искусство для власти”».

Странный текст, не так ли? С одной стороны, получается, что искусство в недемократических странах якобы полностью исчезает, с другой — оно же начинает вдруг служить ненародной власти. Но разве возможно искусство для власти без участия народа? Нет и нет, а значит, речь вовсе не о том, чтобы делить искусство на «искусство для власти» и на искусство для то ли человека, то ли общества, то ли, в конце концов, народа. Речь должна идти всего лишь о признаках подлинного искусства и о его же подлинном назначении в истории народов и человечества в целом. Если же искусство возвышает человека, делает его честным, свободным от служения земным страстям, то тогда оно вполне заслуживает уважения к себе, если же оно обольщает человека, разжигает в нем похоти и стимулирует в нем гордыню, то такое искусство, конечно же, становится в ряд соблазнов, прелестей и иных бед человеческих. Другими словами, если искусство не ведет, в конце концов, человека к праведности, то оно же развращает и погубляет его душу.

Последнее, в свою очередь, указывает нам на то, что «искусство для искусства» есть форма сокрытия его сути. Или, строго говоря, следует заметить, что в названной выше формуле на самом деле и скрывается попытка протаскивания в мир на правах добра и правды зла и неправды. Почему? Для ответа на последний вопрос сначала процитируем еще один фрагмент из учебника С. А. Нижникова:

«Необходимо также отметить, что истинное искусство всегда элитарно. Это совсем не значит, что произведения искусства могут создавать лишь избранные натуры (Шопенгауэр), так же как и понимать его. Совершенно нет! Истинное искусство, так же как сущность религии и философии, открыто для всех и создается для всех. Духовная истина не может быть скрываемая, превращаться в секрет и не носит избирательного характера. Она доступна всем, однако не все хотят к ней приобщаться. Искусство — это подарок духа. Оно дарится и должно дариться всем и каждому бесплатно и безвозмездно. Но человек настолько искажен и испорчен, что не хочет, не готов принять этот дар. В созидующую искусство и его понимающую элиту поэтому приходят лишь те, кто хочет! Приобщение к духовности — дело добровольное».

Во как, ну не хотят народные массы приобщаться подлинному искусству, и все тут! Что сказать в связи с заявленной позицией? А может быть, дело в том, что у них (народных масс) образования соответствующего нет или помянутое выше подлинное искусство таковым и не является вовсе? Да нет, ничего-то вы и не понимаете, господин критик:

«Но человек бежит от свободы (Э. Фромм), ибо она несет с собой ответственность; убегает от красоты, ибо она обнаруживает его безобразие; прячется от веры, ибо она вскрывает его несовершенство и противоположность духовному идеалу; не стремится мыслить и философствовать, ибо это трудно; избегает истины, ибо она открывает ложь его существования».

Ну, теперь ясно. Оказывается, что элита, во-первых, ответственна, во-вторых, красива, в-третьих, праведна, в-четвертых, мудра, в-пятых, является носителем истины. А что, здорово получилось: не элита — а прямо-таки райские кущи на матушке земле. Если же говорить всерьез, то смех и грех. Но в чем причина сего очевидного конфуза? А как раз в том, что преобладание в элитарном искусстве лукавства под видом мудрости, прелести и соблазна под видом красоты, лжи вместо правды и создают известную лжеэлику, живущую своими избранными похотями и пребывающую в иллюзии постигнутого смысла жизни.

Завершая настоящий небольшой очерк, вероятно, следует еще раз заметить, что противопоставление тезисов «искусство для народа» и «искусство для искусства» есть противопоставление лукавое, так как подлинное искусство — это всегда «искусство для людей», тогда как псевдоискусство ради своего существования и вынуждено посредством инициации подобных никчемных споров вести нескончаемую борьбу то с неудобной лично ему властью, то с «глупым» мнением якобы бездарных народных масс.

24 августа 2006 года
Санкт-Петербург

Почему только вера в Бога является источником морали?

И. Кант в работе «Религия в пределах только разума» приводит светское (читай: атеистическое. — А. М.) обоснование морали: «Мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но именно поэтому и связывающем себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить. ...Мораль отнюдь не нуждается в религии». Вот так. Но разве возможна для абсолютно свободного существа какая-либо мораль, ведь она же собою, очевидно, посягает

на свободу помянутого существа? Вот что получается в результате. Поэтому-то и следует рассмотреть вопрос о природе морали снова. Но что она такое сама по себе или что она такое, как говорится, в очищенном виде? Вот как ее определяет учебник обществознания С. А. Нижникова:

«Мораль относится к социальным нормам, представляет собой нормативно-регулятивную систему, определяющую взаимоотношения между людьми. Она — специфический способ упорядочения общественных отношений, не зависящий от их предметно-содержательного наполнения. Это — сфера собственно человеческих отношений. Нравственности в природе нет и быть не может, ибо в ней нет свободы, а значит, нет выбора между добром и злом. Мораль возможна лишь в условиях выбора, основанного на свободе воли... Мораль внеинституциональна, но пронизывает все общественные отношения, она может закрепляться в религии, обычаях, законах, нормах поведения и т. д. ...Моральным является лишь глубоко мотивированное поведение человека, исходящее из совести».

Что смущает, прежде всего, в данном научном представлении морали? А то, например, что упор сделан на свободе выбора. Да, с одной стороны, если свободы нет, то и говорить не о чем, с другой — сама по себе свобода выбора разве уже моральна? Иначе говоря, если кто-то свободен, то он уже и морален, что ли? Вряд ли. И потом, а разве возможна свобода от наклонностей собственной души, например? Но тогда о чем таком особо существенном умалчивает наука? А она, вероятно, молчит лишь о природе совести человеческой, предполагая сие знание не вполне существенным. Последняя же вряд ли существует по капризу или по выбору воли, а также вряд ли подчиняется ей. Но тогда именно она и есть ключ к пониманию самой сути морали! А что есть совесть сама по себе? Так, В. И. Даль в числе другого по рассматриваемому случаю указывает: совесть — это способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда в различной степени развития. Таким образом, получается, что совесть как прирожденное свойство натуры человеческой (невольная любовь к добру и к истине, прирожденная правда) не может базироваться на провозглашенной выше свободе выбора, а значит, она имеет в своем лице некий вполне сокрытый внешний источник. Простое размышление в связи с последним наблюдением непременно приводит к мысли о Боге. И потом, а разве само слово СОВЕСТЬ не подсказывает собственным смыслом, что Кто-то обращается к человеку «со (с) вестью»? Но тогда и все нормы морали, основанные на различении правды и лжи, добра и зла, не есть ли продукт сакральной и абсолютно объективной связи человека с Богом?

Завершая настоящее небольшое размышление, следует еще раз подчеркнуть, что мораль вне веры в Бога так или иначе невозможна даже теоретически, так как ее источник — совесть целиком и полностью находится вне свободы выбора или вне свободы воли человеческой. Всем же нам дан лишь выбор веры или выбор ее качества, которое и определит степень нашего согласия с нашей же совестью, а значит, и нашу моральность.

26 августа 2006 года
Санкт-Петербург

Что скрывают за словом «маргинальный» на самом деле?

В последнее время стало модным употребление в отношении малообразованных и маловлиятельных людей, претендующих на собственную заметную социальную роль, слова «маргинальный». Тем самым и социологи, и политологи, и даже психологи выражают по отношению к подобным людям некую совокупную и нелестную оценку, посредством которой названным лицам отказывается в уважительном к ним отношении и даже порой демонстрируется в их адрес полное пренебрежение. Но что нам говорят по поводу значений данного слова словари? В частности, словарь иностранных слов (актуальная лексика,

толкования, этимология), изд. «Цитадель», Москва, 1997 год, свидетельствует следующее: маргинал — человек, находящийся вне общества по социально-политическим, морально-этическим или каким-либо другим причинам (происходит от англ. *marginal* — маргинальный, находящийся на краю чего-либо, предельный, в свою очередь происходящий от позднелатинского *marginalis* — крайний, находящийся на краю, от *margo*, род. п. *marginis* — край, граница). Таким образом, получается странная картина: людей, претендующих так или иначе на заметную роль в обществе, объявляют вдруг почему-то находящимися за его пределами. Но ведь последнее очевидно неверно, так как нельзя же всерьез считать, во-первых, край чего-либо находящимся за его же пределами; во-вторых, нельзя также считать и сам факт уже сделанной заявки на влияние в обществе несуществующим, а значит, очевидно нельзя не признать его же частью жизни самого общества. В таком случае получается странное дело: вместо того чтобы разговаривать, спорить и доказывать чью-либо неправоту, его попросту объявляют маргиналом, а значит, и подробной или развернутой отповеди никак недостойным. Здорово, ничего более и не скажешь! Подобная спесь и высокомерие ныне господствующей научной общественности ничего, кроме горечи, конечно же, вызвать никак не может. И потом, указанное поведение все равно выходит, в конце концов, боком и самому обществу, легковесно передоверившему очень важные социально-политические решения подобным, с позволения сказать, ученым.

Завершая настоящее размышление, его автор все-таки полагает, что распространенное ныне употребление слова «маргинальный» сродни традициям «блатного мира», в котором открыто царят неприязнь и пренебрежение к слабым и невлиятельным. Последняя печальная привычка, кроме всего, свидетельствует о еще том, что господствующая ныне псевдонаучная общественность на самом деле является всего лишь носителем малоосвоенного ею же багажа знаний.

27 августа 2006 года
Санкт-Петербург

Что означает слово «интеллигент» на самом деле?

28 августа 2006 года в эфире радио «Свобода» состоялась передача, посвященная вопросу возможности сочетания в одном лице интеллигентности и материального богатства. Ведущая часовой программы и ее гость попытались решить дилемму: может ли быть интеллигентный человек одновременно и богачом? Гость радиопрограммы долго и настойчиво внушал своей собеседнице, что интеллигент, прежде всего, интересуется творчеством, духовными проблемами, а значит, для ведения успешного и тем более большого бизнеса у него попросту не остается ни времени, ни сил. Но, в конце концов, он все-таки уступил напору ведущей программы и признал, что иногда творческая или духовная жизнь может вполне сочетаться с возможностью или способностью обретения «больших» денег.

Но попробуем, в свою очередь, разобраться и понять, какой же смысл кроется в рассматриваемом слове. Для этого возьмем в руки Историко-этимологический словарь современного русского языка П. Я. Черных. В нем мы находим исследуемое слово «интеллигенция», которое на деле означает: социальная группа, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом. Что ж, в таком случае получается, что и любой биржевой спекулянт является интеллигентом? Странно это. Видимо, что-то оказалось не понятым даже профессиональными лингвистами, а значит, оно (непонятое) вполне заслуживает более углубленного изучения. В. И. Даль в отношении значения слова «интеллигенция» указывает следующее: разумная, образованная, умственно развитая часть жителей. Но ведь давно известно, что всякий преуспевший жулик всегда замечен умственными способностями. Неужели он есть тоже интеллигент? Вряд ли. Но вернемся к словарю П. Я. Черных. В нем мы находим также следующее: первоисточник — латинское *intelligentia* — «понимание», «рассудок», «знание»,

«идея» (*от intellego* — «узнаю», «воспринимаю»). Кроме того, упомянутый ранее словарь В. И. Даля в отношении уже несколько иного, но родственного рассматриваемому понятию слова «интеллектуальный» указывает следующее: духовный, умственный, разумный, против.: вещественный, плотской, телесный, чувственный. Как мы видим, способность познавать или, в конце концов, знать что-либо достоверно как раз и составляет саму суть рассматриваемого нами слова. В таком случае и получается, что интеллигент — это тот человек, который полностью сосредоточен на самом процессе познания, а значит, для него выгода и барыши действительно не имеют какого-либо значения и очевидно противоестественны, по крайней мере, как цель его собственного бытия. В результате и получается ровно то, что слово «интеллигент» означает человека, сосредоточенного лишь на самом процессе познания или, если хотите, сосредоточенного в пределе на процессе познания смысла самой человеческой жизни. Поэтому «твердыми» признаками интеллигента могут стать: его отзывчивость на чужую боль и страдание, его способность видеть и понимать саму суть происходящих в жизни событий, а также его уверенность в неизбежном грядущем торжестве правды и добра. Все иное же, как говорится, от лукавого.

29 августа 2006 года
Санкт-Петербург

А. С. Пушкин как титан эстетического соблазнения русского ума

*Старинный собутыльник!
Забудемся на час,
Пушай ума светильник
Погаснет ныне в нас.*

.....

*Вот кубок; наливай!
Веселье! Будь до гроба
Сопутник верный наш.
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаи!*

К Пушину, 4 мая 1815 г.

*Господи, почему же мой костер столь
долго не угасает, ведь даже у жутких
убийц моего времени он давно погас? —
а потому, чадо Мое,
что живые и по сию пору помнят тебя,
и сладким ядом твоим питаются...
Из разговора в аду поэта с Богом*

Казалось бы, еще совсем недавно почти каждый человек в нашей стране легко вторил ранее сказанному, что «Пушкин — это наше все». И вот пришли иные времена, и многие призадумались. В числе последних оказался и автор настоящего значительного (по размеру) исследования. Глупо, конечно, отрицать фундаментальную и положительную роль русского гения в истории российской. Но в данном случае речь идет, конечно же, не о восторгах и не о хвалебных одах в честь А. С. Пушкина. В данном случае речь пойдет, если хотите, о выявлении и погубительной роли в русской жизни вполне роскошного творческого наследия нашего самого известного поэта. Да и вправду сказать, разве большой талант не может стать и соблазном, скажем, для незрелых

душ? Может, и еще как может. Поэтому дело автора настоящей статьи и состоит как раз в том, чтобы предупредить подобное соблазнение многих и многих душ впредь и предостеречь об ответственности за слово произнесенное (написанное — напечатанное) каждого из нас. Но, благословясь, начнем, как говорится, по порядку написания А. С. Пушкиным и мы свое рассмотрение им сотворенного.

Сначала обратимся к юношеским стихам поэта, в частности, к «Красавице, которая нюхала табак» (1814):

.....
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе — о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б я в сладком восхищенье
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

Казалось бы, чего такого? Поэт лишь изысканно шутил, поддавшись женским чарам. Но в каждой шутке есть предел, перейдя который мы незаметно для себя самих начинаем подражать недостойному тому. Например, так («К студентам», 1814):

.....
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол ученых дураков —
Мы полем овладеем;
Под стол холодных мудрецов —
Без них мы пить умеем!
.....

Опять кто-то возразит: эка беда, ведь все это лишь удаль молодецкая. Но за удалью сей вновь осадок неприятный, скажем, как в стихотворении «К Дельвигу» (1815):

.....
Поэтов грешный лик
Умножил я собою...
И я главой поник
Пред милой суетою.
.....
Меж лени и Морфея
Беспечных дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться, —
Я, право, лени сын!
.....

Как ни крути, но получается, что поэт, поддаваясь лично соблазнам праздной жизни, еще сознательно кружил своим читателям головы! А вот уже закономерная тоска и даже откровенная злость нашего кумира (стихотворения 1815 года, без названия):

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки сей?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Видимо, совсем не просто складывались отношения А. С. Пушкина с людьми. Да и не мудрено это, и вот, вероятно, почему. Читаем фрагмент из стихотворения «Гроб Анакреона» (1815):

.....
Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай!
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

Но вновь и вполне естественно наступает такое («Сон», 1816):

.....
Приди, о лень! приди в мою пустыню.
Тебя зовут прохлада и покой;
В одной тебе я зрю свою богиню;
Готово все для гостыи молодой.

А вот и вполне откровенная попытка совмещения по сути своей несовместимого («К Каверину», 1817):

.....
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Кефирой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

Но вот и закономерный финал заявленной выше попытки совмещения несовместного («К...», 1817):

.....

*Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...*

А теперь пора и вполне серьезную претензию нашему славному поэту предъявить (ода «Вольность», 1817):

.....

*Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.*

.....

Как мы видим, «милые» шутки молодости поэта отлились во вполне сатанинские стихи, которым и суждено было впоследствии в 1918 году сбыться. Но, видимо, Александру Сергеевичу тогда была неведома его неправота, которую он продолжал уже привычно лелеять («Веселый тир», 1819):

*Я люблю вечерний тир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово пей!
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.*

Теперь впору обратить свой взор и на такое вполне бесовское склонение души поэта (стихотворение 1820 года, без названия):

*Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.*

А вот и подробности, вполне допускаемой поэтом грешной любви («Юрьеву», 1820):

.....

Потомок негров безобразный,

*Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний;
С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит.*

Но перейдем от сцен изящного разврата к естественному в таком положении ума поэта осмеянию им главной религии собственного Отечества («В. Л. Давыдову», 1821):

.....
*На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, я лицемерю —
Поцусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи*

.....
*Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец, — говорит, —
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д-вужо, тогда б ни слова,
А то — подумай, как смешно! —
С водой молдавское вино».
Но я молюсь — и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю сатане...
А все невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине...*

.....

Но где же кумир нашего веселого поэта? А вот оказывается где («Наполеон», 1821):

.....
*Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.*

Ну прямо-таки хочется воскликнуть вслед за Пушкиным: ура, ура Бонапарт дорогой! А ежели всерьез, то лучше обратим свой пытливый взгляд уже на такое вполне высокомерное откровение нашего гения (стихотворение 1823 года, без названия):

.....
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Вот так. А вы что думали, гений — это вам, чудакам, ровня будет? Ну и чтобы, как говорится, «мало не показалось» еще и такое (стихотворение 1823 года, без названия):

.....
Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?
Чего, мечтатель молодой,
Ты в нем искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?
И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких,
Жестоких ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
Жестокой, суетной, холодной,
Смешон глас правды благородной,
Напрасен опыт вековой.

.....
Да, как говорится, «мама, не горюй» получается. Но, может быть, есть еще и нечто иное? Посмотрим (стихотворение 1824 года, без названия):

И горд и наг пришел Разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть Отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью —
Все было предано презрению,
Как ветру предан дольный прах.

Но, может быть, наш поэт уже повзрослел и поумнел, ведь на пороге уже 1825 год? Давайте посмотрим на его последующее творчество («Дружба», 1824):

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,

*Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.*

Ну вот, опять не то, не поумнел-таки. Зато как озлобился, вы только посмотрите (стихотворение 1824 года, без названия):

*Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки.*

Но чего хочет наш национальный герой на самом деле? А вот чего он, оказывается, хочет («Желание славы», 1825):

*.....
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.*

Да, со зрелостью нашего поэта, вероятно, еще придется несколько подождать. Да и сам он о том же говорит (стихотворение 1825 года, без названия):

*.....
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.*

Впрочем, а что же мешает Александру Сергеевичу успешно взрослеть? Вероятно, враги ему мешают («Прятелям», 1825):

*Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.*

Но тут же, как и положено всякому драчуну, А. С. Пушкин докладывает уже такое («Жив, жив Курилка!», 1825):

*Как! Жив еще Курилка журналист?
— Живехонек! все так же сух и скучен,
И груб, и туп, и завистью замучен,
Все тискает в свой непотребный лист —*

*И старый вздор, и вздорную новинку.
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.*

Да, прискорбно сие поэтическое плевание. Но, может быть, есть и высокое? Например, такое изысканье («К...», 1826):

*Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга —
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!*

Так и подмывает спросить бессмертного поэта: неужели такое можно было всерьез крапать? Бог страсти, но вполне земной, что делать, но таков уж наш герой! Но кто-то, вероятно, возопит, что это шутка и по ней негоже нам судить поэта. Что ж, пускай его ответ решит за нас сей спор неправый (стихотворение 1828 года, без названия):

*Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.*

Вот так, и никак иначе, а вы говорите, он шутит. Но тут же, видимо, в качестве расплаты за содеянное выше, читаем уже такое (стихотворение 1828 года, без названия):

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою*

Однозвучный жизни шум.

Но вот, слава Богу, наконец, перед нами, кажется, первые признаки подлинного прозренья нашего всенародного дарования. Читаем стихотворение 1828 года под названием «Поэт»:

.....
*Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

И как бы услышав нас, Александр Сергеевич вновь дает нам весомый признак своего преображенья («Мадонна», 1830):

.....
*В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —*

*Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.*

*Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейшей образец.*

Да, все бы ничего, но пока, видимо, еще не совсем случилось желаемое. Почему? Последняя строчка смущает, ведь увлечение «прелестью», а тем более «чистейшей» никак не спасает поэта. Вероятно, поэтому он в стихотворении «Из Пиндемонти» (1836) пишет уже такое:

*Не дорого ценю я громкие права
От коих не одна кружится голова.*

.....
*Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.*

*Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...*

Ай да Пушкин, ну прямо либерал из либералов. Неужели это и все? Да нет же!

*Совсем уж плох бы был поэт —
Угодник чести и свободы,
И Богу б послужить вовек не смог,*

Хотя бы — понемногу.

Видимо, поэтому или осознав ответственность свою не только перед самим собою, А. С. Пушкин пишет в том же 1836 году уже следующее стихотворение (без названия):

*Отцы пустыnnики и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о божже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

К последнему речению, как говорится, добавить уже и нечего. А поэтому остается лишь — Аминь.

*30 августа 2006 года
Санкт-Петербург*

Что означает слово «идеология» на самом деле?

В Энциклопедическом словаре Ф. Павленкова (СПб., 1899) выделенное в заголовке слово представлено как учение об идеях (часть метафизики). Там же слово «идея» заявлено как мысль, как понятие или представление о каком-либо предмете. В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П. Я. Черных (М.: Русский язык, 1994) названное выше слово «идея» уже имеет такие значения: мысленный образ, понятие о чем-нибудь; намерение, замысел, план; основная, главная мысль, определяющая содержание чего-нибудь (например, художественного произведения); ведущее положение в системе взглядов, воззрений, убеждение, основной принцип мировоззрения. С другой стороны, исходные значения слова «идея» посредством латинского и греческого языков устанавливаются как прообраз, идеал, видимость, внешний вид, наружность, образ, форма, общее свойство, начало, принцип, идеальное начало, первообраз, «вижу», «созерцаю». В словаре Иностранных слов в русском языке (М.: Юнвес, 1996) слово «идеология» заявлено как система идей, представлений, понятий, выраженная в различных формах общественного сознания, тогда как слово «идея» там же уже означает: мысль, общее понятие о предмете или явлении; в идеалистической философии идея отрывается от реального предмета и представляется как нечто самостоятельное, независимое; в противоположность идеализму и в полном соответствии с выводами науки материализм рассматривает идеи как продукт человеческого мышления, отражающего материальный мир; развитие идей определяется развитием общественного бытия. Кроме того, названный выше словарь против слова «логия» поместил такое: в окончании сложных слов указывает: учение, наука, знание. В Русском толковом словаре В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной (М.: ЭКСМО, 2005) слово «идеология» имеет уже такое значение: система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, общественно-политическую

группировку. Там же слово «идея» имеет следующую новую смысловую характеристику: понятие, представление, отражающее действительность в сознании человека и выражающее его отношение к окружающему миру.

Как мы видим, чтобы понять подлинное значение составного слова «идеология», неизбежно придется понять еще и подлинный смысл его составляющих слов «идея» и «логия». В современном русском языке первое выделенное слово в основном понимается как замысел или основополагающая цель какой-либо деятельности человека. Но ведь есть еще и личностное (особенное) восприятие содержания упомянутой выше цели, а значит, есть еще и трактовка ее. Последняя, или трактовка, может быть в целом как верной, так и не очень. Вероятно, с названным выше обстоятельством, прежде всего, и связано господствующее превратное отношение к слову «идеология». Иначе говоря, своего рода бегство общественного сознания от исследуемого слова и является наглядным признаком непонимания изначально присущего ему смысла. Но будет ли сие непонимание безвредным? Вряд ли. И вот почему. Ныне словом «идеология» обозначается все гнетущее и принуждающее человека, тогда как на самом деле это слово, вероятно, всего лишь строго взывает к человеку в части его базовых или основополагающих смыслов. Другими словами, слово «идеология», скорее всего, своим присутствием лишь указывает на ложное в жизни человека и оно же как бы предупреждает его от порочной жизни. Видимо, поэтому совокупный порок, а точнее — его верные слуги, в свою очередь, и попытались в годы реформ скомпрометировать это слово методом его переосмысления и присвоения ему не свойственного изначально смысла, дабы впоследствии законно открыть себе все сферы человеческой жизни. В качестве иллюстрации выдвинутого предположения достаточно взглянуть на значение, указанное в словаре В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной. Оно прямо называет идеологию лишь выразителем частных корпоративных интересов. Впрочем, попробуем доказать, что идеология — это нечто другое, чем ныне принято считать.

Для этого сначала обобщим найденное в словарях. Так, в слове «идея» сконцентрировались близкие по смыслу определения: прообраз, видимость, мысленный образ, главная мысль. Последняя может быть представлена и на бумаге, тогда как предыдущие — прежде всего в голове (в сознании). Но ведь написанное на бумаге также обладает свойством как внешней, так и внутренней видимости. Если внешняя содержит лишь некие начертания, скажем, черным по белому, то внутренняя уже вызывает строго мысленные образы (картинки). Но тогда получается, что идея — это осязаемое явление, вызывающее мысленное изображение. Теперь соединяем найденное со смыслом слова «логия». Впрочем, сначала все-таки уточним его собственное значение. С одной стороны, «логия» — это учение, наука, с другой — это уже знание. Но знание само по себе не существует. Иначе говоря, знанию нужен носитель или его обладатель, тогда как учение или наука сами по себе вполне отделимы от человека, скажем, посредством книг. Но тогда нам следует, прежде всего, понять значение слова «знание»? В нем же, как ни странно, главным элементом вновь выступает понятие идеи. Почему? Да потому, что знание есть результат познавательной деятельности человека или есть система приобретенных с ее помощью понятий о действительности; обладание сведениями о чем-нибудь, состояние знающего что-нибудь человека; совокупность сведений, познаний в какой-нибудь области. Так говорят современные толковые словари русского языка. Вместе с тем самые новейшие словари, например словарь В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной, уже явно упрощают значение слова «знание»: совокупность закрепленных в сознании и мышлении фактов действительности... Но без обладателя знания, как уже указывалось выше, самого знания не образуется. Это во-первых. А во-вторых, обладание сведениями или информацией знанием не является. Последние всегда несут в себе неполноту или не имеют главного — причины, которая может быть представлена только в идее. Она является фундаментом любого мыслимого проекта. Тогда как сведения или информация всегда производны от нее, а значит, они лишь второстепенны. Почему? Это видно даже из простого сравнения: скажем, если словосочетание ЗНАНИЕ ИСТИНЫ уместно, то словосочетания СВЕДЕНИЕ ИСТИНЫ либо ИНФОРМАЦИЯ ИСТИНЫ ничего, кроме недоумения, не вызывают. Ведь

слова «сведение», «информация» несут в себе конечное смысловое содержание, тогда как слово ЗНАНИЕ не имеет внутри себя каких-либо ограничений и поэтому легко сочетается по смыслу со смысловой безбрежностью слова ИСТИНА. Кроме того, словосочетания НЕВЕРНЫЕ СВЕДЕНИЯ и НЕВЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ не уничтожают смысл слов «сведение» и «информация», тогда как словосочетание НЕВЕРНОЕ ЗНАНИЕ автоматически разрушает последнее, ведь неверное знание образует по смыслу уже незнание. Поэтому неверного знания быть не может, так как последнее либо есть, либо его просто нет. По названной выше причине, скорее всего, следует согласиться, что знание — это обладание идеей кого-чего-либо. В итоге предварительного смыслового соединения или соединения выделенного выше курсивом текста все-таки получается, что идеология — это обладание идеей осязаемого явления, вызывающее мысленное изображение. Сформулированное для облегчения понимания, вероятно, стоит несколько видоизменить, например, так: идеология — это наука об обладании идеей осязаемого явления, вызывающая мысленный образ. Другими словами,

идеология — это учение по овладению обобщающими осязаемыми явлениями идеями.

Завершая настоящее исследование, его автор полагает, что, видимо, поэтому-то ныне в России очень свободолобивые или на самом деле лишь склонные к пороку люди и противятся весьма яростно появлению какой-либо новой идеологии, так как она, конечно же, станет для присущего им порока непреодолимой преградой.

3 сентября 2006 года
Санкт-Петербург

Что ждет Россию в начале III тысячелетия?

**(смысло-логический анализ
православных пророчеств и предсказаний)**

*Обязательно молись за врагов. Если не молишься,
то будто керосин в огонь льешь — пламя все больше
и больше разгорается... Всегда и за все, даже за
скорби благодари Господа и Пресвятую Богородицу.
Преподобный Серафим Вырицкий*

Настоящая работа выполняется на основе использования материалов portal-credo.ru, формировавшихся в течение 2002–2006 годов. Являются ли предлагаемые к рассмотрению тексты пророчеств и предсказаний абсолютно подлинными, автору предлагаемой к прочтению статьи точно неизвестно. Почему возникла идея написания подобной статьи? А, вероятно, потому, что ныне Россия, по предположению автора, вновь переживает переломный исторический момент, а значит, в его же понимании, ее ждут большие потрясения и яркая судьба или, как часто бывало ранее, ее ждет невероятная по меркам сегодняшнего дня доля. Последняя, скорее всего, будет связана с глобальными изменениями как социального, так и природного характера. Иначе говоря, Россия, как плохо себя понимающая женщина, ныне в лице ее властей судорожно входит в уже уходящую в небытие мировую реальность. Подобное поведение не может не привести к известным потрясениям и к значительным неожиданностям. Сама предстоящая работа мыслится как выделение изначально сходных и, по мнению автора, важных, а также и наиболее часто встречающихся пророчеств и предсказаний. Кроме того, применяя в отношении предварительно выделенных текстов ранее им сформулированный и уже неоднократно опробованный метод смысло-логического анализа, автор рассчитывает получить так или иначе ясную в смысловом отношении в целом картину грядущих событий. Вместе с тем

автор полагает для себя возможным использовать в данной работе и пророчества, относимые к пророчествам о России ныне широко известного прорицателя древней Руси Василия Немчина, а также предсказания широко почитаемой православной святой Матрены Московской (Матроны Никоновой) и, наконец, предсказания старца Преподобного Серафима Вырицкого. Названные выше предсказания и пророчества, за исключением высказываний Серафима Вырицкого (последние взяты из литературного источника), были получены автором настоящего пророческого обозрения также из пространства русского Интернета.

Первым предсказанием, достойным упоминания в настоящем исследовании, будет пророчество монаха-провидца Авеля (1796):

«...свершатся надежды русские. На Софии, в Царьграде, воссияет крест православный, дымом фимиама и молитв наполнится Святая Русь, аки крин небесный».

В данном пророчестве, надо думать, указано предстоящее свершение подлинной или самой сокровенной мечты каждого действительно русского сердца, суть которой, вероятно, в победоносном воцарении веры православной как в России, так и за ее пределами.

Следующим достойным обдумывания пророчеством, по оценке автора предлагаемого писания, следует признать такое (Преподобный Серафим Саровский, 1825–1832):

«Перед концом времен Россия сольется в одно великое море с прочими землями и племенами славянскими, она составит одно море или тот громадный вселенский океан народный, о коем Господь Бог издревле изрек устами всех святых: “Грозное и непобедимое Царство Всероссийское, всяславянское — Гога и Магога, пред которым в трепете все народы будут”. И все это — все равно как дважды два четыре, и непременно, как Бог свят, издревле предрекиший о нем и его грозном владычестве над землею. Соединенными силами России и других народов Константинополь и Иерусалим будут полонены. При разделе Турции она почти вся останется за Россией...»

Как мы видим, вновь речь идет о предстоящем русском владычестве над Турцией и еще дополнительно над Иерусалимом. Кроме того, дано ясное указание на объединение славянских народов.

Теперь рассмотрим такое весьма любопытное и существенное предсказание-наставление всем верующим (Святитель Игнатий Брянчанинов, 1865):

«...Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро... Нынешнее отступление попущено Богом: не покусись остановить его немошною рукою твоею... Ознакомься с духом времени, изучи его, чтобы по возможности избежать влияния его... Предопределений Промысла Божия о России никто не изменит. Святые Отцы Православной Церкви (например, святой Андрей Критский в толковании на Апокалипсис, глава 20) предсказывают России необыкновенное гражданское развитие и могущество... А бедствия наши должны быть более нравственные и духовные».

Последнее предсказание-наставление уже указывает нам на главное поле предстоящей России брани как на поле духовно-нравственного противостояния и борьбы, где враг далеко не всегда очевиден, а друг порой оказывается его (врага) неявным союзником.

И как бы в подтверждение последнего предположения звучат следующие слова (Преподобный Амвросий Оптинский, 1871):

«Если и в России, ради презрения Заповедей Божиих и ради ослабления правил и постановлений Православной Церкви, и ради других причин оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в Апокалипсисе Иоанна Богослова».

Ничего не скажешь, весьма грозное предупреждение. Впрочем, Промысел Божий не настолько слаб, чтобы случилось подобное.

А вот еще одно, и не менее колоритное предначертание (Святитель Феофан Затворник, 1894):

«Зло растет, зловерие и неверие поднимают голову, вера и Православие слабеют... Что ж, сидеть сложа руки? Нет! Молчащее пастырство — что за пастырство? Нужны жаркие книги, защитительные против всех злостей. Следует нарядить писак и обязать их писать... Надо свободу замыслов пресечь... неверие объявить государственным преступлением. Материальные воззрения запретить под страхом смертной казни!»

Да, подобный эмоциональный напор может и навредить, а значит, и сыграть самому злу, как говорится, «на руку», особенно в контексте предлагаемых запретительных и карающих мер. С другой стороны, нельзя и попустительствовать распространению зла, так как оно вполне заразительно и тлетворно.

Теперь впору привести уже такое предсказание (Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский, 1906–1908):

«Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая — по старому образу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу! И будет по завету святого князя Владимира — как единая Церковь! Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский».

Ничего не скажешь: достойные потомков слова. Их никогда не стоит забывать. Предсказание Преподобного Варсонофия Оптинского (1910):

«До страшных времен доживем мы, но благодать Божия покрое нас... Антихрист явно идет в мир, но этого в мире не признают. Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными качествами человека. Это сила посторонняя, злая сила. Источник ее — дьявол, а люди злые являются только орудием, посредством которого она действует. Это предтечи антихриста».

В последнем приведенном пророчестве, очевидно, угадываются нынешние времена, когда многое происходит как бы исподволь и в целом против Господа Бога нашего.

Теперь, как говорится, до полноты предшествующей картины рассмотрим еще и такое предсказание (Преподобный Анатолий Оптинский, 1917):

«Еретики возьмут власть над Церковью, всюду будут ставить своих слуг и благочестие будет в пренебрежении... Посему, сын мой, как увидишь нарушения Божественного чина в Церкви, отеческого предания и установленного Богом порядка, — знай, что еретики уже появились, хотя, может быть, и будут до времени скрывать свое нечестие или будут искажать Божественную веру незаметно, чтобы еще более успеть, прельщая и завлекая неопытных в сети».

Да, подобное положение церковных дел, видимо, весьма часто бывало в русской истории. Однако ж внутри православия, в конце концов, всегда находились носители подлинной веры, и они же удерживали саму Церковь от ее полного и окончательного падения. Единственно, что так и остается, очевидно, нераспознанным, так это то почему были и есть ереси внутри самого православия. То ли сама соответствующая вера тяжела, то ли ум русский слишком слаб, то ли ума в вере и не требуется вовсе, и даже напротив — он совсем вреден ей, то ли в самой вере имеются смысловые проблемы (умолчания) либо, может быть, и

неточности, которые и дают о себе периодически знать через естественное возникновение помянутых выше ересей?

Но продолжим цитирование наших предшественников о будущем России и всего мира (Схиеромонах Аристоклий Афонский, 1917–1918):

«Сейчас мы переживаем предантихристово время. Начался суд Божий над живыми и не останется ни одной страны на земле, ни одного человека, которого это не коснется. Началось с России, а потом дальше... Конец будет через Китай. Какой-то необычный взрыв будет, и явится чудо Божие. И будет жизнь совсем другая на земле, но не на очень долго. Крест Христов засияет над всем миром, потому что возвеличится наша Родина и будет как маяк во тьме для всех».

Емкое предсказание, ведь персональный спрос с каждого из живущих на земле людей как никогда уместен. Конец же через Китай и через необычный взрыв с чудом Божьим малопонятен. Финал же предсказания вновь греет русскую душу, но и только.

Теперь короткое, но весьма важное пророчество (Преподобный Нектарий Оптинский, 1920):

«Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом богата, и в Оптиной будет еще 7 светильников, 7 столпов. Если в России сохранится хоть немного верных православных, Бог ее помилует. А у нас такие праведники есть».

Что ж, хорошо коли так. Но важно, конечно, прежде помнить о богатстве духа, которое бывает лишь при скромном материальном достатке.

Смотрим ясное и вполне принципиального свойства предсказание Святителя Феофана Полтавского (1930):

«В России будет восстановлена монархия, самодержавная власть. Господь предызбрал будущего царя. Это будет человек пламенной веры, гениального ума и железной воли. Он прежде всего наведет порядок в Церкви Православной, удалив всех неистинных, еретичествующих и теплохладных архиереев. И многие, очень многие, за малыми исключениями, почти все будут устранены, а новые, истинные, непоколебимые архиереи станут на их место... Произойдет то, чего никто не ожидает. Россия воскреснет из мертвых, и весь мир удивится... Православие в ней возродится и восторжествует. Но того Православия, что прежде было, уже не будет. Самим Богом будет поставлен сильный царь на престоле».

Неужели подобное возможно? Неужели все так и будет? Очень хочется в это верить. Впрочем, следует твердо также запомнить, что все ключи к спасению Отечества, как оказывается, находятся в руках иерархов Православной церкви, которые странным образом, как видно из пророчества, вовсе не спешат ими воспользоваться.

Но идем далее. Пророчество о третьей мировой войне Преподобного Лаврентия Черниговского конца 1940-х годов:

«Война третья Всемирная будет уже не для покаяния, а для истребления. Где она пройдет, там людей уже не будет. Будут такие сильные бомбы, что железо будет гореть, камни плавиться. Огонь и дым с пылью будет до неба. И земля сгорит. Будут драться и останется два или три государства. Людей останется очень мало, и тогда начнут кричать: долой войну! Давай изберем одного! Поставить одного царя! Выберут царя, который будет рожден от блудной девы двенадцатого колена. И Антихрист сядет на престол в Иерусалиме».

Очень мрачный прогноз. Что-то он совсем мало соединяется с предыдущими весьма благостными текстами. Почему? Да потому, что, например, будущий русский царь у того же провидца будет грозой антихриста:

«При антихристе будет Россия самое мощное царство в мире. А другие все страны, кроме России и славянских земель, будут под властью антихриста и испытают все ужасы и муки, написанные в Священном Писании».

Таким образом, получается, что Россия во главе всех славянских земель окажется вполне свободной от необходимости подчинения антихристу наравне с другими оставшимися после третьей мировой войны странами? Либо она и вообще не будет участницей этой брани? Непонятно. Может, уже в других пророчествах и предсказаниях будет больше ясности?

Но вот предсказание одного из современных нам старцев, сделанное им в сентябре 1990 года, которое что-то в приведенном выше тексте хоть как-то проясняет:

«Приблизились последние дни Запада, его богатства, его разврата. Внезапно постигнут его бедствия и пагуба. Богатство его несправедное, злое, угнетает весь мир, и разврат его как разврат нового и худшего Содома. Наука и техника его — безумие нового и худшего Вавилона. Гордость его — гордость богоотступническая, сатанинская. Все дела его — на потребу антихриста. Им овладело “сборище сатанинское” (Ап. 2:9)... Гнев Божий огненный на Запад, на Вавилон его! А вы восклоните головы ваши и возрадуйтесь, страдальцы Божии и все добрые, смиренные, терпевшие зло в уповании на Бога! Возрадуйся, народ православный многострадальный, оплот Востока Божиего, страдавший по воле Божией за весь мир. Тебе, ради избранных в тебе, даст Бог силу на исполнение великого и конечного обетования Сына своего Единородного Возлюбленного о последней проповеди Евангелия Его в мире перед концом мира, во свидетельство всем народам!»

Очень сладкий для России прогноз получается и в такой же степени печальный — для Запада. Но в реальности мы имеем на 2006 год нечто иное. Во-первых, безудержную погоню на деле знати российской за всеми материальными ценностями Запада и весьма легкомысленное ее же участие в так называемой всемирной борьбе с терроризмом; во-вторых, весьма мало заметное ухудшение самих западных дел. Видимо, последний прогноз скорее есть некое пожелание, чем нечто глубоко и основательно понятое. Впрочем, приведем еще такое предсказание неведомого нам современного старца:

«Надменность и злорадство Запада о нынешних бедствиях России обратятся еще большим гневом Божиим на Запад. После “перестройки” в России начнется “перестройка” и на Западе, и там откроется невиданный раздор: междоусобица, голод, смута, падение властей, развал, анархия, моры, голод, людоедство — невиданные ужасы накопленного в душах зла и разврата. Господь даст им жать то, что сеяли много веков и чем угнетали и развращали весь мир. И поднимется на них все злодейство их... Россия выдержала свое искушение, ибо имела в себе мученическую веру, милость Бога и избрание Его. А Запад этого не имеет и потому не выдержит... Россия ждет Бога! Русскому народу нужен только вождь, пастырь — Царь, избранный от Бога. И он пойдет с ним на любой подвиг! Только Помазанник Божий даст высшее и сильнейшее единение русскому народу!»

Да, вновь мы видим своего рода агитку или яркое, но все-таки одномерное полотно. Вряд ли дело будет обстоять строго так, как указано у неизвестного провидца.

Но вот и подошел черед главных пророчеств, ставших известными автору настоящего исследования. Сначала слова знаменитого старца Паисия Святогорца, произнесенные им в начале 90-х годов минувшего столетия:

«Помысел говорит мне, что произойдут многие события: русские займут Турцию, Турция же исчезнет с карты, потому что треть турок станет христианами, треть погибнет на войне и треть уйдет в Месопотамию... В Константинополе произойдет великая война между русскими и европейцами, и прольется много крови. Греция не будет играть в этой войне

первенствующую роль, но ей отдадут Константинополь. Не потому, что русские будут благоговеть перед греками, но потому, что лучшего решения найти не удастся... Греческая армия не успеет подойти туда, как город будет ей отдан... Евреи, поскольку будут иметь силу и помощь европейского руководства, обнагледут и поведут себя с бесстыдством и гордостью, и постараются управлять Европой... Средний Восток станет ареной войн, в которых примут участие русские. Прольется много крови, китайцы перейдут реку Евфрат, имея двухсотмиллионную армию, и дойдут до Иерусалима. Характерной приметой, что эти события приближаются, будет разрушение мечети Омара, так как разрушение ее будет означать начало работ по воссозданию евреями храма Соломона, который был построен именно на том месте».

Ну как, уважаемый читатель, еще грустно не стало? Зато русская победа над Турцией разве никак не бодрит? Получается, что Россия в обозримом будущем встрянет не в одну войну, а в несколько войн. Да, сюжет выходит, как говорится, не хилый. Но хотелось бы все-таки знать последнее предначертание как-то подробнее или яснее, что ли.

Для этого посмотрим на пророчество 2001 года, данное паломникам из России старцем монахом Иосифом (Иосифом-младшим), который ныне живет вблизи греческого монастыря Ватопед:

«Сейчас начало событий, тяжелых военных событий. Двигателем этого зла являются евреи. Их дьявол понуждает начать, чтобы уничтожить семя Православия в Греции и в России. Это для них главное препятствие к мировому господству. И они понудят турок все-таки прийти сюда в Грецию и начать свои действия. А Греция хотя и имеет правительство, но как такового на самом деле его как бы и нет, потому что оно не имеет силы. И турки придут сюда. Это будет момент, когда Россия тоже двинет свои силы, чтобы отбросить турок... События будут развиваться так: когда Россия пойдет на помощь Греции, американцы и НАТО постараются воспрепятствовать этому, чтобы не было воссоединения, слияния двух православных народов. Поднимут и еще силы — японцев и другие народы. На территории бывшей Византийской империи будет большое побоище. Только погибших будет около 600 миллионов человек. Во всем этом активно будет участвовать и Ватикан, чтобы воспрепятствовать воссоединению и возрастанию роли Православия. Но это обернется полным уничтожением ватиканского влияния, до самого основания. Так повернется Промысл Божий...»

Вновь перед нами картина, как говорится, «всем хватит!». Вместе с тем старец предрек еще и такое:

«Будет поущение Божие, чтобы были уничтожены те, кто сеет соблазны: порнографию, наркоманию и т. п. И Господь так ослепит их умы, что они будут уничтожать друг друга с ненасытностью. Господь попустит это специально, чтобы провести большую чистку. Что касается того (речь, вероятно, идет о действующем ныне Президенте России В. В. Путине. — Авт.), кто управляет страной, он недолго будет, и то, что теперь творится, будет недолго, а потом сразу война. Но после этой большой чистки будет возрождение Православия не только в России, но и по всему миру, большой всплеск Православия».

Касательно уже упомянутого выше нынешнего российского главного руководителя, то, скорее всего, уместно привести также слова из предсказания древнего русского прорицателя Василия Немчина, которые заметно проясняют само существо его правления:

«“Человек со шлемом и забралом”, не раскрывающий своего лица, “безликий образ”, “меченосец”, “человек из болота”... глаза его отливают зеленью и болотом... Он будет у власти, когда у него сойдутся две пятерки. У него была смертельная рана, но она

исцелена... он упал, но снова поднялся и стал мстить всем за свое унижение. И будет кровь, связанная с падением зеленоглазого “шлемоносца”... затем он будет низвергнут в пучину».

В качестве комментария к последнему описанию, вероятно, следует заметить, что Санкт-Петербург стоит на болотистой в целом местности. Смертельная рана — это, скорее всего, совершенно неожиданное (по некоторым оценкам) поражение на выборах мэра Санкт-Петербурга А. Собчака в 1996 году, предвыборный штаб которого и возглавляло ныне широко известное лицо. В 2007 году главному руководителю страны исполняется 55 лет, а о его мстительности ходят даже легенды. Впрочем, может быть, все это всего лишь простое совпадение? Но кого же указывает Василий Немчин в качестве восприемника нынешнего управителя страны? Он рисует человека с длинным носом, страдающего (так говорили в старину) разноглазием, и называет его «Стремительным Государем» или «Великим Всадником». Далее прорицатель указывает, что его будут многие ненавидеть, однако, он сумеет собрать вокруг себя большую силу. Кто бы это мог быть? А не министр ли это, случайно, обороны России досточтимый Сергей Борисович Иванов? При правлении «длинноносого» и «разноглазого» «страшная гибель будет грозить всем». Вполне вероятно, что последнее предсказание тем более выглядит как предсказание точное, ведь его весьма усиливает пророчество известной русской святой Матрены (Матроны) Московской (Никоновой), которая характеризует наше время так:

«Потом придут прежние, и будет хуже, чем было! Жизнь будет все хуже и хуже. Придет время, когда перед вами положат крест и хлеб и скажут: “Выбирайте”».

Видимо, как раз впору процитировать еще и такую оценку нашего положения, данную русским паломникам в 2001 году греческим старцем монахом Иосифом:

«Такое ухудшение сейчас — общее состояние во всем мире. И это состояние есть именно тот предел, после которого уже начинается гнев Божий. Мы достигли этого предела. Господь только по милости Своей терпел, а теперь уже терпеть не будет, но по правде Своей станет наказывать, потому что пришло время».

Но почему вдруг такое? Вероятно, что накопленное совокупное напряжение в мире от долгого действия принципа «двойных стандартов», которое сегодня еще заметно усиливается циничными действиями российских властей, дошло до своего предела и, как все в природе, попросту обречено на соответствующее возвратное действие. А в качестве своего рода подтверждения сформулированных до того подозрений автор настоящего исследования сошлется еще на слова видного масона («Черного папы») Альберта Пайка, сказанные им в 1871 году:

«Для полного торжества масонства понадобятся три мировые войны; в третьей из них будет уничтожен мусульманский мир, после чего мы спровоцируем гигантское потрясение, ужасы которого покажут всем гибельность безверия. Революционное меньшинство будет уничтожено, а разочаровавшееся в христианстве большинство...получит от нас истинный свет Люцифера».

Теперь попробуем осмыслить уже выделенное выше как нечто целое. Что твердо объединяет имеющееся? Указание на грядущую решительную битву во имя или против веры в Бога? Пожалуй. На стремительное движение к всемирному торжеству подлинного православия? Похоже. Но сами названные события, вероятно, будут развиваться несколько что ли противоречивее, сложнее, чем об этом рассказано в приведенных пророчествах и предсказаниях. Почему? Да потому, что, например, ныне в России правят аморальные люди, для которых выгода (корысть) и есть бог, которому они истово служат. Каких-либо заметных указаний на иные цели общественного бытия и вовсе не видно. Православная

церковь скромно, или «потупив очи», воспринимает все происходящее, никак не пытаясь сказать свое решительное слово. Другими словами, нынешние иерархи Русской Православной церкви объективно и, скорее всего, по слабости веры своей способствуют продолжающемуся нравственному оскудению русских сердец. А в качестве подтверждения справедливости своих печальных слов автор сошлется на предсказание еще одного русского старца, Преподобного Серафима Вырицкого, скончавшегося в 1949 году:

«Придет время, когда не гонения, а деньги и прелести мира сего отвратят людей от Бога и погибнет куда больше душ, чем во время открытого богоборчества. С одной стороны, будут воздвигать кресты и золотить купола, а с другой — настанет царство лжи и зла. Истинная Церковь всегда будет гонима, а спастись можно будет только скорбями и болезнями, гонения же будут принимать самый изощренный, непредсказуемый характер. Страшно будет дожить до этих времен... Наступят времена, когда развращение и упадок нравов молодых достигнут последних пределов. Почти не останется нерастленных. Они будут считать, что все им позволено для удовлетворения прихотей и похотей, ибо будут видеть свою безнаказанность. Станут собираться в компании и банды, воровать, развратничать» (Преподобный Серафим Вырицкий. Акафист и житие. М.: Изд-во Братства святителя Алексия, 2002).

Как мы видим, Россия ныне вполне подтверждает приведенное выше предсказание, которое может быть усилено еще и таким описанием ее будущего. Вновь процитируем слова великого старца:

«Наступит время, когда Россию станут раздирать на части. Сначала ее поделят, а потом начнут грабить богатства. Запад будет всячески способствовать разрушению России и отдаст до времени ее восточную часть Китаю. Дальний Восток будут прибирать к рукам японцы, а Сибирь — китайцы, которые станут переселяться в Россию, жениться на русских и в конце концов хитростью и коварством возьмут территорию Сибири до Урала. Когда же Китай пожелает пойти дальше, Запад воспротивится и не позволит».

Таким образом, и выходит, что никак не стоит считать и тем более обольщаться, что события в нашей стране уже идут в сторону кардинального улучшения ситуации. Другими словами, еще многое и многое прискорбное в духовно-нравственном и не только отношении ожидает впереди всех нас. Но последнее вовсе не означает того, что можно безвольно взирать на все ныне происходящее и жить только своей частной жизнью.

Теперь некоторые существенные соображения о принципиальных расхождениях в имеющихся пророчествах и предсказаниях. Так, практически во всех приводимых выше изречениях угадывается в целом успешный выход России и всех славянских народов из предстоящей третьей мировой войны и ее последующее хоть и кратковременное, но все-таки независимое, в том числе и от воцарившегося к тому времени в Иерусалиме антихриста, существование во главе с Богом поставленным монархом. Но посмотрим, что же в связи с этим пророчествует Преподобный Серафим Вырицкий:

«Многие страны ополчатся на Россию, но она выстоит, утратив большую часть своих земель. Это война, о которой повествует Священное Писание и говорят пророки, станет причиной объединения человечества. Люди поймут, что невозможно жить так дальше, иначе все живое погибнет, и выберут единое правительство — это будет преддверие воцарения антихриста. Потом начнутся гонения на христиан; когда будут в глубь России уходить эшелоны из городов, надо спешить попасть в число первых, так как многие из тех, кто останется, погибнут. Наступает царство лжи и зла. Будет так тяжело, так плохо, так страшно, что не дай бог дожить до этого времени».

Из последнего текста вполне усматривается, что участие России в третьей мировой войне принесет ей ощутимые потери во всех отношениях (потери земель и начало

преследования за веру в Бога) и она окажется фактически наравне с другими странами под тяжелой пятой антихриста. Кроме того, у Серафима Вырицкого ровном счетом нет никакого упоминания о восстановлении в России какой-либо монархии. Но тогда получается, что могут быть как точные, так и, скажем мягко, не совсем что ли точные пророчества и предсказания? В таком случае нам неизбежно придется из наличных текстов что-то и как-то отбирать. Но что и как? И так ли это на самом деле? Для подготовки к совершению этого всего лишь возможного выбора приведем такие слова старца Серафима Вырицкого:

«Но придет время, когда будет глас Божий, когда поймет молодежь, что так жить дальше невозможно, — и пойдут к вере разными путями, усилятся тяга к подвижничеству. Те, кто были до того грешниками, пьяницами, наполнят храмы, почувствуют великую жажду к духовной жизни. Многие из них станут монахами, откроются монастыри, церкви будут полны верующих. Тогда пойдут молодые в паломничества по святым местам — славное будет время!.. За каждого верующего будут по сорок человек цепляться, чтобы он вытащил их».

Таким образом, видимо, под воздействием, с одной стороны, новых тяжких напастей, с другой — под впечатлением неожиданно сбывающихся чудес Божьих, многие русские люди опомнятся и уже не за страх земной, а за совесть небесную и уверуют в Господа Бога нашего, что и станет, наконец, предпосылкой для восстановления в России и монархии. И тогда, видимо, и сбудутся слова святителя Феофана Полтавского (духовника семьи Николая II):

«О, Россия, Россия!.. Как она страшно погрешила пред благостью Господней. Господь Бог благоволил России дать то, чего ни одному народу на земле не давал. И этот народ оказался таким неблагодарным. Оставил Его, отрекся от Него, и потому Господь предал его бесам на мучение. Бесы вселились в души людей, и народ России стал одержимым, буквально бесноватым. И все то, что мы слышим ужасного о том, что творится в России: о всех кощунствах, о воинственном безбожии и богоборстве, — все это происходит от одержимости бесами. Но одержимость эта пройдет по неизреченной милости Божией, народ исцелится. Народ обратится к покаянию, к вере... сам народ восстановит православную монархию. Самим Богом будет поставлен сильный царь на престоле. Он будет большим реформатором, и у него будет сильная православная вера. Он низринет неверных иерархов Церкви, он сам будет выдающейся личностью, с чистой, святой душой. У него будет сильная воля. Он придет из династии Романовых по линии матери. Он будет Божиим избранником, послушным Ему во всем. Он преобразит Сибирь. Но эта Россия просуществует недолго. Вскоре будет то, о чем говорит апостол Иоанн в Апокалипсисе» (по материалам книги В. Губанова «Святой царь Николай II и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы». М.: Ставрос, 2004).

Завершить же в целом уже написанную работу ее автор хотел бы вновь словами старца монаха Иосифа, сказанными им паломникам из России в 2001 году:

«Испытания не должны нас ужасать, мы всегда должны иметь надежду на Бога. Ведь так же страдали тысячи, миллионы мучеников, так же страдали и новомученики, и поэтому мы должны быть готовы к этому и не ужасаться. Терпение, молитва и упование на Промысл Божий должны быть. Будем молиться за возрождение христианства после всего того, что нас ожидает, чтобы Господь действительно дал нам силы возродиться. Но этот вред пережить надо... Испытания давно начались, и надо ждать большого взрыва. Но после этого уже будет возрождение...»

5 сентября 2006 года
Санкт-Петербург

Что означает словосочетание «суверенная демократия» на самом деле?

Чего только не придумает затейливый российский ум! Заместитель руководителя Администрации президента России Владислав Сурков, он же неофициальный идеолог Кремля, недавно (5 сентября 2006 года) выступил публично с разъяснениями по поводу предложенного им же словосочетания «суверенная демократия». Тем самым он как бы продолжил ранее уже провозглашенную линию на обоснование права на существование демократии по-русски. Либеральные противники сего политического начинания, в свою очередь, встревожившись, напомнили общественности, что демократия — это, во-первых, свободные выборы власти; во-вторых, свободные средства массовой информации; в-третьих, соблюдение принципа разделения властей. Тем самым они как бы подчеркнули, что демократия по-русски — это нонсенс или бессмыслица. Но так ли это на самом деле? Давайте разбираться. С классической точки зрения демократия есть власть всего народа или власть его подавляющего либо простого большинства. Но тогда предложение о суверенной демократии можно представить как независимую власть всего народа. С другой стороны, а разве власть сама по себе находится в подчинении еще у кого-то или чего-то? Вряд ли, ведь в таком случае это будет уже, собственно, и не совсем власть. В таком случае получается, что В. Сурков сотоварищи предлагает России что ли своего рода усовершенствованную власть? Странно такое будет. Но, может быть, это всего лишь особая компенсационная страховка от избыточного внешнего влияния и контроля? А что, да, мы такие. Или: нам «заграница» никак не указ! Но тогда получается, что «суверенная демократия» — это благо народное? Вряд ли. Последнее скорее печаль народная будет. Почему? Да потому, что народ не только благ, но и грешен еще, а значит, его же правители так или иначе для него могут представлять вполне реальную опасность. Да и в самом деле: ежели избиратель так или иначе склонен сам к греху, то и выбирать он будет таких же грешных народных представителей. В результате и получается, что демократия — это своего рода наследуемое верховенство господствующего народного нрава. Другими словами, совокупный народный дух всегда будет склонен поддерживать то, что ему лично кажется лучшим, а значит, он неизбежно становится заложником качества собственного наличного вкусового предпочтения. Но тогда «суверенная демократия» есть всего лишь интеллектуальное средство самой действующей власти для сохранения своего господства над выбравшим ее народом даже в случае признания последним ошибочности (порочности) собственного ранее совершенного выбора этой самой власти.

*6 сентября 2006 года
Санкт-Петербург*

Каково подлинное значение слова «история»?

**(смысловое исследование на примере прочтения книги Б. Поршнева «О начале
человеческой истории»)**

*Главный урок всякой истории в том,
что она никогда, никого и ничему
всерьез не учит...*

Автору настоящей работы ранее уже приходилось сталкиваться с работой известного советского ученого. Однако тогда у него не возникло ровным счетом никакого желания откликнуться на сей фундаментальный научный труд, вышедший впервые из печати в 1974 году. Последнее было связано, вероятно, с тем, что соответствующей готовности к тому еще и не было. С другой стороны, автора побудило взяться вновь за книгу сию ее переиздание в 2006 году, а также обнаруженное в Интернете заключение, что главное

открытие Б. Поршнева состоит в том, что он якобы первый в истории науки получил следующий вывод: лишь страх перед «ближним своим» сделал из предка человека самого человека. В свою очередь воспользуемся формулой, близкой самому Б. Поршневу: «Если ты хочешь понять что-либо, узнай, как оно возникло». Так и мы, уважаемый читатель, попробуем с вами познать, что же могло толкнуть маститого ученого к указанному выше заключению. Изначально автор названной книги предпосылает такой исходный тезис:

«Человеческая история представляет собой прогрессивно ускоряющийся процесс и вне этого понятия быть не может».

Далее профессор Поршнев рассуждает, что лишь заметный рост перевеса динамики совокупных изменений над их торможением в истории и есть ее основная характеристика. Она же есть и закон ускорения истории как таковой. Переходя к смыслам понятия начала человеческой истории, он уже указывает, во-первых, на необходимость систематического появления нового, во-вторых, на необходимость изменения уже всего появившегося нового. Затем он вводит понятие внутренней истории как процесса возникновения у отличительных свойств самого человека соответствующей способности к изменению. Тогда началом самой истории «во внутреннем смысле» мы уже, с подачи ученого, вынуждены будем считать момент, с которого человеческая история стала двигаться быстрее истории окружающей природной среды (как и быстрее телесных изменений уже в самих людях). Другими словами, по мнению профессора, нам всем становится просто необходимым акцент на неизменном либо акцент на уже изменчивом в истории (или акцент на историчности самой истории). Во втором случае история — это абсолютная необходимость избавления от самого начала истории. Оглядываясь назад, пишет Б. Поршнев, мы видим тем больше отрицательного, чем отдаленнее перспектива. Впрочем, как человек нерелигиозный, автор исследуемой книги ясно указывает нам, что «было бытие до духа!», вероятно забывая, что как раз в обозначенном выше прошлом человечества и были подлинные титаны духа, коих во времена самого ученого было уже и не сыскать вовсе. Тем самым сама постановка вопроса об однозначности движения от исходного «отрицательного» к так называемому «положительному» представляется, как минимум, проблематичной. Другими словами, стремление всего человечества к бытовому удобству (комфарту), а также к телесному благополучию и их же достижение автору книги, видимо, и представляется искомым положительным свойством всей человеческой истории как ее же базовая характеристика. С другой стороны, анализируя аналогичные поиски в прошлом,

Б. Поршнев вынужден был упомянуть концепцию Декарта, считавшего предысторию человека прерывной или чудесною (концепция «пропасти»). Иначе говоря, не было никакого переходного вида «обезьяночеловека», так как человек возник на земле как бы внезапно или чудесно. Параллельно с этим профессор Поршнев рассматривает и противную концепцию — концепцию постепенного возникновения человека на базе бывших когда-то на земле отдельных представителей животного мира (концепция «моста»). Далее мысль советского ученого переходит вполне естественным образом на необходимость отыскания нового способа решения поставленной задачи образования человека вне сформулированных выше концепций «пропасти» и «моста». Но здесь Б. Поршнев, как заложник провозглашенной им же ранее концепции историзма или невозможности познания сути изучаемого по уже вполне доступным сегодня, скажем, обнаруженным соответствующим документам о разрозненных фактах прошлого вне их соотнесения со всеми фактами человеческой истории, оказывается попросту в логическом тупике. Но почему? Да потому, что сама история — это не абсолют и соотнесение с ней как таковой всерьез каких-либо событий и фактов дело в целом зряшное и пустое. Да, никто не утверждает, что все в истории не взаимосвязано, но и проследить адекватно всю совокупность этого взаимосвязанного невозможно будет даже теоретически, а значит, «построение истины» на части от целого всегда будет «хромать» или всегда будет иметь, строго говоря, лишь политический

(идеологический) смысл. Иначе говоря, получается, что наш ученый верит в историю как в механизм получения из чего-то исходного ему же противоположного, верит, с одной стороны, в саму возможность сопоставления любого факта истории со всеми фактами изначального, прошлого и современного, с другой — строго настаивает на необходимости этого. При этом он провозглашает допустимость использования специальных терминов как своего рода способ вытеснения из доистории привычных и потому неясных слов («замена слов легче, чем абстрагирование смысла от привычных слов»). В итоге профессор получает вывод, что человеческая история, во-первых, есть некий особый процесс ускорения, во-вторых, он же есть процесс превращения противоположностей. Затем ученый переходит к рассуждению об уместности теории «расположения на временной прямой “будущего человека” как в прошлом, так и в настоящем». В результате, по Поршневу, получается, что человеческая сущность вполне изменчива! Но тогда мы имеем, строго говоря, переход от человека как такового к чему-то еще? Оправдано ли такое понимание и есть ли в наличии признаки этого иного? Вряд ли. Но позиция ученого вполне ясна: он указывает, что процесс перехода от животного к человеку, во-первых, есть реальность; во-вторых, он начался с возникновения в самих животных предках человека процесса замены наличной нейрофизиологической функции на функцию ей прямо противоположную (интересно, это какую?); в-третьих, он продолжился последующим возвратом последней к исходной, но с еще большим удалением от нее (интересно, а это как?) Здесь же советский авторитет в качестве поддержки уже им сформулированного приводит давно предложенный ученой братией (кажется, Фейербахом) образ «выворачивания вывернутого». Но разве сказанное до того укладывается в него, как говорится, тождественно? Конечно же, не укладывается, так как заявленное «смещение» или «сдвиг» этого сделать никак не дает. И еще: а разве движение чего-то в свою противоположность способно извести (уничтожить) суть его же наличного содержания? Но Поршнев в свою очередь упрямо утверждает, что становление человека есть процесс нарастания некоего «человеческого начала» в «обезьяньем содержании». А разве само названное выше «нарастание» не есть ли иллюзия, ведь в таком случае происхождение самого упомянутого «человеческого начала» так и остается, собственно, и непроясненным? И далее наш корифей впадает во вполне ожидаемое рассуждение об истории как «о продукте непрерывного пребывания бесконечно малой величины человеческого отрицания в темном массиве исходного субстрата», которое, конечно же, не могло ранее и не может быть сегодня воспринято как удовлетворительное, так как при этом остается так и нераспознанной история самой названной выше бесконечно малой величины, а значит, мы на круг имеем лишь некий протяженный фрагмент искомого, который никак не снимает собою всю поставленную проблему. Но, может быть, внутри самого понятия истории или внутри его собственного смысла иного и никогда и не было вовсе? Другими словами, может быть, история сама по себе и не способна решать возлагаемую на нее учеными задачу? Но дадим вновь слово нашему славному исследователю, который вдруг предлагает нам уже обдумать гипотезу «обезьяночеловека неговорящего». И для лучшего соединения нас с предлагаемой нам же идеей Поршнев советует нам принять идею своего рода искусственного соединения тела человека с умом некой обезьяны. Но ведь в таком случае и «феномен Маугли» легко укладывается в предлагаемый выше образ, что, конечно же, также легко развенчивает сформулированную выше гипотезу ученого. И потом, если термины «паровоз» или «самолет» вполне органичны, так как в них все-таки возникает некое новое качество, то уже в случае «обезьяночеловека» ничего похожего никак не происходит, а значит, и самого нового явления никак не просматривается. Кстати, нечто похожее имеется и в случае термина «Богочеловек». Иначе говоря, соединение Бога и человека никак не дает нового качества. Поэтому рассматриваемый термин «обезьяночеловека», как и у А. С. Пушкина, есть ни обезьяна, ни человек, ни то, ни се, ни житель света, ни призрак мертвых. Так и хочется воскликнуть: смешные люди эти ученые — ставят перед собой задачи, изначально не имеющие какого-либо серьезного решения! При этом они в лице Б. Поршнева договариваются даже до того, что им якобы

твёрдо известно, что животные, как и человек, также верят в Бога. Интересно только, а как они это установили? Да, ныне наука вполне доказала, что, например, крысы способны отличать действие причинно-следственных связей от случайных совпадений или что некоторые виды обезьян в определенных лабораторных условиях уверенно могут отличать имитацию от подлинного содержания. Иначе говоря, они могут знать о возможности собственного заблуждения в связи с чем-либо. Вместе с тем учеными пока еще ясно не доказано предположение, что эти же обезьяны способны знать о возможных заблуждениях в связи с чем-либо своих сородичей. С другой стороны, твёрдо установлено, что высокоразвитые животные, как и человек, вполне способны на бескорыстные поступки. Но данных о вере каких-либо животных в Бога все-таки получено так и не было. Или для доказательства подобного утверждения, вероятно, как не было, так и не возникнет когда-либо соответствующих условий. В противном случае между людьми и животными исчезнет и принципиальная разница.

Теперь, чтобы уже окончательно перейти к обобщению всего найденного в книге профессора Б. Поршнева или для полноты уже полученной соответствующей картины, укажем еще на три оставшихся нерассмотренными попытки построения гипотез перехода от животных к человеку, во-первых, на гипотезу «готового человека» Ф. Энгельса как на очевидно неумелую попытку помыслить грамотно проблему того же «обезьяночеловека»; во-вторых, на гипотезу людей «первоначальных»; в-третьих, на гипотезу «человека умелого». Так, обдумывая последние идеи, мы невольно вновь обнаруживаем банальное, но устойчивое неумение думать. Почему? Да потому, что, например, «неготовый человек» это уже и не человек-то, собственно. Он есть лишь что-то иное, но никак не его полуфабрикат. В случае же людей «первоначальных» мы имеем странное деление людей, если хотите, по сортам. В таком случае мы неизбежно получаем и людей «последующих» с соответствующими особыми свойствами. В результате от нас всего лишь ловко прячут саму проблему «перехода» от животного к человеку. Аналогичная картина наблюдается и в случае с «человеком умелым», так как уже «человек неумелый» превращается вообще непонятно во что. Вместе с тем наш ученый все-таки, в конце концов, приближается к познанию сути человека и приближается именно тогда, когда рассуждает о том, что лишь язык есть главное и единственное его отличие от всего живого во Вселенной, а значит, лишь наличие передних верхних лобных формаций в головном мозге и образует подлинную саму возможность человека, благодаря которой при своевременном и целенаправленном внешнем языковом воздействии он (человек), собственно, и возникает. Поэтому в начале человеческой истории и мог быть лишь ее явный и сознательный творец, то есть Господь Бог, и ничто иное. В противном случае вновь возникает вопрос: а разумна ли сама предпринимаемая постановка вопроса «о начале человеческой истории»? Ведь утвердительный ответ на последний неудобный вопрос неизбежно предполагает саму возможность знания человека о его же собственном возникновении, тогда как подобное понимание есть лишь указание на логическое недоумение. Другими словами, сам человек без очевидной помощи извне никак не в состоянии даже теоретически проникнуть в заявленную им область знания, так как в противном случае он неизбежно уподобляется барону Мюнхгаузену, вытаскивающему самого себя из болота за волосы на собственной голове. Но как же теперь оценить заявленный в начале настоящего исследования тезис, что лишь страх перед «ближним своим» и создал из предка человека его самого? Да так и воспринимать сию мудрость, что наш ученый из-за неизбежного страха перед самим человеком (за которым у него безотчетно на самом деле спрятан Господь Бог) и вынужден был прийти к подобному странному выводу, так как если уж не Страх Божий, то тогда — только человеческий. Видимо, внутреннее (неосознанное) переживание сего возникшего предположения и подтолкнуло Б. Поршнева к написанию самой книги «О начале человеческой истории».

Впрочем, пора ответить и на вопрос о подлинном значении слова «история». Для этого уже по привычке возьмем в руки, например, Историко-этимологический словарь современного русского языка П. Я. Черных. В нем находим такое: закономерное

поступательное развитие действительности; наука о развитии человеческого общества; наука, изучающая развитие какой-либо области природы, культуры, знания; повествование, рассказ; происшествие, приключение, случай. В качестве же языкового первоисточника словарь указывает нам дополнительно на еще то, что исследуемое слово «история» происходит из греческого языка, в котором оно означало «расспрашивание», «расспросы», «исследование», «повествование», «наука». Таким образом, обобщая приведенное выше, мы вполне можем допустить, что история есть, во-первых, процесс развертывания некоторого содержания; во-вторых, она же есть своего рода демонстрация изменения наличного содержания внутри названного выше процесса его развертывания; в-третьих, она также является своего рода наукой о науке или она же претендует на процесс обобщения всех уже имеющихся обобщений. Но тогда получается, что сама история — это процесс развертывания имеющегося содержания посредством демонстрации соответствующего ему же процесса изменения его составляющих, осуществляемый при помощи непрерывного процесса обобщения уже состоявшихся обобщений.

14 сентября 2006 года
Санкт-Петербург

О причине невыхода в свет II тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»

**(отклик на статью Ю. Молина
«Болезнь Гоголя называлась... Россия!»)**

Во второй половине 2006 года в 3-м выпуске литературно-художественного альманаха «Золотое слово» (РИК «Культура», СПб отделение) Академии русской словесности и изящных искусств имени Г. Р. Державина появилась статья действительного члена названной Академии, профессора, почетного члена Российского Межрегионального союза писателей Юрия Молина. В названной работе ее автор произвел относительно короткое, но на редкость глубокое исследование обстоятельств смерти великого российского литератора. В частности, автора настоящих строк привлекла внимание следующая емкая цитата, встреченная им в рассматриваемой статье:

«Известный славянофил Ю. Самарин писал: “Я глубоко убежден, что Гоголь умер от того, что он сознавал про себя, насколько его второй том ниже первого...” То был уход, а не самоубийство, уход сознательный и бесповоротный. Жить и не писать, а писать так, как раньше, он уже не мог, значило для Гоголя при жизни стать мертвецом (Вуколов А., 2002)».

Далее внимание автора настоящего очерка привлек еще такой отрывок:

«Многие задавались вопросом о причинах поступка Гоголя (имеется в виду уничтожение в огне рукописи II тома легендарной поэмы. — В. А.). Попытку расшифровать причины сожжения гениального романа и последовавшей вскоре смерти писателя предпринял Александр Блок в статье, написанной к столетию со дня рождения: “...не выдержав “очерствения жизни”, “глухой могилы повсюду”, он сломался... В полете на воссоединение с целым, в музыке мирового оркестра, в звоне струн и бубенцов, в свисте ветра, в визге скрипок — родилось дитя Гоголя. Этого ребенка он назвал Россией. Она глядит на нас из синей бездны будущего и зовет туда. Во что она вырастет — не знаем, как назовем ее — не знаем...»

Теперь для пущей полноты цитирования и для подготовки через это уже развернутого размышления в связи с поставленным в заголовке очерка вопросом приведем еще такой отрывок из статьи Ю. Молина:

«Рассмотрим теперь еще один аспект “загадки” Гоголя — аспект, практически не обсуждавшийся ранее в мирской прессе. По совету И. В. Киреевского, в июне 1850 года Оптину пустынь посетил Н. В. Гоголь в поисках “живой воды”, имеющей силу воскресить “мертвые души”. Сохранилось предание об этом, записанное в 1912 году со слов старца Варсонофия (Плеханова) его учениками. “Случилось... Гоголю быть у М. П. Погодина. Со свойственной ему экзальтированностью Гоголь говорил о своих исканиях, о том, что жить так, как он, невозможно, а как надо, он не знает... “Съездите в монастырь... Он называется Оптиная пустынь и находится в Калужской губернии... В Оптиной есть старец, иеросхимонах Макарий, вот с ним-то Вы поговорите. Это и есть человек, которого Вы ищете...” И поехал. И прибыл в Оптину... Выйдя от старца, Гоголь говорил: “Да, мне сказали правду, это единственный из всех до сих пор известных мне людей, кто имеет власть и силу повести на источники воды живой”».

Таким образом, побывав у Божьего человека, Н. В. Гоголь как бы воспрямил духом своим или вполне обрел силу и желание жить, а значит, и творить, что и подтверждается далее в рассматриваемой выше статье:

«Гоголь переродился, он говорил: “Вошел я к старицу одним, вышел — другим”. Писатель хотел изобразить русскую жизнь во всей ее разносторонней полноте. С этой целью начал он свою поэму “Мертвые души” и написал первую часть. Мы знаем, в каком свете отразилась там русская жизнь: Плюшкины, Собакевичи, Ноздревы, и вся книга представляет собой душный и темный погреб пошлости... Гоголь сам испугался того, что написал, но утешал себя тем, что это только накипь, только пена, снятая им с волн житейского моря. Он надеялся, что во втором томе удастся нарисовать русского православного человека во всей красоте, во всей чистоте... С обновленной душой уехал Гоголь из Оптиной, не оставил мысли написать второй том “Мертвых душ” и работал над ним. Потом, чувствуя, что ему не по силам воплотить в образах, во всей полноте идеал христианина, который жил в его душе, он разочаровался в своем произведении — вот причина сожжения второго тома “Мертвых душ”».

Но так ли на самом деле было оно, как пишет в конце последнего отрывка Ю. Молин? Неужели гений нашего писателя не справился бы с задачей воплощения образов благой Руси? Может быть, дело было в чем-то другом, например, в том, что ничего подлинно благого художник попросту так и не увидел в жизни известной ему России? Да и в самом деле, разве что-то в тогдашней жизни могло сравниться со следующим описанием, любезно предоставленным нам вновь статьей Ю. Молина:

«Впечатления об Оптиной Н. В. Гоголь описал в письме к А. П. Толстому 10 июля 1950 года: “Нигде я не видел таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали все. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхождения; самые работники в монастыре, крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышится ее благоухание; все становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше”» (Борисов В., 1988)».

Как мы видим, сам Н. В. Гоголь отмечал, что вне Оптиной ему не встречалось «таких монахов». В последних словах вполне угадывается и будущий главный притык внутри творчества писателя. Почему? Да потому, что вне стен Оптиной все, абсолютно все, так или иначе меркло или становилось пера гениального недостойным. Да и в самом деле, разве после всего пережитого в названной обители чуткая душа уже могла хотеть чего-то иного? Нет и нет. Другое дело, что осознание сего происходило в душе поэта как бы исподволь или вполне для нее же скрытно и, вероятно, было разнесено во времени всего

последнего этапа его жизни. В конце концов, и сам поэт это вполне осознал и выразил в своем же пророчестве (цитируется снова по статье Ю. Молина):

«Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее».

Касательно же поставленного в заголовке очерка вопроса, вероятно, следует еще сказать следующее. Проблема Н. В. Гоголя в связи с написанием им II тома «Мертвых душ» состояла, скорее всего, в том, что сохраняемое им название поэмы вполне ясно вошло в противоречие с общим художественным замыслом финального тома. Почему? Да потому, что если все герои I тома поэмы во главе с ловким приобретателем мирских благ Чичиковым сами по себе оказались «душами мертвыми», то уже во втором томе этой же поэмы в соответствии с ее общим замыслом должны были возникнуть уже иные — «живые души», коих писателю в реальной жизни, видимо, так и не достало. Кстати, очевидно поэтому-то и не случайно в конце уже изданной им первой части поэмы фактически полным распорядителем всей знаменитой «Руси-тройки», мчащейся в неведомое будущее, оказывается упомянутый выше Чичиков — главное действующее лицо и современного всем нам времени. Другими словами, поэт, стремясь всей душой к образу «Руси благодатной», собственным решением о сохранении названия «Мертвые души» и у II тома поэмы, лишил тем самым весь роман отчетливой перспективы и превратил его как нечто целое с неизбежностью во вполне нигилистическое полотно, от которого впоследствии сам же и пришел в уже непреходящее до конца его жизни смятение. И потом, видимо, образ «Руси благодатной» объективно оказался выше наличных возможностей великого русского писателя. Другими словами, убедительное описание славного русского будущего вне переживания соответствующего опыта, например, в духе, оказалось явно не под силу Н. В. Гоголю, а рутинный повтор или даже расширение уже достигнувшей вершин критики русской жизни в сделанной им ранее работе никак не могли оказаться достойными уже свершенного. Кроме того, Н. В. Гоголь, скорее всего, так и не смог разрешить обнаруженное им же противоречие внутри самого русского православия как корневой основы самой русской исторической жизни. С одной стороны, он испытывал благоговение перед обитателями Оптиной пустыни, с другой же — во втором томе поэмы, по некоторым данным, он все-таки посмел высмеивать некоторых православных священников, коих наблюдал непосредственно в жизни. Иначе говоря, реальные факты из жизни РПЦ оказались для него своего рода «камнем преткновения». В результате он так и не смог снять в своем собственном творчестве обнаруженный им же нечаянно в русской православной жизни фундаментальный конфликт деланного и подлинного благочестия. В конце концов, с помощью случая, как всемогущего орудия Провидения, он невольно отказал себе же самому в праве на публичное слово об этом так и не снятом противоречии. В качестве подтверждения слов об «игре случая» приведем пояснение самого Н. В. Гоголя по поводу сожжения рукописи II тома известной поэмы, сформулированное им непосредственно графу А. П. Толстому. В нем он наутро после ночного сожжения и со слезами на глазах объяснил, что предал огню совсем не то, что собирался. Об искренности приведенных выше слов ныне можно судить хотя бы по тому, что еще до сожжения рукописи Н. В. Гоголь настойчиво просил А. П. Толстого взять ее к себе на хранение, чтобы по кончине писателя передать ее митрополиту Филарету с просьбой определить, что печатать, а что нет. Тем самым вполне очевидно то, что поэт как честный человек не мог сам совладать с возникшим у него творческим кризисом, который Бог за него, в конце концов, и управил. Другое дело, что при этом наиважнейшая для всей русской жизни тема так и осталась до времени сокрытой от нее же самой.

Завершая очерк, его автор смеет думать, что сумел-таки вполне отчетливо разъяснить своим читателям подлинную причину невыхода в свет II тома поэмы Н. В. Гоголя

«Мертвые души», чем, вероятно, помог и самому писателю, невольно оказавшемуся в грустном положении так и не понятого до конца человека.

15 сентября 2006 года
Санкт-Петербург

О проекте «Вселенная» Виталия Иванова

**(по материалам соответствующей публикации в 3-м выпуске
литературно-художественного альманаха «Золотое слово»)**

В настоящей работе ее автор пробует вступить в подробную дискуссию по проблемам мировоззренческого характера. Последняя представляется тем более актуальной, что В. Иванов вольно или невольно выступает в 2006 году со страниц альманаха «Золотое слово» (РИК «Культура», СПб отделение) в качестве своего рода наставника или в качестве своего рода «формирователя» интеллектуально-творческой элиты России. Почему? Да потому, что таков уж характер его работы или таково ее наличное содержание. О чем же она, собственно, повествует и что так взволновало автора настоящего критического очерка?

В своем труде Виталий Иванов в самом начале провозглашает материю мироздания в качестве альфы и омеги всего сущего. Далее он ясно проводит ту мысль, что человек как дитя означенной материи является для нее же своего рода новым ресурсом в ее переходе в новое качество. Вероятно, поэтому-то вещественная экспансия человека рассматривается автором проекта как универсальное средство развития самой Вселенной. Далее автор провозглашает тот постулат, что Бог и Вселенная есть одно. С другой стороны, В. Иванов видит в Боге своего рода триаду: материю, информацию и человека как особый вид самой материи. Иначе говоря, по Иванову, Бог — не личность, Он есть лишь носитель некой результирующей всех человеческих волений. При этом каждое «я» есть неповторяющееся лицо Бога. В перспективе В. Иванов видит торжество религии Разума как торжество церкви Вселенной. Далее автор проекта вводит в свою работу священный принцип Мечты и необходимость его воплощения как особой предпосылки всего лучшего во Вселенной. История же рассматривается внутри проекта как накопитель нескончаемой информации и как ресурс приспособления к возрастающему ее же количеству. Поэтому можно сказать, что своего рода технологической целью всей совокупной человеческой деятельности провозглашается увеличение суммарного ИПР (инструмента познания и развития) по специальному критерию оптимальной организации общества. Миссией же человека как вида объявляется лишь познание и развитие мира и породившего самого человека. Первоочередной задачей человеческого общества видится создание для всех его членов вполне достаточных возможностей для максимально доступного им лично уровня творчества. Завершенной же целью самого общества провозглашается удовлетворение всех ожиданий самой природы мироздания, тем самым попутно удовлетворяются и все мыслимые потребности самого названного выше общества. Иначе говоря, если природе-матери хорошо будет, то и нам, всем ее детям, тоже неплохо станет! Средством же для деятельности общества должно быть преодоление запретов на всяческое развитие самого государства. При этом автор проекта исчерпывающе ясно осуждает аскетическое бытие человека как бытие очевидно противоприродное. С другой стороны, автором проекта поощряется всякое стремление человека к примирению им в личной жизни присущей ему от природы тяги к чувственным удовольствиям с духовными (творческими) исканиями. Кроме того, в грядущем будущем должны всемерно удовлетворяться всевозрастающие материальные потребности человека как естественная предпосылка для возникновения, в конце концов, из него самого нового человека, уже отвечающего всем своим существом за проблему развития мира как такового, за количественное и качественное расширение сферы Вселенной. Иначе говоря, лишь бесконечное развитие мира и может стать высшей целью бытия человека. Но подобное без провозглашения принципа разумной социальной

справедливости, как говорится, и немыслимо вовсе. Но что может составить содержание искомой? Культ гуманистических начал, установление отношений доверия, дружбы, чести, здоровой конкуренции и сотрудничества и есть оные. Впрочем, без провозглашения еще принципа обязательного опережения роста потребностей над ростом наличных возможностей будет просто не обойтись. И все это должно быть представлено строго на фоне утверждения принципа поддержки всех вначале непонятных обществу его же творческих инициатив, дабы по глупости не упустить возможную в будущем от них выгоду. А на десерт, видимо, чтобы веселей было, автор проекта «Вселенная» предлагает всем своим последователям освятить принцип собственности, так как человек во Вселенной есть, прежде всего, «собственник, активный творец, хозяин, ум и руки материи в ее самопознании и саморазвитии».

Что же сказать в связи с изложенным выше? С одной стороны, человек имеет, в конце концов, право так думать. Но, с другой — кто-то может и поддаться сему славному исканию смысла человеческой жизни и вполне пожать соответствующие плоды. Впрочем, надо и по существу все-таки высказаться. Что ж, попробуем за якобы понятным и правильным увидеть и нечто не совсем таковое. Тем более что в данном проекте в концентрированном и внешне благопристойном или почти что в моральном виде выражены все ныне господствующие ценности западного мира, которые, впрочем, пока еще не без успеха навязываются и всему остальному человечеству. Но что не устраивает автора сих строк? Да прежде всего то, что в рассматриваемом проекте Господь Бог как понятие посредством в целом незатейливых смысловых построений и переходов попросту превращается в пустую абстракцию или незаметно для сознания человека «растворяется». Названная операция с успехом завершается актом «обождения» уже самого человека как неявной вершины всех творческих усилий самой матушки-природы. Другими словами, природа, создав человека во имя собственного благополучия, оказалась у него в заложниках, так как даже возможность его уничтожения все равно никак не удовлетворяет принципиально ее же фундаментальных потребностей, а значит, она, то есть природа, в конце концов, так или иначе должна смиренно ожидать от него соответствующей милости. Его же главной и единственной целью провозглашается нескончаемое развитие самой Вселенной посредством полного воплощения его же совокупной мечты, которая и реализуется вся «до капельки» посредством установления специфического порядка разумной социальной справедливости, непременно освящаемой еще особым принципом собственности. В результате на круг вполне начинает просматриваться грустная в целом общая программа ликвидации в человеке всего человеческого, так как в пользу достижения выше заявленной цели жизни человека легко приносятся в жертву все его лучшие качества или оные запросто объявляются своего рода подходящим средством борьбы за благо Вселенной. Другими словами, честь, доверие, дружба и, вероятно, любовь становятся как бы разменной монетой во «вселенском бизнесе», в котором принцип собственности или «неотъемлемое право обладания» провозглашается подлинным Богом самого человека. Впрочем, кто-то, вероятно, возразит, что названные выше качества все-таки сохраняются, а значит, общая гармония никуда и не исчезает. Но разве любовь ради развития Вселенной не есть ее, в конце концов, пресечение? Другими словами, добро как ресурс благоденствия уже и не добро, собственно. Вот в чем заковыка.

Завершая настоящий критический очерк, его автор полагает, что сумел-таки донести до читателя свою тревогу, а значит, сумел предотвратить возможное сползание кого-либо в сторону сего опасного мудрствования.

15 сентября 2006 года
Санкт-Петербург

Что скрывает «Взгляд через прошлое в настоящее и будущее»?

В 3-м выпуске литературно-художественного альманаха «Золотое слово» (РИК «Культура», СПб отделение, 2006) вышла примечательная статья, в которой ее авторы выступили в своеобразной роли «социальных инженеров» или в роли разработчиков универсальных принципов социальной организации, настройки (перестройки) и регуляции. Так, они сообщают своему читателю о преимуществах принципа действия сложной, открытой и гибкой системы (СОГ-системы). В последней, по мнению авторов статьи, действуют подходы взаимосодействия, взаимопомощи, нахождения компромисса (консенсуса). Кстати, уважаемый читатель, обратите свое внимание на первостепенное употребление термина «взаимосодействие». Зачем, спросите? А затем, что с его помощью, как бы это сказать, несколько что ли освободить самих себя от необходимости несения каких-либо моральных обязательств по известной из советских времен формуле: ты — мне, я — тебе. Иначе говоря, если взаимопомощь предполагает наличие некоего человеческого сопереживания или участия, то уже «взаимосодействие» своим наличным смыслом никак не обременено подобным мотивом. У него есть лишь мотив «выгодности» или на худой конец — «полезности». Далее в тексте статьи высказывается мысль, что только свободный обмен всеми имеющимися ресурсами позволяет сохранять благополучие самой названной выше открытой системы. Затем И. Г. Елинер и Г. И. Елинер делают еще одно весьма смелое заявление, что «не бог, а самоорганизация, саморегуляция являются основой и эволюции, и развития глобальных систем. Это относится ко всем системам, как малым, так и большим и таким глобальным СОГ- системам, как национальные и этнические культуры, мировое сообщество, человечество, природа и Мир в целом». В общем, как ни крути, а Бог в предлагаемой концепции устройства мироздания все-таки «отдыхает». Кроме того, упомянутые авторы указывают нам дополнительно еще на такое:

«Любая самоорганизующаяся система стремится к упорядоченности, то есть к снижению энтропии (тенденции к распаду. — Авт.), однако чем жестче система, тем она менее приспособлена к внешней среде. Ведь именно из внешней среды к открытой системе, нуждающейся в энергии, информации, веществе, приходят необходимые для поддержания ее жизнедеятельности, ее саморегуляции и развития компоненты. Извне приходят также стимулы, которые тренируют систему, адаптируют ее к новым условиям, оптимизируют наравне с саморегуляцией ее свойства, характеристики, параметры надежности».

Таким образом, выбора, как говорится, и нет вовсе: либо мы переводим себя в СОГ-систему и выполняем беспрекословно все ее специфические требования, либо попросту начинаем «распадаться». Еще раз обратим свое внимание на то, что нам настойчиво предлагается потреблять саму жизнь обеспечивающие ресурсы, саморегулироваться, развиваться, тренироваться, адаптироваться к новым условиям; оптимизировать собственные свойства, характеристики, параметры надежности. Иначе говоря, нам фактически предлагают воспринимать самих себя как особо ценный ресурс, главной целью которого является он сам. Но неужели в жизни человека все поддается учету и контролю? На это авторы статьи заявляют следующее:

«Конечно, случайность тоже играет роль и в общем процессе эволюции всего живого... Догадка Лукреция Кара в 70-х годах до нашей эры была, безусловно, гениальна, так как допускала случайность для объяснения возникновения нового. Но случайность в широкой самоорганизующейся системе, какими, безусловно, является организм человека или организм общества, государства, тем более — мирового сообщества, не может быть рассмотрена как необходимое условие обновления — развития. Кроме того, возникающая или, вернее, вытекающая из необходимости выхода из тупика так называемая случайность на самом деле является выбором пути развития в точке бифуркации, который обуславливает рождение другой системы. Возникновение новой системы вполне

закономерно, ибо такая “случайность” вполне может быть предсказана благодаря знанию закономерностей поведения и организации СОГ-систем — знанию согистики».

Вот так, дорогие читатели, вместо случая, как необоримого никем и ничем орудия Божьего Промысла или Провидения, нам предлагается ее универсальный заместитель — согистика. Но способна ли последняя сама по себе выйти за собственные смысловые пределы? Вряд ли. Почему? Да потому, что сами границы согистических процессов на практике точно никак не определены! Другими словами, ведь даже вся Вселенная, в конце концов, так или иначе вполне отвечает на действия каждой отдельной ее составляющей СОГ-системы или доступный масштаб прогнозирования изнутри таковых очевидно недостаточен, а значит, носит явно условный (приблизительный) характер. Поэтому-то рассуждения, что «человек, способный мыслить согистически, всегда сможет сделать выводы из истории» попадают неизбежно в категорию явных смысловых преувеличений. А надежда на то, что «овладев согистическим мышлением, человек приобретает способность заглядывать в будущее, ибо может прогнозировать будущий результат от своей деятельности, не обращаясь ни к гаданиям, ни к Богу, ни к другой мистике» есть, конечно же, иллюзия.

Завершая сей краткий смысло-логический анализ взятой в рассмотрение статьи, его автор полагает, что ему удалось ответить на вопрос о качестве представленного в ней совокупного замысла. Последний посредством ставки на согистику как на очередную панацею, являющуюся очевидным соблазном и смысловой ловушкой для легковверных людей, предлагает человечеству, в конце концов, искать блага себе вне веры в Бога.

16 сентября 2006 года
Санкт-Петербург

Двойной смысло-логический анализ стихотворения

«Пророк» А. С. Пушкина

Поспешишь — людей насмешишь.
Народная мудрость

Что же побудило автора к написанию подобной работы? — Вероятно, спросит кто-либо из читателей. А побудил разговор пишущего сии строки с очень образованным и строгим человеком, который, ознакомившись с очерком «А. С. Пушкин как титан эстетического соблазнения русского ума», выставил суждение, что без своего рода продолжения или, скажем, второй части, аналогичной (по своему содержанию) заявленному выше заголовку настоящего исследования, упомянутый очерк окажется, в конце концов, оскорбительным выпадом в адрес великого поэта. Кроме того, не выделив и не оценив со смысловой точки зрения поэтические вершины А. С. Пушкина, автор рискует и сам оказаться вполне обделенным, а значит, рискует оказаться вне благодатного действия поэзии русского гения. Но почему, собственно, взят именно «Пророк»? Да потому, что строгий собеседник автора назвал его чудом! Но для начала воспроизведем текст самого стихотворения «Пророк» (1826):

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись веющие зеницы,

Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

И действительно: какое удивительное стихотворение! Какая краткость, емкость и глубина смысла! Впрочем, углубимся в подлинные смыслы в нем сказанного. Тем более что если действительно есть за что, собственно, поэта хвалить, так надо об этом и говорить по самому что ни на есть существу. Но начнем по порядку. В первых строках стихотворения читаем:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —*

Что мы здесь имеем со смысловой точки зрения? Некто, в данном случае наш поэт, оказался в состоянии жажды чего-то духовного. Естественно ли это для человека ищущего, например, смысл собственной жизни или Бога? С одной стороны, а почему бы и нет, но с другой — вряд ли. Почему? Да потому, что жажда чего-то духовного сама по себе вполне сравнима с разновидностью одержимости. Во как! А каковы аргументы в пользу сего неприятного для поэта суждения? Что ж, все верно, надо доказывать сказанное выше. А как и с помощью чего делать это? Но обратим свой взор на вторую приведенную строку настоящего стихотворения. В ней мы видим, что поэт почему-то оценивает свое текущее состояние как пребывание в «пустыне мрачной». А что, он в изгнании? Возможно. Но почему это вдруг он так уничижительно о самом себе — «влачился»? Неужели и в этом он неволен? Видимо, это принижение нужно было поэту для непременно вызывания сочувствия читателя в адрес представленного в самом начале стихотворения образа стесненного человека. Но стесненного-то, собственно, чем? Не очень понятно. В результате «влачился» есть странное следствие от упадка духа? Вот и получается на круг, что жажда духовного сама по себе не есть, как говорят немцы, «гуд». Но в таком случае и выходит, что поэт либо, простите, просто пыжится, либо действительно одержим чем-то неведомым и неосознаваемым. Но идем далее:

*И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.*

А что — красиво. «Шестикрылый», «на перепутье», «мне явился». Первое, понятно, как своего рода гарантия, что явился тот, кто имеет «правильные» полномочия, а не кто-то там подсадной или поддельный. Второе же странно. Что за перепутье, почему именно перепутье? Какое перепутье «в пустыне мрачной»? Непонятно. Может, речь идет о принципиальном выборе человеком собственных устремлений? Но тогда явление Божьего посланника явно не ко времени и есть очевидное давление на волю человека. Хорошо ли это? Вряд ли. Ведь аналогичное явление ангела было бы к месту, прежде всего, в случае страстного взывания о том к Небу самого человека. А так получилось: не ждали? Напрасно! Но читаем следующие строчки:

*Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.*

А что — изящно. Только непонятно, наш герой почивал, что ли? Впрочем, выходит, что поэту, видимо, попросту откорректировали зрение. Ежели оно так, то это уже что-то чудесное с ним случилось, и случилось по действию внешней силы. Но заглянем в последующее содержание, может быть, там и ответ найдется?

*Отверзлись веющие зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

Смотрите, ну точно, внутри поэта принудительно свершился чудесный акт, как ныне модно говорить, «расширения сознания». Но почему так? Ну как же — «отверзлись» не просто «зеницы», а «веющие» зеницы! И потом, «отверзлись», как ни крути, все-таки «как у испуганной орлицы», а значит, для поэта вполне внезапно или «как снег на голову». Читаем нижеследующее:

*Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:*

Вновь налицо действие невиданной силы. Но «шум и звон» есть Неба голос счастья, что ль? И странно это. Или неужели в природе мира есть это естество? Но переходим к продолжению сего стихотворения:

*И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Что это за «неба содроганье»? Ужель ли громы? Но остальное — совсем должно б не слышно. Ладно, допустим, что у поэта здесь все к месту и душе нашей вполне отрадно. Впрочем, саднит еще не к месту «прозябанье». Почему же вдруг? Да потому, что нет в природе, Богом сотворенной, поруганья, и жалость эта нашему поэту выходит вовсе не к лицу. Идем далее:

*И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.*

Да, как говорится, «не скучно» получается. Почему? Во-первых, употребление слова «приник» выглядит странновато все-таки. Ведь оно имеет ясный смысл плотного прижимания чего-то к чему-то. То есть в результате «шестикрылый серафим» зачем-то плотно прижался к устам поэта. Да, пиит, вероятно, имел в виду другое, что он, серафим, всего лишь своей десницею ухватился за язык поэта. Но по факту своего речения сказал-таки нечто иное, уместное скорее для поцелуя. В результате получилась несуразная напыщенность какая-то. Ну да Бог с нею. Читаем дальше. В последующем удивляет уже такое. Пускай уж ангел Божий вырвал грешный язык поэта, но зачем еще такие подробности — «и празднословный и лукавый» нам даны? Неужели празднословие и лукавство вполне не поглощаются смыслом слова «грех»? И потом, мы же помним изначальное — «духовной жаждою томим», а значит, сочетание с ней (с одержимостью) празднословия и вполне осознаваемого нечестия в речах вряд ли бы было возможным. При этом еще важно понимать, что слабый ум (празднословие) и порочный ум (лукавство) также не сочетаются между собой, а значит, поэт опять очевидно путается. В таком случае избыточно раздутая характеристика сего языка становится не совсем адекватной самой описанной ситуации? Непонятно. Видимо, явный перебор в чувствах поэта, как говорится, налицо или некоторым проявлением мании величия написанное все же отдает. Другими словами, мол, мой язык не просто банально грешен, но он еще к тому же и празднословен и лукав! Теперь о жале мудрого змея. В таком случае у нас просто прямая дорога к сатане выходит. Почему? Да потому, что мудрый змей в раю и есть оный. В результате, как ни поворачивай, прямо-таки путаница поэтическая выходит какая-то. Грустно сие.

Далее, откуда это вдруг замерзание уст у поэта возникло, ведь по природе самого предшествующего события возникшее уже кровотечение тому должно бы явно помешать. Но, может быть, поэт имел в виду собственный жуткий страх по случаю сему, от которого он сам весь и окоченел? Наверное, он хотел все-таки сказать на самом деле: «в уста немые»? Ну и финальная строка. В ней опять же смущает заявленная «кровавость». К чему же нам она дана? Для большей жути аль для трепета большого? Опять спекуляция или явная игра на обольщение читателя получается. Некрасиво. Не скромно оно. Теперь переходим к следующему четверостишью:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угля, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

А что — колоритно вышло. Но опять какая-то незадача в итоге: «трепетное сердце» человеческое меняем на «угль, пылающий огнем». С одной стороны, конечно же, возвышенно и даже жертвенно выходит, с другой же — пardon, но никто поэта о том и не спрашивает: меняют запросто — как запчасти авто и вполне бесцеремонно. Теперь, привлекают внимание слова «во грудь отверстую». Вновь какое-то изысканное лукавство на круг выходит. Почему? Да потому, что слово «отверзать» означает лишь «открывать» или «раскрывать». Тогда как грудь поэта все-таки рассечена, причем опять-таки безо всякого разрешения с его стороны, а значит, она вовсе не открыта или раскрыта, но она на самом деле рассечена или, если хотите, она разрублена надвое. Поэтому примененное автором поэтическое умягчение уже содеянного окровавленным «серафимом», конечно же, есть откровенная попытка очарования невнимательного и невзыскательного читателя, что опять же не есть хорошо. Но не будем придирааться более и пойдем ближе к финалу стихотворения:

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:

Да, теперь-то уже можно, как говорится, и побеседовать. Но смущает все-таки состояние слушающего речь поэта: «как труп». Ну, ничего, для Бога-то ведь все живы! Но почему все же «глас ко мне воззвал»? Странно это. Как будто Бог и человек вдруг местами поменялись. Видимо, опять гордыня поэта «так и выпирает, так и торчит», а значит, действительно справедливо утверждение, что только дайте человеку высказаться, а он-то уж и сам о себе все скажет. Но воззрим очи свои таки на финал стихотворения и, может быть, обрадуемся:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Ой как красиво-то получилось! «Восстань», например. Стоп. Не сатанинские ли это песни снова? И действительно, а чего это, собственно, восставать-то? Впрочем, может это лишь случайное и совсем незначительное революционное совпадение наблюдается? Проверим. Оказывается, совершенная ранее принудительная смена качеств поэта вполне превратила его же в пророка. Во как! Теперь же его как будто бы оживляют специальным воздействием извне и вводят в права орудия могущественной внешней силы. При этом ему дается четкая установка: «глаголом жги сердца людей». Здорово, а? Но жало змея с глаголом все-таки как-то плохо вяжется. Это во-первых. Во-вторых, жало опять же не огонь, а значит, будет лишь жалить и, между прочим, поражать ядом возможно даже насмерть. Поэтому и выходит, что наш пророк, как бы это поделикатнее сказать, и не совсем что ли пророк получается? Да, уж. Но кто же все же он тогда? — Решайте сами, господа! К сему же слову своему сказать я боле не смогу...

Постскрипtum. (Некоторые, но совершенно необходимые, по мнению первого читателя сего очерка, разъяснения и дополнения автора по поводу написанного выше, сделанные им по прошествии небольшого промежутка времени после создания очерка.)

Автор очерка никак не ставил изначально перед собой задачу осмеяния великого поэта. Но по ходу работы вдруг обнаружил, что огрехи в рассматриваемом произведении вполне объективны или никак не являются кажушимися лишь ему лично. Да, он отдает себе отчет в том, что его анализ отчасти пристрастен, отчасти неполон. Но он, вероятно, так же как и читатель, воспринял обретенный результат с большим огорчением, впрочем, это только с одной стороны, с другой — воспринял его все-таки с известной долей оптимизма. И вот почему. Если развенчание образа поэта-пророка, понятное дело, не есть радость сама по себе и даже более того — есть своего рода (в контексте речений, что «Пушкин — это наше все») случай национального унижения, то уже преодоление изящных и устойчивых во времени национальных ложных ориентиров, а также и соответствующих им кумиров будет, возможно, началом своего рода национального прорыва к подлинной правде, началом, если хотите, душевного выздоровления и даже, возможно, желанного духовного прозрения? Поэтому автор очерка очень рассчитывает, что его читатели не уклонятся от самостоятельной работы и по осмысливанию текста стихотворения «Пророк», и от получения ясного, а главное — доказательного ответа о его подлинной сути.

Постскрипtum второй и вполне завершающий очерк

Поспешишь — людей заблудишь.
Первый читатель настоящего очерка

Почему это? Зачем еще? Автор очерка вдруг вспомнил, что упомянутый выше в скобках читатель высказался также, что на сам данный очерк о «Пророке» вполне можно написать своего рода ответный или встречный очерк. Но к чему вдруг такое вспомнилось? Кроме того, этот же человек высказался в пользу той мысли, что не все может быть выражено словом, а толковые словари порой и вовсе ненадежные источники искомых нами смыслов. Может быть, что-то важное было пропущено, а что-то было так и не понято автором очерка до конца? Но что конкретно? Да, кажется, «всплывает» в сознании так и необдуманное — главное, а именно финальное четверостишие:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

В нем же все неплохо и даже очень хорошо! Другими словами, последнее краткое стихотворение очевидно безупречно, а значит, и Божественно! Почему? Да хотя бы потому, что «глаголом жги сердца людей»! Да, поэт искал Бога, но и Бог — это не мармелад будет. Поэтому раз нашел, так соответствуй сему состоянию! И потом, а как еще до людей достучаться без насилия над ними как не с помощью жгущего их сердца глагола? Но как такое может быть, ведь выше последнего четверостишия сплошные заблуждения были? Впрочем, слово «восстань» было все-таки помечено как не совсем уместное. Но разве лежащий «как труп» поэт не мог бы восставать к жизни уже подлинной? Конечно же, мог бы, а значит, рассматриваемое четверостишие все-таки полностью без каких-либо огрехов. Но тогда возникает законный вопрос о допустимости на ущербном исходном основании получения безгрешного вывода. Возможно ли такое вообще? Нет, конечно же, нет. Но что тогда? А тогда нужно вновь вчитаться в исходную часть стихотворения! Что в самом начале?

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —

Стоп. Что такое жажда с сущностной точки зрения? Во-первых, это сильное желание пить; во-вторых, жаждать — это самая высокая степень желания, какая только может быть доступна человеку. Но тогда самая высокая степень желания духовного, видимо, не будет все-таки ранее предположенной одержимостью. Другими словами, и богоискательство вполне будет попадать в понятие духовной жажды. Так, уже лучше. Теперь выражение «В пустыне мрачной», видимо, следует понимать в контексте все-таки возможного богоискательства, а значит, пустыня может быть даже как среда неверующих в Бога людей. Но слова «я влачился», с ними как же? Слово «влачиться» означает «тащиться», «скитаться», «тянуться». Что ж, пожалуй, и такое будет возможным. Почему? Да потому, что одинокое, истовое и не понимаемое никем стремление человека, например к Богу, и может стать таковым, скажем, скитальческим. Фу, слава Господу! Дальше:

И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Что ранее вызывало недоумение? «На перепутье» — вот что. Но ведь поэт, в конце концов, скитался, а значит, мог оказаться и в названной точке. Что еще не нравилось выше? А то, что он якобы еще толком и не знал, к чему сам стремился. Но ведь это совсем не так, наоборот, он уже знает и ищет соответствующей встречи. Но тогда последующее речение:

Перстами легкими как сон

Моих зениц коснулся он.

становится вполне к месту подходящим. И далее слова:

*Отверзлись веющие зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

тоже читаются без каких-либо недоумений. Ведь желаемое поэтом соприкосновение с Небом, в конце концов, стало чудесным образом сбываться, и его глаза от неожиданности мгновенного вхождения в свое новое состояние действительно могли быть смущены этим событием. Смотрим на последующее:

*Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:*

Последнее чудесное действие вновь попадает в уместный ряд ранее свершившегося. А «шум и звон», вероятно, и есть существо первого впечатления от открывшегося необычайного мира звуков. Теперь обдумываем повторно нижеследующее:

*И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Да, видимо, не о небесных громах таки здесь речь будет, во всяком случае, в первую голову. И не надо бы, как говорится, по-обывательски мерить сие и позориться. Широко распахнутый Богом перед человеком весь мир звуков, вероятно, кратко так и мог бы быть описан. А «прозябанье лозы» есть лишь ее не востребованность человеком. Смотрим ниже:

*И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.*

Что было плохо при первом прочтении? Слово «приник» показалось ранее явно не на месте. Что ж, думаем еще раз о том. Но может быть десница серафима, как его же неотъемлемая часть, может восприниматься нами и как он сам? В таком случае слово «приник» уже не будет казаться нам таким уж неуместным и диким. Теперь о празднословии и лукавстве языка поэта. Да, трудно представить празднословие лукавого, Божьего врага, но поэт все-таки не он, а значит, лишь отчасти может походить на него. Но тогда и неодолимого противоречия, внутри сказанного поэтом, и не наблюдается нами вовсе. А то, что он уточнил особенности своей личной греховности, не должно быть поставлено ему же в вину. Другими словами, для поэта празднословие и лукавство, видимо, и есть наибольший грех! Другое дело, « жало мудрыя змеи». Но и здесь ранее было опущено такое существенное слово, как «мудрыя». Посредством последнего поэт, скорее всего, сообщил читателю, что речь идет о самой большой или самой глубокой мудрости, которая только и может быть доступна человеку, а значит, никто поэт в целом речи и не лишил вовсе, его Небо лишь снабдило точным или безгрешным словом. Ну и, наконец, некоторые соображения об «устах замерших» в контексте «десницы кровавой». Но, может быть, оно на фоне ранее уже пережитого поэтом вполне и справедливо? А как знать! Не испив сей чаши, разве скажешь уверенно о ее содержимом? А то, что кроваво, так ведь не шутки, в конце концов, шутят. Переходим к почти финальной части стихотворения:

*И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.*

Чего было не так ранее? «Сердце трепетное» сменили на «уголь, пылающий огнем», вот чего. Так ведь опять же: куда ж обычному человеческому трепетному сердцу удержать человека в поставленных Свыше пределах. Не выйдет сие. Теперь о «груди отверстой». Да, по-человечески она, конечно же, рассечена или даже разрублена, но если смотреть на это с иной — сверхчеловеческой позиции, то она все-таки действительно раскрыта, и горевать, собственно, не о чем. Другими словами, как раскрыли, так и закроют, ежели в том нужда будет. И последнее, еще не оговоренное повторно:

*Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:*

Что нехорошо было? «Как труп» было странно. Но ведь от предшествующего действия иного и ожидать-то трудно. Но тогда еще выражение «бога глас ко мне воззвал» тоже как-то смущало. Разве? Ведь этим Бог вполне уважительно обращается к человеку, а значит, имеет к нему и любовь. И потом, может быть даже, наоборот, этим самым поэт как раз сообщает читателю свой нешуточный трепет перед Всевышним? Да, наверное, это так.

Завершая свой самый первый двойной смысло-логический анализ, в данном случае стихотворения А. С. Пушкина «Пророк», автор вполне ощущает, во-первых, радость от обретенного в конце концов утверждающего жизнь результата; во-вторых, рассчитывает, что читатели сего двойного текста также обрели для себя нечто крайне важное, а значит, в дальнейшем сумеют разумно сориентироваться в сложной ситуации, что и составит так или иначе благо всех и каждого из нас.

20 сентября 2006 года
Санкт-Петербург

А. С. Пушкин как средоточие ключевой проблемы русского духа

*Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...*
А. С. Пушкин

*Я хотел ехать за границу — меня не пустили,
я попал в такое положение, что не знал,
что мне делать, — и женился.*
А. С. Пушкин. Из беседы поэта с Брюлловым

*Подлинно русский невольно
стремится к невозможному...*

Настоящий очерк, по-видимому, завершает собой небольшой цикл об А. С. Пушкине, во всяком случае, в настоящей книге. Причем он, как и ему предшествующий, вызван был беседой с очень образованным и очень взыскательным собеседником автора, который периодически и небезуспешно пытался влиять на его мировоззренческие ориентиры, каждый раз предлагая ему неожиданные темы в качестве своего рода новых творческих

задач. Вот и в данном случае очерк инициирован им. В свою очередь автор рассчитывает, что в итоге эта работы не окажется большим огорчением для названного наставника.

Но почему такое вдруг название? Или зачем писать о такой зыбкой материи, как дух? А, вероятно, затем, что именно в нем, по представлению автора, все насущное изначально и осуществляется. Посему иное, конечно же, зависимо и вполне второстепенно. Хорошо, допустим, что это так. Но при чем здесь А. С. Пушкин будет, тем более живший около двух веков тому назад? А при том будет, что для духа, во-первых, нет времени, во-вторых, именно А. С. Пушкин как никто иной из русских людей сумел в своем творчестве и в своей жизни выразить названное в заголовке очерка русское духовное содержание со всеми его специфическими особенностями. В качестве подтверждения правоты сего воззрения сошлемся на оценку Пушкина Н. В. Гоголем, который писал:

«В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла... Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами... Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Последнее предложение, заключенное в кавычки, представляется автору очерка все же некоторым преувеличением гениального русского писателя, который в дали прошлого не мог объективно видеть всей сложности будущего России. Другими словами, А. С. Пушкин все-таки есть выпуклое средоточие самых существенных противоречий русского духа, которые как в прошлом, так и поныне не позволяют русским людям обрести желанную «Русь благодатную». Да, русские люди истари понимали себя как, если хотите, людей вполне взрослых, с которых Провидение всегда крайне строго спрашивало или без какого-либо снисхождения взыскивало. Они в глубине своей души в целом привыкли считать себя обязанными сносить смиренно все горести земного бытия как горести вполне законные и справедливые. Они же еще в глубине веков почувствовали, если хотите, свою роль удерживающего человечество от окончательного отпадения от Бога народа. Другое дело, что исчерпывающего всеобщего осознания и понимания сего «небесного поручения» до сих пор так и не произошло. Как раз в лице А. С. Пушкина драма сего неосознания и была явлена в самой что ни на есть полной мере, а значит, понимание ее сути и может послужить спасительным шагом к искомому и желанному нам всем прозрению. Ради последнего дела народного прозрения и предпринимается автором очерка сия попытка написания портрета внутренней духовной брани, происходившей когда-то в душе нашего поэта. В качестве же своего рода точки отсчета для своего анализа автор настоящей работы будет использовать некоторые тексты писем А. С. Пушкина и его современников, написанных либо в последний год жизни поэта, либо уже после его смерти. Кроме этого, также будет использован текст одной из его отмеченной особым образом поэтической работы последнего года его жизни.

1836 год, самый канун грядущей трагедии. Что происходило в те дни? «Не будет преувеличением сказать, — писал один из славных пушкинистов старой школы Н. В. Измайлов, — что Пушкин в 1836 г. чувствовал себя в большем одиночестве, чем за десять лет до того, после разгрома декабристов — его “друзей, братьев, товарищей”: тогда, в 1826 г., он живо ощущал восторженное сочувствие общества, широкого круга читателей; теперь “общество” было ему враждебно, а сочувствие читателей он перестал ощущать и не мог вызвать его ни последними сборниками своих сочинений, ни “Пугачевым”, ни “Современником”». Кстати, о второй книге «Современника» очень живописно писал В. Г. Белинский: «...И это “Современник”? Что ж тут современного? Неужели стихи барона Розена и похвалы “светским” людям за то, что они умеют хорошо садиться в кресла и

говорить в обществе свободно?.. И на таком-то журнале красуется имя Пушкина!..» Но почему вдруг так, ведь всероссийская известность и даже слава были знакомы поэту еще при его жизни? Неужели только некоторый переход его в услужение царской власти, например, в качестве единственного и официального историографа России, мог быть тому причиною? Вряд ли. Видимо, что-то существенное, что от него все ждали, им так и не было в то время высказано. Но что это? О чем таком насущном могла бы идти речь? И какова причина сего молчания? Может, это как раз и были результаты той невидимой извне духовной брани, разыгравшейся тогда в душе поэта? Да, с одной стороны, А. С. Пушкин, конечно же, разбудил многими своими предшествующими стихами большие общественные ожидания, с другой — он же не смог или не захотел их же удовлетворить. Конечно, определенные и существенные изменения в воззрениях поэта к 1836 году вполне состоялись, но соответствующей строгой и ясной оценки у самого поэта они так и не получили. Видимо, А. С. Пушкин более всего в чувстве стал отходить от собственных изначальных воззрений, чем посредством строгого ума. В результате он, к своему несчастью, и оказался не в состоянии «оторваться» окончательно от собственных «задов», что, в свою очередь, и не позволило ему же двинуться в собственное земное будущее. Другими словами, к 1836 году поэт все существенное и доступное ему посредством его гения так или иначе уже успел высказать или, не имея наличного душевного ресурса к еще большему самоизменению, Пушкин оказался заложником всего им уже совершенного. Тем самым невольно, можно сказать, в самом его духе свершилось окончательно и его же земное бытие. Но где иллюстрации сего высказанного выше умозаключения? Извольте, возьмем, к примеру, стихотворение «Памятник», названное таковым с легкой руки В. Жуковского. Автор обстоятельной работы «Пушкин. Труды и дни. (Из хроники 1836 года)» С. Л. Абрамович пишет: «Перед нами итоговые размышления поэта о жизни вообще и о его собственной в частности, которые он оставил нам, чтобы и мы в наш черед могли размышлять, а не сводить содержание нашего существования только к быту и повседневности. Для того он трудился и страдал, для того творил, для того принял мученический венец». Что ж, красиво сказано. Но прочтем все-таки само стихотворение и обдумаем его базовые смыслы.

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.*

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.*

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

*Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно*

Первая строка «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», с одной (уже привычной) стороны, не вызывает каких-либо вопросов и замечаний, с другой же — напротив, вызывает и то и другое. И действительно, а зачем это человек сам себе при жизни сознательно воздвигает памятник, пускай даже «нерукотворный»? Неужели нет других дум, посущественней что ль? И потом, ведь нескромно сие будет, а значит, поэт лишь красуется перед своим читателем. Но почему вдруг сей недуг? Видимо, что-то внутри поэта пошло, как говорится, «не так и не туда». Иначе говоря, боль от возникшей нелюбви читателей к поэту приняла пускай поэтически изящную, но все равно уродливую по смыслу сказанного форму. Что тогда стало не так и что не позволило поэту принять сие охлаждение как вполне им же заслуженное? Во-первых, очевидно неосознанный отказ поэта от собственных прежних устремлений как от вполне ложных, совершенный им, как говорится, без заметных комментариев, во-вторых, незавершенный переход его к новым воззрениям, так и не позволивший ему же самому занять ясную и убедительную мировоззренческую позицию как для самого себя, так и для своего читательского окружения, скорее всего и вызвали взаимное отчуждения поэта и многих его почитателей. И далее видим вдруг такое: «К нему не зарастет народная тропа». Опять, несмотря на подтвердившуюся впоследствии провидческую силу поэта, какая-то мания величия все равно имеет место быть. В результате «не сотвори себе кумира» превращается в русской жизни на известную перспективу в обратное: твори, твори себе кумира! Строка «Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа» также удивляет нарочитой бравадой, ведь, с одной стороны, поэт уже в услужении власти хотя бы на том простом основании, что с его кончиной его же многочисленные долги оплачивает Николай I, с другой — он почему-то продолжает считать себя выше ее. Зачем? Разве глубоко и успешно думающего поэта подобное могло хоть как-то всерьез занимать? Видимо, писалось сие поэтом в состоянии большого личного огорчения и уже совсем непреходящей обиды. Но кто был виноват в том? Глубокая талантливость поэта, а точнее, очевидное неумение ею же разумно, в конце концов, распорядиться? Чего, собственно, хотел тогда поэт? Продолжение оваций толп и множества признаний, кои очевидно стали иссякать? Вероятно, что так. Но почему и зачем? А потому, что уверенности в правоте выбранной им собственной позиции проповеди «светскости», поддержки устоев невольной родившейся из статуса отца семейства, все-таки не было. Но смотрим следующие две строки из второго четверостишия:

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —*

Вновь перед нами изящный, но все равно отчаянный вопль души поэта о том, что зря от него отвернулись современники, что они еще о том пожалеют, но будет поздно. Или, если хотите, Пушкина надобно любить живого, а то будете любить лишь его «душу в заветной лире». И завершение второго четверостишия как бы подводит черту под всем волнующим поэта:

*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Причем обратите внимание на то, что когда-то «солнечный» поэт Пушкин вдруг перестает им быть. Теперь он видит жизнь на земле как «подлунный мир». Случайность? Вряд ли. Как говорят в народе: «забронзовел»-таки наш герой. Другими словами, перефразируя высказывание Людовика XIV, что «государство — это я», поэт как бы вторит ему, что «поэзия — это Пушкин». Но переходим к рассмотрению третьего четверостишия, начинающегося словами:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,*

Опять то же. Иначе говоря, глупцы вы все тут, ведь я — ваше все! Впрочем, далее начинаются уже явные и досадные осечки:

*И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.*

Но почему вдруг осечки? А потому, что, например, финн о Пушкине уже вряд ли помышляет, а может быть, скоро и тунгус и калмык не будут о нем также ничего знать. По иному, красивое, но не мудрое словцо никак не может вполне надежно служить поэту. Смотрим начало четвертого четверостишия:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,*

Как мы видим, поэт вновь говорит о себе как о народном благодетеле. Можно подумать, если б не его стихи, то русский народ, наверное, стал бы злым, что ли? Конечно, никто не будет возражать против того, что некоторые стихи поэта просто удивительны и совершенны, но далеко не все, и более того — некоторые из них есть очевидный соблазн и даже грех. Вероятно, поэтому-то поэт и указывает неслучайно, что лишь «долго» будет он любезен народу своему, но далеко не всегда. По иному, уже далекие потомки его современников неизбежно разберутся в зловключениях поэта и отделят правду от изысканных заблуждений известного русского поэта. Переходим теперь к обдумыванию последних строк четверостишия:

*Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Что ж, вполне хорошо получилось. Впрочем, это с одной стороны, с другой же — не совсем. И вот почему. Налицо, как говорится, типичное противоречие из русской интеллигентской жизни, а именно: категорически нельзя разумно славить свободу на фоне популяризации милости. Иначе говоря, свобода ради нее любимой есть лишь право на грех человеческий, и ни на что более. Но почему так? Да потому, что для всего остального она попросту не нужна. Для обоснования справедливости последнего утверждения достаточно подумать хорошенько о провозглашенной ниже милости. Последняя по природе своей как раз и не нуждается в выше уже прославленной поэтом полной освобожденности человека или милость сама по себе противостоит акту принесения какой-либо жертвы, а значит, она не стеснена ничем изначально. В противном же случае или в ситуации преодоления каких-либо цепей человек неизбежно начинает приносить жертву, а значит, начинает тотально избегать милости. Таким образом, певец свободы не может быть милостивым по определению. Да, человек может и должен желать чего-либо. Другое дело, что он также обязан понимать качество и самого собственного желания, а кроме того, должен хорошенько помнить, что, скажем, любовь и милосердие в преодолении каких-либо цепей никак не нуждаются. Да, стремление к правде нельзя не приветствовать, но следует также помнить, что оно не тождественно борьбе за свободу. В результате борьба с цепями есть борьба против любви и милосердия в самом себе, а значит, есть дело очевидно греховное. Но воззрим очи свои на завершающее четверостишие:

*Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;*

*Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.*

Опять очарование вполне уже родное, но, собственно, к чему оно? Во-первых, муза, ежели она такова на самом деле, служит, конечно, красоте и правде одновременно, а тем и Богу любя. Во-вторых, обиды и венец для нее очевидно неуместны. Если же речь идет о поэтах, то ведется она явно неудачно. А, кроме того, зрелый поэт уже не хлопочет о вполне банальном деле (хвале и клевете), тогда как спор ведет за правду неотступно, со всеми и всегда.

Завершая анализ прославленного стихотворения «Памятник», вероятно, следует заметить следующее. А. С. Пушкин очень кратко, емко и красочно повествует в нем о смятенном состоянии собственного духа, оказавшегося, с одной стороны, под давлением вполне противоречивых оценок поэта результатов собственного наличного творчества, с другой — очевидного непонимания самой природы охлаждения к нему его читателей.

Но вернемся все-таки к основной теме очерка, которая есть «средоточие ключевой проблемы русского духа» на примере судьбы нашего великого поэта. Сначала спросим себя: а что есть русский дух на самом деле? С одной стороны, это непременно нечто личное, с другой же — самое (в пространстве и времени) общее и самое основополагающее или характерное. Сюда вполне можно отнести, прежде всего, странную противоречивость или, если хотите, непоследовательность русской натуры. Но именно она, сохраняя себя в веках, и являет собой наиболее характерное и устойчивое русское свойство. Что оно такое и зачем? Скорее всего, здесь и кроется разгадка самого феномена русского начала. По иному говоря, именно она (противоречивость глубинных воззрений) скрывает как от иностранцев, так и от самих русских людей причину или назначение их бытия на земле. Вероятно, вполне возможно допустить, что русские своей кем-то и когда-то заданной противоречивостью как бы неявно сообщают всему человечеству о каком-то еще не распознанном им всеобщем будущем, к которому мир, в конце концов, обречен прийти. Да, русские любят земную жизнь во всех ее проявлениях, но они не готовы жить только ради нее. Иначе говоря, они никогда в своей истории не удовлетворялись доступными земными радостями, и более того: так или иначе они начинали тяготиться ими и разрушать их своими руками. Любовь к правде, к справедливости, искреннее уважение к праведности человеческого бытия никогда не исчезали из русской истории окончательно. Таким образом, невидимый, но всегда в той или иной степени ощущаемый русским сердцем образ «Руси благодатной» как образ всеобщего спасения человечества никогда не оставлял его совсем, что и приводило русских людей на протяжении всей истории к якобы бессмысленным действиям или поступкам. Или, только обретая периодически некий неудачный земной прототип «Небесного царства» русские люди практически сразу же начинали им тяготиться и явно или неявно от него же отворачиваться. В результате всенепременного действия этого непреходящего или вполне внеисторического парадокса так или иначе, рано или поздно начинались странные исторические события, всегда приводившие к разрушению уже ранее достигнутого уровня благополучия. По другому говоря, подлинно русские люди никогда в истории всерьез (планомерно и настойчиво в поколениях) не стремились к совершенствованию уже сложившегося у них ранее качества их материальной жизни. Напротив, они как бы внешне совершенно не логично, но зато вполне настойчиво в поступках всегда начинали отрицать ими уже достигнутое, имея в виду нечто другое и более справедливое. При этом фактически каждый раз они неустанно начинали, в конце концов, истово стремиться к тому, что в дальнейшем непременно их же разочаровывало. Вот и сегодня все мы можем наблюдать немислимые по обычным меркам действия российской власти по совмещению капитализма с коммунизмом или демократии с самодержавием. Впрочем, об этом ярко сказал в свое время еще Н. В. Гоголь: «...а без этого у нее (читай — у России. — Авт.) и то, и это... — все уж будет не то...» Видимо, существо самих русских грез и воззрений на смысл человеческой жизни так никогда и не давало русскому духу какой-либо надеж ды на заметное земное успокоение (читай — на стабильность. — Авт.). Отсюда же происходит

страстное желание русских всегда и во всем быть первыми (лучшими). Такова же природа неприятия у русских какой-либо критики в свой адрес (мы ведь православные). При этом практически любая российская власть никогда не гнушалась регулярно прибегать ко лжи и насилию, ибо она вела и ведет поныне борьбу абсолютно со всеми теми, кто ее искренно не любит. Однако последнее свойство российской власти никогда не останавливало русский народ от странного благоговения перед нею же, так как лишь факт ее существования позволял ему надеяться на осуществление всем желанного благоденствия. Сюда же можно, как говорится, приплюсовать русское нескончаемое безумие в обиде и в отмищении ее. Видимо, когда-то раз и навеки установившаяся искренняя, но, очевидно, несчастная вера в евангельское: «Кесарево Кесарю, а Божие Богу» перманентно и порождала и порождает доныне странное двоение самого духа русского народа и ставшее со временем его определяющим историческим свойством, вероятно, парадоксально или «от противного» ведущее его до сих пор в спасительное для всего человечества будущее. Поэтому-то или в качестве своего рода компенсации противоречия указанного выше свойства веры русские люди неустанно и пытаются в собственной жизни соединять принципиально никогда не соединимое. Видимо, ключевая проблема русского духа — это он сам, а точнее — его **неодолимая противоречивость**.

Но вернемся к А. С. Пушкину. Что все-таки из сформулированного выше в его обозреваемой судьбе может быть наглядно подтверждено? Во-первых, это, конечно же, одновременные поэтические призывы поэта к прославлению свободы и милости к падшим за нее же. Во-вторых, это противопоставление своей персоны российской власти и возвеличивание себя прямо-таки до небес. В-третьих, это попытка служить одновременно правде и целесообразности. В части последнего поэт в 1836 году писал (приведено из статей и заметок Пушкина, помещенных в 3-й книге «Современника»): «Мысли, как и действия, разделяются на преступные и на не подлежащие никакой ответственности... Неуважение к именам, освященным славою (первый признак невежества и слабоумия), к несчастию, почитается у нас не только дозволенным, но еще и похвальным удалством... всякое слово может быть перетолковано в худую сторону». Как мы видим, поэт со временем явно становится на сторону интереса так или иначе «сильных мира сего», неразумно предполагая естественное соответствие их поведения правде честной жизни. Иначе говоря, сегодня вполне очевидно, что поздний А. С. Пушкин становится видным консервативным общественным деятелем, пекущимся, прежде всего, об устоях Отечества, выражающимся главным образом посредством соблюдения личных интересов правящих кругов Российского государства. Могла ли подобная метаморфоза пройти для поэта незаметно? Очевидно, что нет, никак не могла. По иному говоря, являясь средоточием русского духа, Пушкин в сложившихся обстоятельствах непременно должен был войти в конфликт с самим собою, который вовне как раз и мог разрешиться так, как оно ровно и случилось. Поэтому-то, видимо, и неслучайно его убийца Дантес прожил очень долгую и благополучную жизнь или никакого серьезного взыскания, за им содеянное на дуэли с А. С. Пушкиным, его собственная жизнь на него так и не наложила. Последнее звучит для русского уха, конечно же, горько, но что делать — такова подлинная (невыдуманная) правда жизни.

Завершая сей непростой очерк, его автор полагает, что русский дух на примере судьбы А. С. Пушкина со всей очевидностью сообщает всему миру ту простую истину, что не ищите, люди, полноты счастья в земной жизни, как и «не обещайте деде юной любви вечной на земле!» Перефразируя последнее, все мыслимые прелести земной человеческой жизни вместе взятые не могут быть подлинным смыслом человеческого бытия, а значит, только полное осознание сего и позволит нам (всему человечеству) обрести иное, пока еще неведомое, но подлинно ценное и непреходящее.

24 сентября 2006 года
Санкт-Петербург

Максимилиан Волошин как подлинный пророк и учитель России

*Истлей, Россия,
И царством духа расцвети.
М. Волошин. Преосуществление*

*Россия должна идти к религиозной
революции, а не к социальной...
М. Волошин. Из статьи
«Право собственности»*

*Один среди враждебных ратей –
Не их, не ваш, не свой, ничей –
Я — голос внутренних ключей,
Я — семя будущих зачатий.
М. Волошин. Пролог*

Предваряя предлагаемый читателю очерк, его автор полагал бы вполне уместным процитировать фрагмент стихотворения «Россия» (1915), в котором весьма компактно выразились и непреходящая сыновья любовь поэта к нашему Отечеству, и понимание надмирного характера его сути, и желание полностью раствориться в нем без остатка.

РОССИЯ

.....

*Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всей красотой земли.*

*Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.*

*Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.*

*Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленной верой
Твои запеклись уста.*

*Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.*

В начале настоящего очерка его автор полагает также уместным процитировать не очень большой фрагмент из статьи М. Волошина «Россия распятая»:

«Каждое государство вырабатывает себе форму правления согласно чертам своего национального характера и обстоятельствам своей истории. Никакая одежда, взятая напрокат с чужого плеча, никогда не придется нам по фигуре. Для того чтобы совершить этот выбор, России необходим прежде всего личный исторический опыт, которого у нее нет совершенно, благодаря нескольким векам строгой опеки. Поэтому вероятнее всего, что сейчас она пройдет через ряд социальных экспериментов, оттягивая их как можно дальше влево, вплоть до крайних форм социалистического строя, что и психологически и исторически желательно для нее. Но это отнюдь не будет формой окончательной, потому что впоследствии Россия вернется на свои старые исторические пути, то есть к монархии: видоизмененной и усовершенствованной, но едва ли в сторону парламентаризма... Мир строится на равновесиях. Две дуги одного свода, падая одна на другую, образуют несокрушимый упор. Две правды, два принципа, две партии, противопоставленные друг другу в устойчивом равновесии, дают точку опоры для всего здания. Полное поражение и гибель одной из партий грозит провалом и разрушением всему зданию... Один из обычных оптических обманов людей, безумных политикой, в том, что они думают, что от победы той или иной стороны зависит будущее. На самом деле будущее никогда не зависит от победы принципа, т. к. партии, сами того не замечая, в пылу борьбы обмениваются лозунгами и программами, как Гамлет во время дуэли обменивается шпагой с Лаэртом. Борьба уподобляет противников друг другу, согласно основному логическому закону тождества противоположностей».

Как мы видим, М. Волошин из далекого прошлого угадал многое уже случившееся в нашем Отечестве. Это и упорное строительство социализма, это и такой же истовый отказ от него в пользу культа денег. Это и открытая борьба с оппозицией при социализме, это и ее полная победа с установлением власти денег, трансформировавшаяся впоследствии в ее же политическую диктатуру. Иначе говоря, наш национальный мыслитель ясно увидел и объяснил все будущие перипетии России, в том числе и очевидно грядущее вырождение российского парламентаризма, превращение его самого изнутри в очевидный тормоз развития страны, в инструмент ее возможной ликвидации. Кроме того, он же из глубины ушедшего указал и ориентиры будущего российского государства:

«Государство строится отказом от личных страстей и инстинктов, то есть самоотречением и самопожертвованием. Всякий эгоизм ведет не к закреплению общественности, а к ее разрушению. Для того чтобы личность не погасла, в массе возникает индивидуализм. Но для того чтобы индивидуализм не принял форм чисто разрушительных (анархических), он должен быть просветлен законом жертвы: в этом возможности христианского государства. Самопожертвование — вот фундамент, на котором может строиться общественность, и качество, которым должен обладать каждый призванный к управлению или к представительству. Между тем в современном парламентском строе система подбора общественных деятелей строится как раз на обратном: на выживании приспособленнейшего, эгоистичнейшего. Доступ к общественным должностям должен быть обусловлен возрастающим рядом обетов и отречений, подобных монашеским».

Анализируя последнее рассуждение М. Волошина о государстве, вероятно, кто-то возразит, что подобного проявления идеализма в истории было уже предостаточно, тогда как мир выбирал и выбирает доныне иное, скажем, прагматизм, камуфлированный извне заботой о народных нуждах. Как бы отвечая этой точке зрения, поэт в работе «Пророки и мстители» писал:

«Русская революция — это только частичный кризис, который в душе Достоевского выявил тайны последнего и величайшего безумия человеческого рода, который погибнет весь в этих моральных конвульсиях, кроме тех немногих избранных, которым предназначено начать новый род людей, новую жизнь, обновить и очистить землю, перенести внешний закон внутрь человеческой души. Тогда нынешнее — звериное сознание общественного

организма, которое ниже нашего личного сознания, станет равным ему и тождественным. Но прежде чем человечество придет к этому полному и безусловному единству личности и общества, надо до самого конца пройти времена безумия. Надо все видимое, все познаваемое рассечь лезвием меча на добро и зло, правду и ложь».

Другими словами, российский провидец, видимо, и завещал всем нам свершение этого самого рассечения наличной ткани жизни на живое и отжившее, иллюзорное и подлинное. Впрочем, одно существенное критическое замечание к словам М. Волошина все же следует высказать. Соблазнительно, конечно же, посчитать русских людей индивидуально превосходящими своими свойствами особенности совокупного русского общественного организма. Но на самом деле свойства последнего и есть точный барометр наиболее распространенных индивидуальных свойств русских людей, которые наиболее выпукло и выступают в рамках общественного поведения. Поэтому лишь решительное изменение целей всей социальной жизни и может дать искомое нами качество, как общественного организма, так и большинства его отдельных составляющих.

Да, скорее всего не нам пожинать плоды грядущего успеха человечества, но нам — именно нам закладывать известные его основы. Иное, или вполне банальные попытки примирения «прагматического коня выгоды с трепетной ланью правды жизни», конечно же, есть подлинная утопия или вполне обреченная на крах частная пожива уже в сущности своей отжившей эпохи. И как бы слыша нас, поэт говорит нам:

Русь! Встречай роковые години:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей...
Дикое поле. 1920

Как солнца бег нельзя предотвратить,
Зачатое не может не родиться!
Европа. 1918

Но посмотрим, чему же М. Волошин предлагает учиться («Россия распятая»):

«Поэт, отзывающийся на современность, должен совмещать в себе два противоположных качества: с одной стороны, аналитический ум, для которого каждая новая группировка политических обстоятельств является математической задачей, решение которой он должен найти независимо от того, будет ли оно согласовываться с его желаниями и убеждениями, с другой же стороны — глубокую религиозную веру в предназначенность своего народа и расы. Поэтому что у каждого народа есть свой мессианизм, другими словами, представление о собственной роли и месте в общей трагедии человечества. Первое — это логика развития драматического действия, которой подчиняется сам драматург, а второе — это причастность творческому замыслу Драматурга».

Как видим, поэт Волошин призывает усвоить ту не очень простую мысль, что личное предпочтение может стать очевидной помехой для творческого процесса. С другой стороны, он также напоминает, что нельзя считать кого-либо второстепенным и незначительным, а собственную и горячо любимую позицию вынесенную за рамки всего описываемого. Далее читаем уже такое:

«Нет ничего более трудного, как найти слова, формулирующие современность. Художественное слово и особенно слово ритмическое не выносит той условной, поверхностной, газетной правды, разговорной правды, в которой изживается нами каждый текущий миг. Для того чтобы увидеть текущую современность в связи с общим течением истории, надо суметь отойти от нее на известное расстояние. Обычно оно дается временем. Но чтобы найти соответствующую перспективную точку зрения теперь же — в текущий миг, поэт должен найти ее в своем мирозерцании, в своем представлении о ходе и развитии мировой трагедии».

Трудно, вероятно, высказать сформулированное выше четче и яснее. С другой стороны, предложенный подход потребует известного погружения в историю названной «мировой

трагедии», что смогут, скорее всего, далеко не многие пишущие. Поэтому и получается, что подлинный поэт — это непременно очень образованный человек. Теперь еще некоторые, но важные соображения нашего учителя:

«Любовь в чистом творческом виде только мыслима для человека. В действительной жизни мы ее видим только в смешанном, нечистом виде. Смешиваясь с материальным миром, проникая физический мир человека, она становится земным пламенем, страстью, приобретает лик ненависти. Проникая вещество, она становится взрывчатой, другими словами, материя, упорствуя своему преобразованию, разлагаясь, высвобождает свою интраатомную энергию. Поэтому все проявления любви в мире материальном носят характер крайней жестокости и как бы противоречат самой сущности любви. Таковы проявления исторического христианства.

Сих косных тел алкание и злоба —
Лишь первый шаг к пожарищам любви...

Видимо, от этого же в мире земном живет пословица «От любви до ненависти один шаг». А, кроме того, природная греховность человека и порождает названный выше «конфликт земной любви». Иначе говоря, получается вновь как в поговорке, что «Не в коня корм». Далее, развивая начатую тему любви и соединяя ее с мудростью, поэт пишет уже такое:

«Как в настоящую эпоху каждый, исследуя мир, от мельчайшего его проявления воспринимает мудрость, но совершенно лишенную любви, лишенную, с нашей точки зрения, морального двигателя, так человечество будущей вселенной, которое будет жить во вселенной, созданной нами, будет восприниматься в каждом проявлении его не мудрость, а любовь.

Отсюда 2 вывода: из законов внешнего мира мы не можем вывести для себя никакого морального долженствования (по нем мы учимся только ремеслу творчества), но мы можем и должны способствовать его образованию. С другой же стороны, мы творим изнутри себя законы любви, которые отнюдь не согласуются и не вытекают из законов мира внешнего. Если познание — разум, то любовь — безумие. И то и другое необходимо для развития мира, и основная моральная задача — согласить их в своих действиях: не мешая и сотрудничая работе духов-устроителей, внести в нее свою стихию любви. Безумию дать разумное творческое русло. Здравый смысл увенчать ореолом безумия».

В последних рассуждениях М. Волошина все-таки смущает предложенное им совершенно отчетливое противопоставление: разум — любовь. Почему? Да потому, что данное положение все же целиком осваивается разумом, а значит, предавать его некоторому неизбежному поруганию не совсем уместно будет. Но как тогда быть? А, вероятно, так. Видимо, вместо слова «разум» нам следует ставить слово «рассудок», который уже действительно подвержен известному ослеплению страстью и возникающей в свою очередь из превратной (греховной) природы человека. Поэтому-то и не случайно поэт в завершающем предложении пишет вдруг о «здравом смысле». Как раз он и является основным орудием любой рассудочной деятельности или мерилом любых прегрешений ума.

Теперь, приближаясь к завершению очерка, его автор полагал бы вполне полезным делом привести целиком текст известного стихотворения «Подмастерье» (1917) для последующего его обдумывания в контексте всей заявленной выше темы о Максимилиане Волошине.

Мне было сказано:
Не светлым лириком, что нижет
Широкие и щедрые слова
На вихри струнные, качающие душу, —
Ты будешь подмастерьем
Словесного, святого ремесла,
Ты будешь кузнецом

Упорных слов,
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности, —
Ты будешь
Ковалем и горнилом,
Чеканищиком монет, гранильщиком камней.
Стих создают — безвыходность, необходимость,
сжатость,
Сосредоточенность...
Нет грани меж прозой и стихом:
Речение,
В котором все слова притерты,
Пригнаны и сплавлены
Умом и терпугом, паялом и терпеньем,
Становится лирической строфой, —
Будь то страница
Тацита
Иль медный текст закона.
Для ремесла и духа — единый путь:
Ограничение себя.
Чтоб научиться чувствовать,
Ты должен отказаться
От радости переживаний жизни,
От чувства отрешиться ради
Сосредоточья воли;
И от воли — для отрешенности сознания.
Когда же и сознание внутри себя ты
сможешь погасить,
Тогда
Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.
Но знай, что каждым новым
Осуществлением
Ты умерщвляешь часть своей возможной
жизни:
Искусство живо —
Живою кровью принесенных жертв.
Ты будешь Странником
По вещим перепутьям Срединной Азии
И западных морей,
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах
знанья,
Чтоб испытать сыновность, и сиротство,
И немому отверженной земли.
Душа твоя пройдет сквозь пытку и крещение
Страстною влагою,
Сквозь зыбкие обманы
Небесных обликов в зеркалах земных вод.
Твое сознание будет
Потеряно в лесу противочувств,

Среди черных пламеней, среди пожарниц мира.
 Твой дух дерзающий познает притяжение
 Созвездий правящих и волящих планет...
 Так, высвобождаясь
 От власти малого, беспмятного «я»,
 Увидишь ты, что все явления —
 Знаки,
 По которым ты вспоминаешь самого себя,
 И волокно за волокном собираешь
 Ткань духа своего, разорванного миром.
 Когда же ты поймешь,
 Что ты не сын земле,
 Но путник по вселенным,
 Что солнца и созвездья возникали
 И гибли внутри тебя,
 Что всюду — и в тварях, и в вещах томится
 Божественное Слово,
 Их к бытию призывавшее,
 Что ты — освободитель божественных имен,
 Пришедший изназвать
 Всех духов — узников, увязших в веществе,
 Когда поймешь, что человек рожден,
 Чтоб выплавить из мира
 Необходимости и разума —
 Вселенную Свободы и Любви, —
 Тогда лишь
 Ты станешь Мастером.

Сразу по прочтении стихотворения трудно что-то и вообще возразить его автору. Кажется, в нем слились воедино и предельно возможный сгусток мысли, и такой же по плотности сгусток чувства. Даже складывается впечатление, что рукой поэта в данном случае непосредственно водило само Провидение. Иначе говоря, даже думается, что в нем достигнуто само совершенство, когда-либо доступное человеку. Впрочем, одно все-таки хочется... и скажется. В последней части стихотворения, начинающейся словами «Когда поймешь, что человек рожден», имеется строка «Вселенную Свободы и Любви». Представляется, что упоминание слова «Свободы», а тем более его первостепенное упоминание, есть серьезная ошибка поэта. Почему? Да потому, что во «Вселенной Любви» нужды в свободе как таковой не будет! Вот почему. Другими словами, там, где царит любовь, хлопоты о свободе избыточны и даже есть помеха указанному царствованию. Это первое. Второе же состоит в том, что и в строке «Необходимости и разума» аналогично имеется своего рода перебор по части первого употребленного слова. Другими словами, «необходимость» так или иначе есть принуждение, а значит, мы имеем невольно, по мысли поэта, «вынужденную любовь», что, конечно же, не может быть признано таковую возможной. Поэтому автор очерка во благо сохранения объемлющего все произведение поэта смысла предлагает его читателям видоизменить рассматриваемый выше фрагмент стихотворения, скажем, так:

Когда поймешь, что человек рожден,
 Чтоб выплавить из мира
 Разумного начала
 Вселенную невиданной Любви, —
 Тогда лишь только
 Ты станешь Мастером.

Преодоление здравого смысла (или пробуждение к жизни)

*Как корабль назовем, так он и поплывет...
Народная мудрость*

Автору настоящего предисловия к будущей книге некоторое время тому назад удалось побеседовать с человеком, который совсем неожиданно предложил ему обдумать возможность ситуации воспитания новорожденного ребенка с абсолютно во всем по отношению к принятому измененными представлениями, как-то: приучения его к тотально неверному называнию всех вещей и явлений, с которыми ему придется иметь соприкосновение в жизни. Целью же сего необычного эксперимента должно стать подтверждение справедливости теории об изначально органично не присущем вещам и явлениям собственного неотчуждаемого имени. Другими словами, в рамках, в данном случае, русской языковой культуры в результате реализации задуманного должно быть строго подтверждено то, что совершенно не важно, как и что называть, тем более что одно и то же явление в разных языковых культурах называется, очевидно, с характерным отличием. Поэтому важно лишь привыкнуть к предложенным и как бы искаженным (во всяком случае, по отношению к уже принятым) наименованиям. Но не будет ли сей эксперимент изначально утопичен или нереален? Ежели он все-таки будет таковым, то каковы могут быть аргументы в подтверждение сего подозрения? Давайте рассуждать.

Чтобы тотально заменить смыслы всех наличных слов, скажем, русского языка на иные или на изначально не свойственные им значения из того же самого языка, самим организаторам задуманного эксперимента надо с самого начала располагать адекватным представлением о смыслах слов родной речи или о смыслах, доставшихся им от предшествующих поколений. Другими словами, прежде чем создавать и насаждать в представлении родившегося человека закодированную или, скажем, «перевернутую» языковую реальность, организаторам опыта следует составить и усвоить в целом новый толковый словарь родного языка. При этом авторам задуманного придется еще выучить сей «вывихнутый» язык, чтобы затем позволить центральному участнику опыта хоть как-то существовать и как-то действовать внутри пространства фактически навязанного ему искусственного языка. Но что может стать так или иначе непреодолимой помехой или преградой для участников названного эксперимента? Казалось бы, и ничего, ведь, скажем, взаимная замена значений слов *мама* и *папа* все равно несет в себе самой конкретное и не умаляющееся в целом содержание, а значит, ничего особо страшного и не должно б происходить. С одной стороны, оно вроде бы и так, а с другой — мы ведь все помним, что организующая сторона все-таки знает исходное наименование всего окружающего, а значит, имеет возможность подспудно сохранять в себе самой своего рода смысловую устойчивость. Впрочем, кто-то, вероятно, заметит, что последняя, может быть, и не нужна вовсе, а значит, преимущество сие будет лишь обременительно для его обладателей и со само временем исчезнет. Но что-то все-таки не позволяет легко согласиться с таким, казалось бы, естественным предположением. Но что же именно? Внутреннее эстетическое чувство? Пожалуй. Но что еще? Смысловая привычка? Несомненно. Непременная потеря некоторых смысловых оттенков и весьма сложных аналогичных переходов, ведущая скорее всего к ухудшению нрава человека? Вероятно. По иному, если человека создает язык (мы ведь все знаем феномен *маугли*, который, не имея языка людей, лишь внешне напоминает человека), то его кардинальное смысловое «перевооруживание» не начнет ли вдруг в свою очередь уже некий «ползучий» или малозаметный процесс расчеловечивания самого человека? Но давайте проиллюстрируем последнее уместное

предположение. Если действительно все равно как и что называть, то назовем, например, любовь — гадостью, а радость — пакостью. И попробуем с этим представлением немножечко пожить. Кроме того, усилим возникшее последнее состояние, скажем, таким дополнением: правда — это ложь, а справедливость — это мерзость, тогда как плохо будет означать наоборот хорошо. К чему приведет нас последнее понимание слов? Кто-то, вероятно, заметит, что ни к чему страшному оно нас, собственно, и не приведет, так как мы на случаях соответствующего применения указанных выше слов все равно поймем, где и что. Иначе говоря, ключевой лозунг здравого смысла «назовите хоть горшком, только в печь не сажайте» и станет всем нам «путеводной звездой». Вместе с тем, следует также подумать о грядущих новых словах как из числа вынужденных заимствований из иностранной речи, так и из числа вновь открытого либо созданного. Почему? Да потому, что в противном случае вполне возможны грядущие смысловые нестыковки или даже — непреодолимые конфликты смыслов, которые могут вскрыть и опрокинуть уже содеянное нами же переименование слов. И потом, если ложь вдруг станет обозначением всего подлинного, честного и полезного, а правда — всего нечестного, ошибочного и вредного, то в таком случае, не возникнет ли «смысловой затор», ведь сама расшифровка ключевых понятий также превратится в нечто перевернутое и противоречивое? Другими словами, нельзя же исключить, что попросту начнет утрачиваться сама исходная смысловая база или будет, если хотите, расслаиваться единая для всех смыслов точка отсчета. Как последнее представимо? А, например, так: ложь — это хорошо потому, что она честная и полезная, тогда как хорошо — это плохо, честность есть глупость, а польза вообще является горем. В результате мы получаем своего рода распад сознания или полную утрату им какого-либо устойчивого смысла. Последнее в свою очередь неизбежно заставит сознание непрерывно «скользить» по всем доступным ему смыслам, не давая при этом ему же с ними никакого «сцепления».

Иначе говоря, у нас все-таки получается, что человек, во-первых, в принципе не способен выдумывать новые смыслы произвольно или вне мироздания и все его собственные смыслы на самом деле — это лишь смыслы самого мироздания, во-вторых, для человека допустимые границы его произвольной или шутливой игры со смыслами слов родной речи также вполне очевидны, в-третьих, сохранение и расширение зоны названной выше смысловой игры для человека крайне опасно, в-четвертых, только трудное преодоление уже привычного соблазна переименования или порочной склонности к произвольной словозаме для человека действительно насущно.

Завершая настоящее короткое исследование, вероятно, следует согласиться с тем, что у идеи произвольной и неограниченной замены смыслов слов родной речи имеются объективно известные пределы, переходить которые без утраты личного начала никому не дано. Другими словами, «играться» смыслами слов, в данном случае, русского языка, во-первых, вполне опасно, во-вторых, «себе дороже», в-третьих, лишь отказ от подобного и в целом печального занятия позволяет каждому обрести саму жизнь и уже непреходящее удовлетворение от нее же.

*Кто не согрешает в слове,
тот человек совершенный,
могущий обуздать и все тело
Соборное послание
Святого апостола Иакова
(глава 3, стих 2)*

Что есть здравый смысл в нашей жизни? Не является ли он на самом деле подлинной напастью для нас? Что же вдруг толкнуло автора настоящих строк к странной атаке на уже родной всем нам здравый смысл? Ведь даже наши предки воспринимали здравомыслие все-таки уважительно, в частности, В.И. Даль в своем известном словаре написал:

здравомыслие или здравоумие есть прямое, толковое суждение, правильное понятие, основательное заключение и самая способность к тому. Казалось бы, все хорошо. Но, не будет ли наша с вами, уважаемый читатель, невзыскательность к смысловым тонкостям для нас же суицидом? Почему вдруг так? А вот почему. Здравый или здоровый самым своим фактом ведь уже предполагают нездравого или нездорового, а значит, и больного. Но разве возможен больной смысл? Конечно же, нет, никак не возможен! В результате мы имеем, строго говоря, одностороннюю точку зрения. Хорошо ли это для нас? Вряд ли. Почему? Да потому, что на основе подобного словоупотребления у нас неизбежно возникает дурная привычка к явно неточному оперированию многими важными смыслами родной речи. Кстати, англичане вместо рассматриваемого нами здравого смысла применяют словосочетание общий смысл, а дезинформацию как отсутствие информации заменяют *misinformation* или неверной информацией. Как мы видим, иностранцы более щепетильны в обращении со смыслами слов родной речи, чем мы. Но куда и во что уходят своими корнями наши позывы к согрешению словом? Истовое увлечение и непрерывное служение всему тленному? Вера лишь в подлинность того, что можно пощупать руками, попробовать на зуб? Презрение ко всему как бы эфемерному или второстепенному? Пожалуй. Но не только. Скорее всего, неверие в слово как в нечто самоценное проистекает из нашего стойкого неумения думать, из отсутствия культуры мышления. Очень соблазнительно посчитать слово чем-то вполне условным, своего рода этикеткой на чем-то значимом и желанном нам. Да, часто совсем не виден сразу результат небрежного отношения нашего к слову нами употребляемому. И многим из нас совсем невдомек, что оно (слово) может действовать вполне строго, но действовать с отсрочкой во времени, иногда — с очень и очень значительной. Мы часто даже не можем себе представить, что слова как-то сочленяются с реальностью нашей жизни и влияют на нее в соответствии с собственным (отчуждаемым) значением (смыслом). В конце концов, в нашей жизни и начинает господствовать результирующая сила действия всех явно и неявно (мысленно) употребленных всеми нами же слов, а значит, и смыслов. Поэтому-то на самом деле рассматриваемое здравомыслие вовсе не так безобидно как кому-то может показаться, наоборот, именно с него-то и начинается ползучее всеобщее соблазнение. Другими словами, нельзя даже в самом малом давать себе послабление в обращении со смыслами родной речи. В противном случае расплата неизбежна. Причем, чем она отдаленнее во времени, тем она прискорбнее для нас будет. Впрочем, многие противники всего сказанного до того возможно замечают автору, что все предшествующее всего лишь его собственное уверение, ничем не подкрепленное по сути. Да, трудно не признать, что отсутствие ясных доказательств может убеждать кого-либо изначально не готового к тому. Что ж, автору видимо придется искать и предъявлять своему читателю требуемые им доказательства. Вероятно, что будущая книга и будет посвящена тому же.

25 октября 2006 года
Санкт-Петербург

Человек, всегда, везде и во всем
ищи и твердо знай смысл,
с ним будешь счастлив...

Послесловие

Первоначально автором настоящей книги не ставилась задача написания какого-либо послесловия, но по мере погружения в ее разворачивавшееся содержание и приближения

окончания работы над нею неожиданно возникло и окрепло побуждение все же сделать это. Во всем написанном в книге, видимо, отобразилось так или иначе все предшествующее творчество автора этих строк и ему самому вполне логично захотелось как-то обдумать содеянное им как нечто целое. Что оно такое и для чего было содеяно? Некоторые из знакомых автора восприняли его писательство как очевидно зряшное и даже, возможно, вредное дело. Их аргументами стали: неполная ясность, спорность большей части всего написанного. А, кроме того, рассматриваемое творчество якобы имеет антиправославный налет. Другие читатели, выразили уже иное, в частности, что предлагаемые автором идеи крайне актуальны, особенно для подрастающего поколения всех думающих по-русски людей. Третьи выразили мнение, что нынешнее поколение читателей попросту еще не совсем готово к подобному чтению, а значит, время большого или заметного интереса ко всему написанному еще впереди. Да, автор, с одной стороны, вполне признает так или иначе все заявленные выше точки зрения, с другой — надеется, что проделанная им в целом исследовательская работа откроет многим возможность для собственных открытий, а может быть, даже позволит обрести нечто непреходящее и спасительное как для себя лично, так и для других людей. Подобное может произойти даже по принципу действия «от противного» или вопреки точке зрения автора «Смысло-логического анализа». С другой стороны, очевидная универсальность, доступность и даже естественность предлагаемого автором подхода к восприятию человеческой речи не может ни привлекать внимания к нему и должно, скорее всего, вызывать сочувствие. Впрочем, найдутся также и многочисленные противники, никак не желающие связывать себя толковыми словарями родной речи, вероятно, предполагающие достаточным свое естественно сложившееся знание смыслов слов русского языка. Но стоит ли с ними спорить? Вряд ли. Как говорится, вероятно, следует предоставить их Богу, который, в конце концов, их и управит в нужную сторону. Но, завершая сию работу, автор искренно надеется, что его усилия все-таки окажутся полезными и даже вполне нужными людям.

До новых интересных и радостных встреч!

Автор

Использованная литература

1. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994.
2. Современный толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003.
3. Историко-этимологический словарь современного русского языка П. Я. Черных. М.: Русский язык, 1994.
4. Толковый словарь В. И. Даля. М.: Terra-terra, 1995.
5. Этимологический словарь Макса Фасмера. СПб.: Азбука, Издательский центр «Терра», 1996.
6. Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова. СПб.: типография Ю. Н. Эрлих, Садовая, № 9, 1899.
7. Словарь иностранных слов в русском языке. М.: Юнвес, 1996.
8. Словарь иностранных слов (Актуальная лексика, толкования, этимология). М.: Цитадель, 1997.
9. Миронов А. Сущностное восприятие слова. Книга первая. СПб.: Экополис и культура, 2000.
10. Миронов А. Сущностное восприятие слова. Книга вторая. СПб.: Алетейя, 2004.
11. Пушкин А. С. Избранные сочинения в 2 томах. М.: Художественная литература, 1978.
12. Литературно-художественный альманах «Золотое слово». Выпуск III. СПб.: РИК «Культура», СПб отделение, 2006.
13. Последний год жизни Пушкина (Переписка, воспоминания, дневники). М.: Правда, 1988.
14. Волошин М. (Стихотворения, статьи, воспоминания современников). М.: Правда, 1991.

<i>Предисловие</i>	3
<i>Философия подлинной власти как философия выгоды или правды? (или некоторые соображения по поводу главного российского дефицита — дефицита умения думать)</i>	4
<i>О технологии конфликтного разномыслия как цели снятия критической составляющей восприятия (или о том, как нас исстари вводят в соблазн)</i>	9
<i>Конституция Российской Федерации 1993 года как механизм расчеловечивания России</i>	14
<i>Смысло-логический анализ понятия «Комсомольская правда», или подлинный смысл закавыченного словосочетания</i>	26
<i>Общественный транспорт как «камень преткновения» российской реформации</i>	27
<i>«Рыночный угар» российской государственности, или «Политиче- ская добродетель» как завершенное проявление «социального гербаляйфа»</i>	29
<i>Загадка и отгадка г-на Путина, или Что такое «Боливар не выдер- жит двоих» на самом деле?</i>	31
<i>Журналистика: общественная мука или полезная наука?</i>	33
<i>Псевдокультура современной России как результат заражения ее псевдосмыслами человеческой жизни</i>	35
<i>Почему борьба за нравственность (с безнравственностью) обречена на аморальные плоды или на неудачу?</i>	36
<i>Почему моральный суд уместнее нравственного суда?</i>	37
<i>Несвойственные слову нация изначально значения и смыслы как способ маскировки подлинной природы межэтнических противоречий</i>	38
<i>Может ли беспристрастный суд быть действительно справедливым? (соображение по поводу суда присяжных, и не только)</i>	40
<i>Адвокатура и принцип состязательности сторон как основа до- пущения возможности несправедливого судебного преследо- вания</i>	41
<i>Почему требование демократии есть требование несправед- ливое?</i>	41
<i>Почему борьба «партии власти» с иллюзией русского фашизма образует подлинный фашизм самой власти?</i>	42
<i>В чем иллюзия неполноты западного представления о правах человека?</i>	43
<i>Нужен ли России Конституционный суд?</i>	44
<i>Современная модель мировоззрения гражданина России как основание и условие сохранения и процветания нашего Отечества</i>	44
<i>Нравственный образ грядущей России (несостоявшееся выступ- ление)</i>	49
<i>Возможно ли спасение души человека вне общественного служе- ния? (или некоторые соображения по поводу «человеческой» и «божественной» справедливости)</i>	57
<i>Опора на метафору как способ изысканного соблазнения и обмана</i>	59
<i>Что означает слово «православие» на самом деле?</i>	60
<i>Оппозиция или борьба с политическими конкурентами?</i>	61
<i>Почему борьба за свои интересы неизбежно образует «двойной стандарт» в поведении?</i>	62

Слово «прогресс» как соблазн глобального масштаба	62
Понятие «воин-монах» как символ сущностного перерождения христианства	63
Является ли экстремистская деятельность сама по себе преступной?	67
Почему мораль и богатство принципиально несовместимы?	68
Почему борьба против привилегий — это всегда борьба против равноправия?	69
Символ веры как торжественное исповедание христианских дог- матов: смысло-логический анализ	70
О природе неизбежной уязвимости современной политики и современного мира	74
Слово «ересь» как нераспознанный смысл в истории челове- чества	75
Является ли переход от обществоведения к обществознанию свидетельством успешного развития гуманитарного знания в современной России?	75
Что отличает образ от понятия о нем?	79
Подлинное искусство как «искусство для народа» или как «искус- ство для искусства»?	80
Почему только вера в Бога является источником морали?	82
Что скрывают за словом «маргинальный» на самом деле?	83
Что означает слово «интеллигент» на самом деле?	84
А. С. Пушкин как титан эстетического соблазна русского ума	85
Что означает слово «идеология» на самом деле?	94
Что ждет Россию в начале III тысячелетия? (смысло-логический анализ православных пророчеств и предсказаний)	96
Что означает словосочетание «суверенная демократия» на самом деле?	104
Каково подлинное значение слова «история»? (смысловое ис- следование на примере прочтения книги Б. Поршнева «О начале человеческой истории»)	105
О причине невыхода в свет II тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (отклик на статью Ю. Молина «Болезнь Гоголя назы- валась... Россия!»)	108
О проекте «Вселенная» Виталия Иванова (по материалам соответ- ствующей публикации в 3-м выпуске литературно-художест- венного альманаха «Золотое слово»)	111
Что скрывает «Взгляд через прошлое в настоящее и будущее»? (смысло-логический анализ статьи И. Г. Елинер и Г. И. Елинер)	113
Двойной смысло-логический анализ стихотворения «Пророк» А. С. Пушкина.....	114
А. С. Пушкин как средоточие ключевой проблемы русского духа	121
Максимилиан Волошин как подлинный пророк и учитель России	128
Преодоление здравого смысла (или пробуждение к жизни)	134
Послесловие	137
Использованная литература	138

Александр Николаевич Миронов

**СВЯЗУЮЩАЯ
СМЫСЛА
СУТЬ**

Литературный редактор Н. П. Дралова

Дизайн обложки С. Ю. Ваценок

Верстка Н. С. Заковыриной

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 2.11.2006

Формат 60х84¹/₁₆

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 15. Тираж 500 экз. Заказ 255.

Отпечатано в издательстве «Геликон Плюс»

199034, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 28